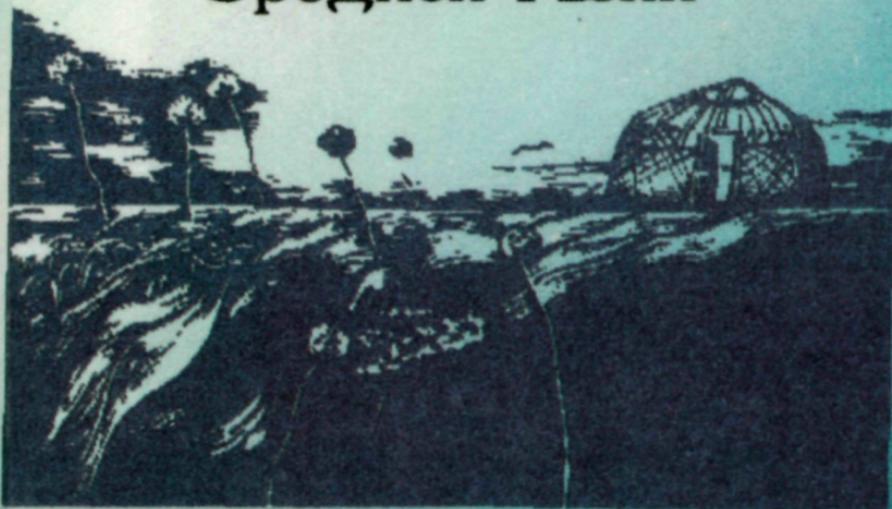

академик

В. В. БАРТОЛЬД
ТЮРКИ

Двенадцать
лекций по истории
турецких народов
Средней Азии

академик
В.В. БАРТОЛЬД
ТЮРКИ

Двенадцать
лекций по истории
турецких народов
Средней Азии

ББК 63.3 (2Каз.)

Б 25

Печатается по изданию: Академик В. В. Бартольд. «Сочинения», т. V. Издательство «Наука», Главная редакция Восточной литературы, М., 1968.

Бартольд В.В.

Б 25 Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Алматы: Жалын, 1993.—192 с.

ISBN 5-610-01145-0

Академик Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) был крупнейшим историком Востока, по сути — создателем и основоположником русской востоковедческой исторической школы.

В предлагаемой работе В. В. Бартольда излагается история возникновения и развития тюркских народов на территории современного Казахстана и прилегающих землях.

«Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» являются библиографической редкостью. Они впервые изданы на русском языке в 1968 году тиражом 4700 экз. и не переиздавались. Этому изданию «Двенадцати лекций...» дано обобщающее название «Тюрки». Оно рассчитано на читателей широкого круга, поэтому в тексте отсутствуют сноски на труды иностранных и отечественных авторов, сделаны необходимые сокращения в местах, трудных для восприятия неспециалистов.

Б 0501000000—03 Без объявл.— 94
408(05)—98

ББК 63.3 (2Каз.)

ISBN 5-610-01145-0

I

Предлагаемые вам лекции будут иметь целью ознакомить вас, насколько позволит находящееся в нашем распоряжении время, с результатами, достигнутыми русской и западноевропейской наукой по истории турецких народностей. Вы увидите, что эти результаты пока не очень значительны и многие вопросы остаются недостаточно выясненными. Отчасти это объясняется тем, что изучение истории турок по первоисточникам требует таких знаний, которые редко соединяются в одном лице. Разумеется, для понимания истории народа и его культурной жизни нужно знать его язык, но письменные источники по истории турок большей частью написаны не на турецком языке, и в этом отношении специалист по истории турок находится в совершенно ином положении, чем, например, специалист по русской истории или по истории одного из западноевропейских народов. История кочевых турецких племен нам известна, конечно, преимущественно по рассказам их культурных соседей, но даже там, где турки в завоеванных ими культурных странах переходили к оседлости и где возникали культурные государства под властью турецких династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, становился их язык, а не турецкий. История турок, живших в Восточной Азии, особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно, в X в. н. э., нам известна почти исключительно по китайским источникам; о турках, пе-

реселившихся в западную часть Средней Азии¹ и подчинившихся влиянию мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в средние века вообще не было или по крайней мере не дошло до нас никаких произведений собственной исторической литературы; например, история монгольских ханов Средней Азии, история Тимура и его потомков нам известны почти исключительно по сочинениям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XV в., при узбеках. Из трех ханств, основанных узбеками, в Бухарском ханстве языком делопроизводства и исторической литературы был до конца, за немногими исключениями, персидский, в Хивинском — среднеазиатско-турецкий; в Кокандском ханстве писали иногда по-турецки. Из всех турецких государств только историю бывшей Османской империи можно изучать преимущественно по турецким историческим сочинениям, но и язык османских историков включает в себе гораздо больше арабских и персидских слов, чем турецких, почти непонятен большинству турецкого народа и представляет мало привлекательного для турколога. Исторических сочинений, написанных сколько-нибудь чистым турецким языком, нет почти совсем, вследствие чего турколог, как и иранист (известно, что историю Ирана домонгольского периода также приходится изучать по источникам, написанным не на иранских языках, а на греческом и арабском), редко становится историком. Во всяком случае, для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом; необходимо также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, быть синологом, арабистом или иранистом.

К числу немногих памятников, представляющих одинаковый интерес для турколога-лингвиста и для историка, принадлежит древнейший датированный памятник турецкого языка — исторические орхонские надписи VIII в., открытые и разобранные во второй половине XIX в. Эти надписи принадлежат первому во времени народу, называвшему себя турками, выступившему в VI в. и сразу подчинившему своей власти все степи от

¹ В этой работе, как и во многих других, В. В. Бартольд называет Средней Азией как Центральную Азию, так и собственно Среднюю Азию.

границ Китая до границ Персии и Византии. Об этих турках мы поэтому располагаем более разнообразными источниками, чем о прежних кочевых государствах, о которых знали только китайцы. Турецкое происхождение завоевателей VI в. считалось вполне установленным еще до разбора оставленных ими надписей.

От большей части кочевых государств империя VI в. отличалась тем, что с самого начала находилась под властью только одной династии, но не одного лица. Ханы, правившие в западной половине империи, с самого начала были совершенно самостоятельны, даже принимали иностранных послов и заключали с ними договоры, не посылая их на восток, как впоследствии, в эпоху монгольской империи, первые ханы Золотой Орды. Европейские ученые, даже синологи, преимущественно интересовались государством западных турок, имевшим более разнообразные культурные связи и до некоторой степени служившим посредником между культурой Дальнего Востока и культурой переднеазиатских стран, хотя далеко не в таком размере, как впоследствии монгольская империя. Западным туркам посвящена обширная работа французского сиолога Шаванна, напечатанная в начале XX в. в изданиях русской Академии наук; в этой работе китайские известия о западнотурецком государстве VI—VIII вв. сопоставлены с известиями византийских, армянских и мусульманских источников. Рассказов о себе западные турки не оставили; от них остались, насколько известно до сих пор, только небольшие надгробные надписи.

Орхонские надписи говорят почти исключительно о продолжавшемся полвека, с 630-х до 680-х годов, подчинении восточных турок китайскому правительству и о восстановлении независимости под властью новых ханов, которым на короткое время удалось подчинить себе даже своих западных соплеменников. Несмотря на то что со времени открытия датским ученым Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более тридцати лет, разбор надписей еще не закончен и толкование некоторых мест до сих пор остается спорным; при пользовании существующими переводами, без знания языка подлинника, для каких-нибудь исторических выводов необходимо соблюдать большую осторожность. Более всего способствовали объяснению надписей переводы Радлова и самого Томсена; Томсен после издания своего первого пе-

ревода объявил, что не рассчитывает вернуться к надписям, но, к счастью, не остался верен этому намерению и посвятил надписям еще несколько работ.

Не будучи туркологом-лингвистом, я не решаюсь высказываться о спорном толковании отдельных слов и спорных приемах перевода.

Несмотря на спорность отдельных мест, надписи в общем дают ясную картину жизни кочевого народа и кочевого государства. Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется, не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые бы располагали определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения. Представители государственной власти, ханы, которым при благоприятных условиях удается подчинить себе весь народ или даже несколько народов, появляются только при чрезвычайных обстоятельствах, причем и в этих случаях ханы берут власть сами, никем не назначаются и не выбираются; народ или народы только примиряются с существующим фактом, часто только после тяжелой борьбы, и объединение под властью хана его собственного народа часто бывает связано с более продолжительным кровопролитием, чем потом походы кочевников, с ханом во главе, на культурные земли; эти походы и связанная с ними военная добыча — единственный способ примирить народ с установлением ханской власти.

Такую же картину представляют и надписи. Ханы происходят из турок-огузов или токуз-огузов и в то же время ведут с огузами и другими турецкими народами продолжительные войны, о которых надписи говорят гораздо подробнее, чем о войнах с китайцами и другими культурными соседями; на эти последние войны сам хан и, конечно, его подданные смотрят только как на средство дать голодному народу пищу, дать нагому народу одежду. Надписи внесли в историю образования кочевых государств только одну новую черту, на которую Радловым не было обращено внимания: одним из чрез-

вычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками¹ и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно. Из надписей видно, что во время китайского владычества аристократия, как бывало и в культурных странах, ради сохранения своих сословных привилегий легче мирилась с иноземным игом и легче изменяла своим народным обычаям, чем простой народ; то же самое происходило, например, в западно-русских областях в эпоху польского владычества. Принятие беками китайских нравов усилило ненависть к ним народных масс, и этим воспользовались представители ханской династии, чтобы поднять народ против китайского владычества и восстановить турецкое государство.

История кочевых народов Средней Азии представляет еще один пример политического объединения народов после сословной борьбы — образование монгольской империи Чингиз-хана. Только в этом случае образование государства было последствием победы аристократии, и Чингиз-хан говорил не о своих трудах на благо народных масс, как турецкий хан VIII в., а о своих заслугах перед своими аристократическими приверженцами, которым он доставил обеспеченное положение на родине и богатую добычу во время походов. И в этом случае известие о сословной борьбе сохранилось только в эпическом сказании самих монголов, ни один из многочисленных китайских, мусульманских, армянских и европейских источников, говорящих об образовании монгольской империи, об этом не упоминает, как ни в китайских, ни в других источниках не говорится о сословной борьбе среди турок. Если бы до нас дошло больше рассказов кочевников о себе, то, вероятно, случаев, когда в истории образования кочевого государства имела значение сословная борьба, оказалось бы больше.

Надписи дают довольно много сведений об устройстве турецкого государства, о названиях должностей и т. п. Может быть, не все эти названия правильно прочитаны, но уже теперь ясно, что многие из них не турецкого происхождения. Титул *шад*, как назывались члены ханской

¹ *Бек* (бег, бий) — представитель высшего сословия у тюркских народов, вельможа.

династии, стоявшие во главе отдельных турецких племен, по всей вероятности, иранский, одного происхождения с персидским *шах*²; некоторые другие титулы обращают на себя внимание монгольским окончанием множественного числа на *-т*. Проф. Пельо в лекции, прочитанной осенью 1925 г. в Ленинграде, высказал мнение, что эти титулы заимствованы турками у своих предшественников — аваров, жужаней китайских источников, которых он считает монголами. Аварам турки, по мнению Пельо, были обязаны всем своим государственным устройством. Этот вопрос находится в связи с более общим вопросом об отношении турок, с одной стороны, к культурным народам Запада, с другой — к выступавшим до них кочевым народам Средней Азии.

До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры. Еще Э. Блоше в своем введении к истории монголов Рашид ад-дина, вышедшем в 1910 г., находил возможным утверждать, что в орхонских надписях все не чисто турецкое объясняется китайским влиянием и что даже монголы впервые ознакомились с мусульманской культурой во время своих походов на мусульманские страны, тогда как китайская культура была известна им с самого начала. Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок в VIII в., так и у монголов в XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения.

Орхонские надписи написаны тем же алфавитом, как известные еще в XVIII в. надписи на верхнем Енисее, причем уже тогда было обращено внимание на сходство некоторых букв с европейскими алфавитами. В общем енисейские надписи по форме букв должны быть признаны несколько более ранними, чем орхонские, и могут быть отнесены к VII в.; более точно установить их дату нельзя. Замечательно, что ни одна из этих надписей не датирована хотя бы по употреблявшемуся и орхонскими турками двенадцатилетнему животному циклу; между тем на верхнем Енисее, по китайским и мусульманским известиям, тогда жили киргизы, которым поэтому придется приписать енисейские надписи, хотя китайцы именно о киргизах говорят, что ими употреблялся животный

---

² *Шах* — персидский княжеский титул.

цикл, так что некоторые ученые даже полагали, что этот цикл был изобретен киргизами.

Самое подробное исследование о происхождении енисейских и орхонских письмен принадлежит финскому ученому Доннеру, который находил больше всего сходства между этими письменами и письменами аршакидских монет (династия Аршакидов, как известно, правила в Иране с III в. до н. э. до III в. н. э.). С тех пор экспедициями, работавшими в Китайском Туркестане и в пограничных с ним местностях собственно Китая, были найдены документы на восточноиранском языке, который обыкновенно называют согдийским (Соغد — название местности по реке Зеравшан, где находятся города Самарканд и Бухара); эти документы относятся к I в. н. э.³ Более всего занимавшийся памятниками согдийского языка покойный иранист Готье считал возможным производить енисейско-орхонский алфавит от согдийского, но доказывал, что енисейско-орхонские буквы должны восходить к более древней форме согдийского алфавита, чем та, которая сохранилась в древнейших согдийских документах, т. е. в документах I в.; между тем открытые до сих пор турецкие надписи относятся к эпохе не ранее VII в. Едва ли поэтому удастся научно установить происхождение древнейшего турецкого алфавита и процесс его постепенного видоизменения, пока не будут найдены какие-нибудь турецкие надписи, которые бы стояли ближе по времени к своему согдийскому образцу.

Турки, по-видимому, не только заимствовали готовый алфавит, но прибавили к нему некоторые новые знаки, например, знак для передачи звука *ok* или *uk*, представляющий изображение стрелы (по-турецки *ok*). Сверх того, алфавит был приспособлен турками к фонетическим особенностям своего языка, особенно к закону звуковой гармонии; вследствие этого самый старый из турецких алфавитов в то же время должен быть признан самым совершенным из алфавитов, когда-либо употреблявшихся турками. Можно думать, что этим алфавитом писали много и помимо надписей; в надписях, составленных от имени хана одним из членов ханского рода, орфография старого выдержана, более строго, чем в надписи, принадлежащей турецкому государственному деятелю Тоньюкуку, сподвижнику и министру трех ханов. Слог и

³ Согдийские документы из Восточного Туркестана датируются теперь В. Хеннингом IV в. н. э.

выражения надписей заставляют полагать, что состояние культуры народа было не так низко, как можно было бы ожидать по обстановке кочевой жизни. Хан даже приглашает весь народ читать оставленные им надписи, чтобы вспоминать как о своих успехах, так и о неудачах, вызванных его преступлениями против своих ханов; едва ли можно думать, что грамотность была так распространена, но все-таки эти слова свидетельствуют о более широком понимании задач правителя, чем можно было бы думать по словам Шаванна, что хан выразил в надписях только свою «мечту о зверской славе». Говорится о том, как в дни несчастья рекой лилась кровь турецкого народа, но ничего не говорится о пролитии чужой крови в дни побед, не говорится ни о числе убитых, ни о каких-либо зверских жестокостях, как, например, в надписях ассирийских царей.

Для понимания психологии народа было бы важно знать его религиозные верования. Надписи не говорят об этом почти ничего. Говорится о культе неба и земли, причем иногда употребляется выражение 'турецкое небо' и 'турецкая земля и вода'. Одно и то же слово *tāңri* обозначает небо в материальном смысле и небо как божество. Из тех мест, где говорится о земле и воде (*jár суб*), тоже можно вывести заключение, что имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли. Из отдельных божеств упоминается только Умай, дух покровитель младенцев, с которым хан сравнивает свою мать. Почитание Умай сохранилось и в новейшее время у последних турецких шаманистов в Алтае. Несомненно, что турки были шаманистами, хотя турецкое слово для обозначения шамана, *кам*, нигде не встречается. В енисейских надписях рядом со словом *tāңri* встречается слово *bäl*, по-видимому, в смысле духа, почитаемого шаманистами; в орхонских надписях этого слова нет⁴. Нет и следа того распространения культурных религий, о котором мы имеем некоторые сведения в китайских источниках; по словам китайцев, хан даже хотел построить у себя буддийский храм, но его советник Тоньюкук отговорил его и сказал, что учение Будды может вредно отразиться на военных качествах турок. Еще меньше мы знаем о религиозной пропаганде с за-

⁴ Слова *bäl* в енисейских надписях возникло в результате ошибки чтения; правильное чтение *äl*. Ср. Самойлович, *Не «идол», а «племя»*.

пада. Распространение иранского алфавита, как в древности распространение финикийского, первоначально вызывалось только торговыми сношениями и не было связано с религиозной пропагандой. Национальная религия Ирана, зороастризм, не была связана с международным миссионерством. После похода Александра Македонского восточноиранские области были надолго оторваны от западных и подчинились влиянию согдийской культуры и буддизма. Буддийские миссионеры иногда пользовались среди иранцев и турок индийскими алфавитами; благодаря европейским археологическим экспедициям в Туркестан мы имеем турецкие буддийские тексты, написанные индийскими буквами, но скоро буддистами был усвоен согдийский национальный алфавит, нашедший себе потом применение, как мы увидим, и среди турок. Свои алфавиты привезли с собой и представители двух западных религий, распространявшихся в Средней Азии начиная, вероятно, с III в. н. э., — манихейства и христианства. Манихейство возникло после христианства и представляет попытку соединения зороастрийских идей с христианскими и буддийскими, но пропаганда манихейства в Средней Азии началась, по видимому, раньше, чем пропаганда христианства. В это время уже начинает устанавливаться связь между религией и алфавитом; у манихеев был свой алфавит, у христиан свой, известный под названием «сирийский», причем впоследствии у каждого из восточных христианских исповеданий была своя разновидность общего сирийского алфавита. Обращенные в манихейство и христианство иранцы и турки долго употребляли манихейские и сирийские буквы, но вместе с тем встречаются манихейские и христианские тексты, написанные национально-согдийским алфавитом; иногда мы имеем текст одного и того же манихейского турецкого сочинения в двух списках, из которых один написан манихейскими буквами, другой — национально-согдийскими.

Немного после исчезновения государства турок-огузов манихейство, как мы увидим в следующей лекции, получило широкое распространение среди турок; но для периода господства ханов VI—VIII вв. мы еще не имеем сведений о том, насколько успехи согдийской торговли в степях сопровождалась успехами религиозной пропаганды. Естественно, что главным поприщем деятельности согдийских купцов и миссионеров был торговый

путь в Китай; на этом пути, вплоть до Лоб-Нора, возникали согдийские колонии; благодаря Пельо мы знаем, что на Лоб-Норе согдийская колония была основана в VII в. и еще сто лет спустя пользовалась некоторой автономией. Но в то же время купцы могли выгодно сбывать свои товары в турецких степях, особенно в ханской орде, где тоже возникали согдийские поселения. Благодаря рассказу буддийского паломника Сюань Цзана, проезжавшего через Среднюю Азию около 630 г., мы знаем, что такие города были уже в то время в стране западных турок до берегов Чу. Сюань Цзан еще ничего не говорит о городах вдоль южного берега Иссык-Куля, где он также проехал, но и эти города упоминаются уже в истории китайской династии Тан. Сведения этой истории о Средней Азии прерываются на первых годах IX в.

Шаманские верования особенно проявились в погребальных обрядах турок. Мы знали из китайских источников, что турками около могил воинов ставились статуи убитых ими врагов; орхонские надписи вполне подтвердили это известие и сообщили нам термин для обозначения таких статуй — *балбал*; этому слову приписывают китайское происхождение. Надписи не говорят, была ли установка балбалов связана с исполнением каких-нибудь обрядов; но из византийских источников мы знаем, что у могил турецких ханов иногда убивались взятые в плен вожди врагов. В основе этого обычая лежит, несомненно, верование, которое мы встречаем и у других шаманистов: что убитые будут на том свете служить тем, которыми или ради которых они были убиты. В этом веровании резче всего выразилась разница между примитивным язычеством и культурными религиями. Религия на той ступени развития, которой соответствует шаманизм, еще не связана с этической идеей; вера в будущую жизнь не предполагает веры в загробный суд и загробную ответственность; человек не только не боится загробной кары за уничтожение чужой жизни, но полагает, что, чем больше людей им убито, тем лучше его участь в будущей жизни.

Надписи и открытые вместе с ними памятники и в некоторых других отношениях подтвердили письменные известия и опровергли высказывавшиеся против них возражения. Оказалось, что балбалы турок VIII в. вполне соответствуют по внешнему виду тем статуям, которые находили на большом пространстве, начиная от

южнорусских степей, и которые русский народ называет «каменными бабами». Кроме китайского известия о постановке турками статуй, был известен также рассказ католического миссионера середины XIII в. Рубрука, что такие статуи, обращенные лицом на восток, ставились и в его время современными ему турецкими обитателями южнорусских степей, команами (половцами русских летописей). Несмотря на такое совпадение китайских известий с независимыми от них европейскими, Радлов высказал мнение, что ошибались и китайцы, и Рубрук и что статуи в действительности ставились, например, в России за много веков до вторжения туда турок. Возможность такого мнения объясняется тем, что тогда еще не был открыт ключ к чтению енисейских надписей; на многих енисейских балбалах, как и на некоторых орхонских, сохранились надписи, теперь, после открытия ключа к ним, прочитанные по-турецки, и в турецком происхождении так называемых «каменных баб» теперь уже не может быть сомнения.

Радловым делались возражения и против некоторых других китайских известий о турках. По мнению Радлова, известие, будто турки до своего возвышения занимались в горах кузнечным мастерством, не могло соответствовать действительности; ему казалось, что кочевой быт и металлическое производство — факты несовместимые. В этом отношении орхонские надписи ничего не говорят ни за, ни против китайского известия, но в пользу соединения кочевого быта с выделкой железного оружия говорят, как известно, турецкие и монгольские предания. Противоречие между письменными известиями и вещественными памятниками Радлов видит еще в том, что китайцы говорят о существовании у турок обычая трупосожжения, между тем в раскопанных Радловым могилах следов такого обычая не оказалось. Из надписей видно только, что по турецким народным верованиям душа обращалась в птицу или насекомое; об умерших говорится, что они улетают (*учду*); известно, что на западе у турок еще долго после принятия ислама в смысле 'умер' употреблялось выражение 'стал соколом' (*шункар болды*). Сохранению тела, по-видимому, не придавали значения. Есть известие, что, когда во время войн турок с арабами в руках арабов остался труп турецкого предводителя, это считалось еще более тяжелым бедствием, чем самая смерть предводителя; но, может быть, здесь

имели значение не религиозные представления, но чувство позора, как считался позором захват врагами женщин. Больше сведений о погребении умерших у орхонских турок, чем надписи, могли бы дать раскопки около мест ханского погребения; такие раскопки велись как Радловым и его сотрудниками, так и после них, в последний раз в 1925 г. проф. Владимирцовым, но до сих пор раскопки не привели к обнаружению могил; очень вероятно, что, как у многих других народов, при погребении вырывали несколько ям и старались скрыть, в какую именно яму положено тело хана или его пепел, чтобы враги не могли осквернить могилу. Самым интересным результатом раскопок проф. Владимирцова является обнаружение в земле статуи турецкого воина, превосходно сохранившейся и представляющей все черты турецкого расового типа. Статуи были находимы и раньше на поверхности земли, но всегда без головы; головы нарочно отбивались монголами, веровавшими, что иначе эти изображения людей прошлого могут приносить вред живущим теперь людям; этот пример показывает, что головы древних статуй уничтожаются и там, где не было мусульманского религиозного фанатизма, которым обыкновенно объясняют такие факты. Дальнейшие раскопки, вероятно, обнаружат новый материал; до тех пор едва ли есть основание отвергать китайское известие о сожжении трупов, тем более что после Радлова были случаи находки в степи могил со следами трупосожжения. Китайцы имели возможность много раз близко видеть турецкое погребение; некоторые ханы, бежавшие от своих врагов в Китай и там умершие, были погребены там на глазах населения по обычаям своего народа, так что возможность ошибки почти исключается.

Я постарался в этой лекции изложить главные результаты исследования надписей и других памятников, оставленных первым по времени народом, называвшим себя турками. Остается рассмотреть, насколько эти результаты могут способствовать выяснению вопроса, какие из живших ранее народов находились в близком или более отдаленном родстве с этими турками и насколько факты жизни турецкого государства VI—VIII вв. могут способствовать выяснению дальнейших судеб турецкого народа. Этим вопросам будут посвящены следующие лекции.

Кроме тех причин, о которых я говорил в первой лекции, изучение истории туток и вообще среднеазиатских народов затрудняется еще крайне неравномерным освещением отдельных периодов. Если мы о каком-либо периоде и какой-либо стране для известного периода располагаем сравнительно подробными сведениями, то о том, какую жизнь вели тот же народ или та же страна раньше или после, часто приходится довольствоваться несколькими словами в каком-нибудь одном источнике. Между тем для понимания исторического процесса необходимо иметь возможность наблюдать этот процесс на всех стадиях его развития. При отсутствии сведений в источниках остается слишком много простора для произвольных догадок и предположений, что не может не причинять вреда интересам научной точности.

Орхонские надписи, как мы уже видели, представляют совершенно исключительное явление в истории граничивших с Китаем кочевых государств домонгольского периода. О государствах, возникавших в степи раньше турецкого государства VI—VIII вв., мы принуждены довольствоваться краткими сведениями китайских источников; сами народы сошли со сцены, не оставив нам даже слов своего языка.

Главным источником для решения вопроса, на каком языке говорил тот или другой народ, до сих пор считались приводившиеся китайскими историками, в транскрипции китайскими иероглифами, отдельные слова, преимущественно имена и титулы, на основании звукового произношения иероглифов решался вопрос, к какому языку принадлежит то и другое слово и как оно произносилось. Орхонские надписи дали материал для проверки таких выводов ученых, и результат оказался малоутешительным. Даже в тех случаях, когда исследователи имели дело с несомненно турецкими языками и когда предположения высказывались лучшими знатоками этих языков, эти предположения были довольно далеки от действительности. Почти накануне открытия ключа к надписям Радлов в нескольких работах, в том числе в предисловии к изданию *Кутадгу билик*, сделал попытку установить, на основании китайской транскрипции, значение и произношение ханских титулов. Надписи показали, что многие из предположений Радлова были неоснователь-

ны, что китайские иероглифы, в которых он видел транскрипцию слова *бек*, передают слово *bilge*, что слова *ајдын* 'блеск' в турецком языке того времени не было и вместо предполагавшегося Радловым *ајдынлык* надо читать *ај тәңри* и многое другое.

Из надписей также видно, что в некоторых случаях китайцы произвольно давали известному им народу то или другое китайское название, не имевшее ничего общего с тем названием, которое давал себе сам народ. Так, вместе с народом *китай* у китайцев постоянно называется народ *хи*; в орхонских надписях, также вместе с народом *китай*, выступает народ *татабы*; все европейские исследователи согласны, что *хи* китайских источников и *татабы* надписей — одно и то же, несмотря на полное отсутствие между этими словами какого-либо звукового сходства. Работа ученых затрудняется еще тем, что синологами, по-видимому, еще не вполне выяснено, как произносился тот или другой китайский иероглиф в то время, к которому относятся государства кочевников.

Попытки разгадать по китайским транскрипциям язык того или другого народа делались много раз, начиная с языка древнейшего из этих народов, хуннов, основавших сильное государство на границах Китая во II в. до н. э. и впоследствии передвинувшихся в Европу, где они особенно прославились в V в. н. э. Обыкновенно хуннов считали и считают турками, тем более что сами китайцы называют турок VI в. потомками хуннов. Из попыток установить турецкое произношение слов языка хуннов, встречающихся в китайских источниках, особенно известна попытка японского профессора истории Ширатори; как малоудовлетворительна была эта попытка, видно уже из того, что сам проф. Ширатори впоследствии отказался от предложенных им сближений и пришел к выводу, что те же слова хуннов лучше объясняются при помощи тунгусских языков.

Более несомненным считалось тунгусское происхождение следующего по времени кочевого народа, господствовавшего в Восточной Монголии, имя которого нам известно только в китайской транскрипции — *сяньби*; они упоминаются как восточные соседи и враги хуннов, занявшие их место в Монголии в конце I в. н. э. и впоследствии основавшие, как и хунны, несколько династий в северных областях собственно Китая. В противоположность хуннам, *сяньбийцев*, кажется, не считал турками

ни один из писавших до сих пор исследователей; между тем в китайской литературе, как сообщил профессор Пельо в своей лекции, прочитанной в Ленинграде, сохранился словарь сяньбийского языка, не оставляющий сомнения в том, что этот язык был турецким. Факт, сообщенный Пельо, имеет большое значение и показывает, что в китайской литературе можно найти более точные, чем полагали до сих пор, сведения о языке кочевых соседей Китая, тем более что этот факт не единственный в своем роде; еще раньше проф. Пельо в печатной статье упомянул о существовании словаря языка одного из народов, упоминаемых в орхонских надписях, именно народа китаев; этот словарь показывает, что китаи, которых до сих пор обыкновенно считали тунгусским народом, в действительности говорили на монгольском языке.

Не вполне ясно для меня, на чем основано мнение проф. Пельо, упомянутое мною в прошлой лекции, которое он сам считает несомненным, о монгольском происхождении предшественников турок, аваров, подчинивших себе не такое обширное пространство, как впоследствии турки, но все же господствовавших в V в. и в первой половине VI в. в восточной части Средней Азии. И в этом случае народ носит в китайских источниках название, придуманное китайцами и не имеющее ничего общего с действительным народным названием. Китайцы говорят только о народе жужань, или жуань-жуань; это слово обозначает каких-то червей и должно было выразить презрение китайцев к кочевому народу. Слово *авары* в китайских источниках не встречается; встречается ли оно в орхонских надписях, остается спорным; было высказано мнение, что так должно быть объяснено загадочное народное название *пар-пурум*, или *апар-апурум*, встречающееся в надписях только в одном месте, где говорится о прошлом, а не о современной автору надписей жизни. В последнем своем переводе Томсен рассматривает слова *апар* и *апурум* как названия двух отдельных народов, и при каждом из них ставит вопросительный знак. Слово *авары* в разных видах встречается в византийских, западноевропейских и русских источниках (в русской летописи в форме *обры*); византийцы отличают настоящих аваров, погибших, по их словам, на востоке, от народов, принявших имя аваров и под этим именем явившихся в Европу; но, по-видимому, мы имеем здесь или

один и тот же народ, или, во всяком случае, народы, близко родственные между собой.

Есть некоторые обстоятельства, как будто говорящие в пользу мнения проф. Пельо. Сюда относятся так называемые древнеболгарские слова, сохранившиеся в славянской хронике и относящиеся к царствованию древних князей дунайских болгар. Известно, что эти болгары первоначально не были славянами и до сих пор сохранили в своем типе следы неславянского происхождения; загадочные слова, явно не имеющие ничего общего со славянскими языками, поэтому старались объяснить из турецких или близких к турецким языков. Особенный успех имело мнение финляндского профессора Миккола, что в загадочных словах мы имеем определение дат по эре двенадцатилетнего цикла; при этом, однако, оказывалось, что лошадь обозначалась не турецким, а монгольским словом *морин*. Такой факт прежде был бы совершенно непонятен; если авары были монголами, то слово *морин* могло быть принесено на запад ими. Я ограничусь этим примером и не буду останавливаться на более сомнительных и менее заслуживающих внимания попытках некоторых ученых найти на западе монгольские слова задолго до появления исторических монголов. Какие смелые предположения высказывались об этом даже крупными учеными, можно видеть из попытки Маркварта сблизить название области Чаганиан в бассейне верховьев Аму-Дарьи с монгольским *цаган* 'белый', причем Маркварт на основании этого более чем спорного сближения называет слово *Чаганиан* первым по времени достоверно засвидетельствованным монгольским словом.

С другой стороны, против мнения Пельо могут быть сделаны веские возражения. Господство жужаней, или аваров, простиралось еще в V в. довольно далеко на запад, по крайней мере до Карашара в Китайском Туркестане; ими же было вызвано движение дальше на запад, в бассейн Аму-Дарьи, народа хайталов, или белых гуннов, покоренных впоследствии турками; при таком значении монгольского народа в событиях этой эпохи трудно объяснить, почему археологические экспедиции в Среднюю Азию не привели до сих пор к открытию каких-либо монгольских текстов, которые бы относились к времени до образования империи Чингиз-хана. Впрочем, не исключается возможность, что во время господства аваров торговля иранцев и других западных наро-

дов с кочевниками Средней Азии еще не достигла такого развития, как впоследствии при турках, хотя мы знаем, что в V в. купцами поддерживались сношения между хуннами, переселившимися в Европу, и хуннами, владевшими небольшим государством в пределах Китая.

Во всяком случае сообщения проф. Пельо показывают, что наука имеет право ожидать от синологов более точных и ценных, чем известные до сих пор данные, материалов для решения вопроса об этнографическом происхождении исторических кочевых народов. Ценных для истории выводов или по крайней мере устранения прежних ошибок можно ожидать и от успеха лингвистических исследований, после которых станут невозможными прежние, совершенно ненаучные лингвистические сближения. До сих пор считали возможным сближать слова хуннов или других старых кочевых народов со словами современных турецких наречий, даже не ставя вопроса, могло ли данное слово в данной форме относиться к древнему периоду. В работах Ширатори, например, для объяснения титула правителей одного из народов, известия о котором относятся к времени нашей эры, привлекается среднеазиатское слово *бий*, представляющее очень позднее видоизменение старого *бек* и не встречающееся нигде раньше XV в. Маркварт для объяснения китайских известий о народе телэ в Монголии думал привлечь слово *итиль* в смысле 'река', тогда как это слово заимствовано из чувашского языка и не встречается ни у одного из других турецких народов, кроме татар, т. е. приволжских турок. Надписи и открытые в Средней Азии памятники старотурецкой религиозной литературы, может быть, дадут возможность поставить на научную почву вопрос о постепенном развитии словарного состава турецкого языка, также и о том, каким наречиям и каким местностям принадлежат те или другие слова. Если бы удалось открыть такие же древние памятники монгольского языка, то и работы по сопоставлению турецкого языка с монгольским, вероятно, по методам исследования приблизились бы к работам по индоевропейской и семитской филологии. До тех пор пока нет монгольских памятников древнее XIII в., история монгольского языка остается еще более темной, чем история турецкого.

Кроме привлечения древних памятников, история языков до некоторой степени может быть изучена посредством привлечения живых наречий. Во всех языках бы-

вают примеры, что живое наречие сохранило древние формы, давно утраченные в литературном языке. Турколог и монголист и в этом отношении находятся в менее выгодном положении, чем специалисты по индоевропейской или по семитской филологии. Монгольские наречия, насколько мне известно, настолько сходны между собой, что не дают материала для каких-либо исторических выводов. Несколько большее разнообразие турецких наречий определяется уже тем, что турки расселились на гораздо большем пространстве; но и турколог, кроме большего числа сравнительно близких друг к другу турецких наречий, располагает только двумя резко обособленными турецкими языками, якутским и чувашским. Сопоставление этих языков с остальными турецкими наречиями может дать некоторый материал для выяснения истории языка и в связи с этим истории народа.

Якутский язык принадлежит народу, ушедшему на далекий север и не принимавшему после этого участия в общетурецкой жизни; зато чувашский язык сохранился в бассейне Волги, в местности, куда шло переселение турок из Средней Азии, и есть основание полагать, что этот язык в средние века был гораздо более распространен, чем теперь. Арабские географы отмечают сходство между различными наречиями турок от печенегов в Южной России до соседей Китая и прибавляют, что на особом языке, непонятном для других, говорили болгары и хазары, жившие по среднему течению Волги; этот язык отличался также от языка финских народностей. В таком же положении находится теперь чувашский язык, ближе стоящий к турецким, чем к финским, но одинаково непонятный для турок и финнов. Волга носила и у болгар, и у хазар название *Итиль*, что значит по-чувашски 'река'. Все это привело туркологов к заключению, что чувашский язык представляет остаток языка, на котором говорили прежде болгары и, вероятно, хазары.

О характере чувашского языка долго велись споры. Радлов еще считал этот язык продуктом смешения турецких элементов с финскими; впоследствии другие ученые старались доказать, что в чувашском языке сохранились утраченные в большей части турецких наречий остатки более древней стадии турецкого языка. К такому выводу пришел и последний исследователь этого вопроса Поппе, напечатавший об этом статью в «Известиях» русской Академии наук. По мнению Поппе, чу-

вашский язык принадлежит к той же группе языков, как турецкие и монгольские наречия, но не может быть отнесен ни к тем, ни к другим, а составляет особую, третью ветвь этой группы. Во время происходивших по этому вопросу в Ленинграде споров Поппе соглашался признать чувашский язык турецким, но остатком более древней стадии языка, когда монгольский уже успел отделиться, но еще не определились характерные свойства ныне известных письменных и живых турецких наречий.

Этот вывод, если он будет окончательно принят наукой, может иметь большое значение для историка. Болгары и хазары не упоминаются раньше VI в., но, несомненно, пришли в бассейн Волги независимо от образования турецкой империи VI в., в более ранний период. Почти несомненно, что их привело в эту страну переселенческое движение, связанное с именем хуннов; уже во II в., при географе Птолемею, хунны находились в небольшом расстоянии от Волги. Чувашское и потом турецкое название Волги, Итиль, в то время еще не упоминается, но река Яик уже тогда носила это турецкое название, которое упоминается у Птолемея в форме *Даикс*. Употребление начального *д*- вместо начального *ј*- в языке местного населения, по-видимому, замечалось и после; византийцы VI в. говорят, что поминки по умершим назывались у турок *дохия*; в орхонских надписях мы имеем то же слово в форме *јоқ*. Такое явление не вполне соответствует фонетическим особенностям нынешнего чувашского языка, где, как в якутском, турецкое начальное *ј*- заменяется звуком *с*-; но история этого звукового явления еще недостаточно выяснена. Во всяком случае *Даикс* Птолемея может считаться древнейшим хронологически установленным турецким словом.

Исторические факты заставляют полагать, что если чувашский язык представляет остаток более ранней стадии развития турецкого языка, то на этой стадии находился язык хуннов, который, следовательно, не был турецким в том смысле, как теперь обыкновенно понимают это слово, т. е. не тем языком, на котором говорят теперь все турецкие народности, кроме якутов и чувашей. Этот язык, вероятно, был принесен хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до турецких элементов в венгерском языке включительно. Так далеко на запад были принесены и некоторые культурные слова,

заимствованные от китайцев, может быть, еще хуннами; в венгерском языке мы имеем тот же корень для обозначения слова 'писать', как в турецком *bitimäk*, и этому слову приписывают китайское происхождение. Древнейшую стадию развития собственно турецкого языка представляли, по всей вероятности, восточные соседи хуннов, сяньбийцы; для выяснения этого вопроса надо желать скорейшего обнародования того сяньбийско-китайского словаря, о существовании которого сообщил проф. Пельо.

Совершенно недоказанными остаются пока предположения о более ранних, до нашей эры и в первые века нашей эры, действиях турецких народностей в западной части Средней Азии. Из античной литературы (особенно важно в этом отношении сочинение Гиппократов о климатах и местах) мы только можем вывести заключение, что рядом с индоевропейскими народностями грекам были известны народы какой-то другой расы, но были ли среди них турки, остается сомнительным. Шаванн в связи со своей теорией о турецком происхождении двенадцатилетнего животного цикла был склонен считать турками завоевателей II в. до н. э., известных у греков под общим названием «индоскифы» и основавших государство, существовавшее несколько веков, в состав которого вошли многие области Индии. Когда Шаванну указывали на то, что в состав цикла входят животные, которых не было в стране турок, как обезьяна, он отвечал, что с обезьяной турецкие завоеватели Индии могли ознакомиться еще в эпоху около нашей эры. В настоящее время, кажется, уже не имеют защитников ни теория о турецком происхождении животного цикла, ни теория о турецком происхождении индоскифов, хотя в пользу последнего мнения высказался после Шаванна еще другой великий синолог, Фридрих Хирт. Животный цикл, по-видимому, происходит из Индии, откуда его заимствовали китайцы; от китайцев он в очень раннюю эпоху перешел к туркам. Среди индоскифов первое место занимали тохары, название которых сохранялось в средние века в названии области Тохаристан в верховьях Аму-Дарьи, хотя мусульманские авторы уже ничего не знали об этнографическом происхождении этого названия. Прежде тохары жили также в Китайском Туркестане; среди литературных языков буддизма в Средней Азии упоминается и тохарский язык. До сих пор еще возбуждает споры воп-

рос, к какому из языков, известных нам по находкам, сделанным в Китайском Туркестане европейскими археологическими экспедициями, принадлежит это название; но спор идет только о двух индоевропейских языках, из которых на одном найдены памятники близ Хотана, на другом — близ Кучи.

Турки в смысле людей, говоривших на языке, который мы теперь называем турецким, несомненно, были гораздо раньше; но пока нет основания полагать, что самоё слово *турки* существовало раньше VI в. н. э. О происхождении этого слова пока возможны только догадки. В своем последнем труде Томсен высказывает мнение, что так называлось отдельное племя или скорее отдельная ханская династия. Самоё слов *түрк*, или *түрүк*, по мнению Томсена, «наверное», имело превоначальное значение 'сила', 'крепость'. Этому предположению, однако, не соответствует единственное место надписей, где слово *түрк* как будто употреблено не в смысле народного названия; хан называет кагана⁵ народа тюргешей «своим турком, своим народом» *түркім будуным*). Если слово *түрк* имеет здесь нарицательное значение, то скорее можно предполагать значение 'созданное', 'устроенное'; хан хочет сказать, что возмущившийся против него хан тюргешей был обязан ему своей властью. Возможно предположить связь между словом *түрк* и часто встречающимся в надписях словом *түрү* — 'закон', 'обычай', но также «объединенная законом народная масса». Хан говорит, что ему отдавали свой труд и свою силу (*иш күч*) его народ (*будун*) и его держава (*түрү*).

Надписи не дают ясного ответа на вопрос, какие народы уже в то время назывались турками; столь же мало известно, как постепенно распространялось это название на разные народы и как оно приобрело то значение, которое имеет теперь. Хан называет свой собственный народ турками и в то же время огузами или токуз-огузами, хотя в некоторых местах огузы или токуз-огузы называются врагами хана. Еще до открытия ключа к чтению надписей Радлов пришел к выводу, что турки VI—VIII вв. принадлежали к народу огуз, и надписи вполне подтвердили это мнение. Огузы, или турки, в свою очередь разделялись на несколько народностей, как телесы и тардуши на востоке, тюргешы на западе; кроме огузов,

⁵ *Каган* (хакан) — титул верховного правителя у тюркских народов. *Хан* — краткая форма от «каган».

упоминается еще несколько турецких, в нашем смысле, народов, из которых впоследствии получили наибольшую известность карлуки, уйгуры и киргизы; но нет доказательств, чтобы эти народы уже тогда называли себя турками. Присвоение слову *түрк* того лингвистического значения, которое оно имеет теперь, было, по-видимому, делом мусульман. Арабы заметили, что многие народы говорят на том же языке, как те турки, с которыми они имели дело в VII и VIII вв., и стали называть их всех турками; по мере принятия ислама и сами турецкие народы стали так называть себя, хотя и до сих пор даже не все мусульманские турецкие народы называют себя турками и свой язык турецким. Вне сферы ислама слово *түрк* мало распространено; редкое исключение представляет один из памятников буддийской литературы, язык которого называется турецким-уйгурским. Ни русские, ни западные европейцы не называли турками печенегов или половцев, и слово турки широко употреблялось в Европе только для обозначения народа сельджукской и впоследствии Османской империи, вышедшего из того же народа огузов, как орхонские турки. В русских летописях встречается название *торки*, вероятно имеющее такое же значение, как *турки*, но употребляющееся только для обозначения того народа, который в византийских источниках называется *узами*, т. е. огузами.

Из всех народных названий, встречающихся в орхонских надписях, только одно встречается в китайских источниках в гораздо более ранний период, именно название *киргиз*. Киргизы упоминаются еще в рассказах о событиях эпохи хуннов, т. е. времени незадолго до и немного после начала нашей эры. Древнейшую китайскую транскрипцию слова *кыргыз* — *гяньгунь* — проф. Пельо объясняет монгольской формой единственного числа — *кыркун*, из чего можно было бы заключить, что китайцы впервые получили сведения о киргизах от какого-то монгольского народа. Более точные китайские сведения о киргизах и их стране, т. е. верховьях Енисея, относятся только к эпохе турецкого государства; в то же время появилась неточная транскрипция *хакас*, представляющая только неправильную передачу очень точной транскрипции *киликисы*. Когда нынешние турецкие обитатели местности по верхнему Енисею, т. е. прежнего Минусинского уезда, после революции вместе с другими прежними русскими инородцами получили националь-

ную автономию, им понадобилось народное название, которого у них в то время не было и в котором прежде не чувствовалось необходимости; минусинская интеллигенция тогда извлекла из китайских источников слово *хакас*, зная, что так называли китайцы народ, живший прежде в Минусинском крае и имевший некоторое политическое значение, но не зная, что этим названием неправильно обозначались киргизы, которых теперь в Минусинском крае уже нет.

В китайской «Истории династии Тан» приводятся некоторые киргизские слова, по которым видно, что киргизы уже тогда говорили по-турецки; сюда относится, например, слово *ај* 'месяц'. В то же время из описания наружности киргизов видно, что они тогда антропологически отличались от других турок; у них были светлые волосы и голубые глаза. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман; персидский автор XI в. Гардизи, по каким-то не дошедшим до нас более ранним источникам, также говорил о светлых волосах киргизов; из его слов видно, что по этому признаку предполагалось родство между киргизами и славянами. Указывает ли этот факт, как полагает Маркварт, на какое-то народное движение из Европы, не может быть доказано. Более поздние известия о киргизах не дают также материала для решения вопроса, как постепенно исчезали эти признаки и как образовался тип настоящих киргизов, которых до недавнего времени называли кара-киргизами.

Ранее упоминание киргизов в китайских источниках показывает, что их страна рано вошла в круг международных торговых сношений; о том же самом свидетельствуют найденные в Минусинском крае древности; по богатству материала для археологических исследований Минусинский край превосходит все другие местности Сибири. Большие трудности, как везде, представляет датировка памятников; даже вопрос о том, какие из них могут быть приписаны киргизскому или вообще турецкому населению и какие относятся к гораздо более отдаленному прошлому, возбуждает споры. Страна киргизов посещалась караванами и в мусульманский период; главным предметом вывоза из нее был мускус, которому тогда придавали большое значение. Сравнение ранних мусульманских известий о киргизах с более поздними заставляет думать, что культура в этот период постепенно

развивалась. Первые мусульманские известия, как и китайские, говорят только об одном городе киргизского кагана; кроме того, в стране киргизов оседлых поселений не было; народ частью вел кочевую жизнь, частью даже оставался на уровне охотничьего быта. С другой стороны, в монгольскую эпоху Рашид-ад-дин говорит, что в стране киргизов было много городов и деревень. Кроме торговых сношений, успеху земледельческой культуры должно было содействовать плодородие Минусинского края.

Киргизы представляют один из первых примеров народа, первоначально, по всей вероятности, нетурецкого и впоследствии отуреченного. Таких примеров потом было несколько как среди кочевых, так и среди оседлых народов. Из пяти племен, которых прежде объединяли под названием урало-алтайцы (в порядке с запада на восток: финны, самоеды, турки, монголы и тунгусы), отуречению особенно подверглись самоедские народности на южной окраине мест своего расселения. Этот процесс не закончен и до сих пор. Сравнительно недавно отуреченными самоедами считаются карагасы; не вполне еще отуречены камасинцы, последний к востоку народ в Сибири, кроме якутов, говорящий по-турецки. Кастрен в 1848 г. еще застал там самоедский язык; Радлов в 1863 г. нашел камасинцев отуреченными, но этот процесс тогда еще не был настолько закончен, как можно было бы заключить из его слов; исследователь, бывший у камасинцев много позже, финляндский ученый Кай Доннер, еще нашел там стариков, знавших по-самоедски⁶. Турецкое название самоедов, *туба*, не встречается в надписях, но встречается в современных им китайских источниках.

Среди народов, упоминаемых в надписях, нетурецкого происхождения был, может быть, народ *аз*, часто упоминаемый вместе с киргизами. Прежде сомневались в том, надо ли понимать слово *аз* в смысле народного названия; мною с самого начала отстаивалось это мнение, и к нему теперь присоединился и Томсен в своем последнем переводе. Томсен называет *азов* «народом неизвестного происхождения». На низовьях Енисея, в Туруханском

---

⁶ К племенам Южной Сибири, первоначально говорившим на самодийских языках и утратившим свою языковую самобытность под влиянием тюркоязычных соседей, относятся камасинцы, маторы, койбалы, котовцы, тайги, карагасы; о самодийских языках см. Терещенко, *Самодийские языки*.

крае, теперь живут последние остатки народа, который русские называли по ошибке енисейскими остяками; на самом деле этот народ не имеет ничего общего ни с живущими на Оби остяками, принадлежащими к финскому племени, ни вообще с уральскими и алтайскими народностями. Сами «енисейские остяки» называют себя коттами или ассанами; первые сведения об их языке собрал в конце 40-х годов Кастрен; впоследствии язык и быт этого народа были подробно исследованы Анучиным. Возможно, что «енисейские остяки», подобно самоедам, занимали гораздо более обширную территорию, чем теперь, и что к этому племени принадлежали азы орхонских надписей. Кроме азов, вместе с киргизами упоминается также народ *чик*, о котором впоследствии, по-видимому, нет никаких известий.

Сами киргизы уже тогда имели некоторое политическое значение, во главе их стоял особый каган, и надписи посвящают им гораздо больше внимания, чем тем народностям, уйгурам на востоке и карлукам на западе, которым было суждено через очень короткое время занять место турок-огузов. Возвышение этих народностей, по-видимому, произошло очень быстро. Уйгуры упоминаются в надписях только в одном месте; однако это место совершенно ясно, и нет никаких оснований сомневаться в чтении этого слова и в существовании в то время особого народного названия *уйгур*, не имевшего ничего общего с названием *огуз*. Во главе уйгуров стоял владетель с более скромным, чем *каган*, титулом *ältebir* (так по чтению Томсена). Томсен полагает, что этим словом обозначалось нечто вроде турецкого наместника; но нигде не говорится, например, о назначении эльтебира каким-либо каганом; народ с эльтебиром во главе (*ältebir-lig будун*) только отличался как менее значительный от народа с каганом во главе (*кақанлық будун*). У карлуков тоже не было кагана.

Из народов, по-видимому, нетурецких упоминаются татары, как впоследствии называли себя монголы; в надписях встречаются термины *токуз-татар* и *отуз-татар*, из чего можно заключить, что были две группы татарского народа, из которых одна разделялась на 9, другая на 30 родов.

Сложнее всего вопрос об отношении турок к оседлой культуре. По-видимому, турки тогда все или почти все были кочевниками, хотя и находились под влиянием

оседлой культуры не только китайцев, но и народов запада, особенно согдийцев. Из слов согдийского происхождения встречается уже в надписях и впоследствии получило широкое распространение у турок и монголов слово *хатун* 'ханша', 'госпожа'. Согдийцы и их страна упоминаются в надписях под названиями *Соқд* и *Соқдак*; эти слова нам еще встретятся в более поздних мусульманских известиях. В одном месте вместе со словом *Соқд* находятся еще слова *бәрчәкәр букарак улус* (чтение сомнительно). Маркварт переводил эти слова: «народы (*улус*) персов и бухарцев»; слово *улус* в смысле 'народ' в надписях не встречается, хотя встречается в старых турецких религиозных текстах; употребление его в данном случае тем менее вероятно, что тут же стоит слово *будун*; очень маловероятно, чтобы были поставлены вместе слова *улус* и *будун*, имеющие приблизительно одно и то же значение. Переделка персидского *пәрси́к* (у китайцев *босы*) в *бәрчәкәр* филологически тоже неправдоподобна; тем не менее толкование Маркварта принято, хотя и с вопросительным знаком, в последнем переводе Томсена.

Переход кочевников к земледелию совершается везде только под давлением экономической необходимости; такая необходимость больше всего проявлялась в Восточном Туркестане, где почти нет пастбищ и почти все неорошаемое и не отведенное под пашни пространство представляет песчаную пустыню, одинаково непригодную для скотоводства, как и для земледелия. После новейших археологических открытий уже не может быть сомнения, что Восточный Туркестан, как и Западный, первоначально не был турецкой страной и только постепенно был отуречен; процесс отуречения оседлого населения должен был сопровождаться процессом перехода самих турок к оседлости, причем тот и другой процессы шли с востока на запад. Мы увидим, что Восточный Туркестан получил большой приток турецкого населения после падения в Монголии государств сначала турок-огузов, потом уйгуров; но уже в надписях встречается слово *балык* в значении 'город' и название Бешбалык 'Пять городов' для города, находившегося на крайнем востоке нынешнего Китайского Туркестана, близ современного Гучэна. Из слов автора XI в. Махмуда Кашгарского, о котором у нас еще будет речь, мы знаем, что слово *ба-*

лык по-турецки значило 'глина'; «город», следовательно, получил название по материалу, из которого воздвигались постройки, подобно тому как арабы в смысле 'ковчешники' и 'оседлые' употребляли термины 'люди войлока' и 'люди глины'.

Турецким народом, жившим тогда в Бешбалыке, был народ басмыл, упоминающийся и в китайской истории. Из европейского средневекового словаря Дюканжа мы знаем, что слово *басмыл* значило 'метис', человек смешанного происхождения; вполне естественно, что первый турецкий народ, перешедший к оседлости, не был уже по крови чисто турецким и смешался с прежним оседлым населением той же местности. Даже у Махмуда Кашгарского басмылы причисляются к народам не чисто турецким.

Вопрос о более значительном отуречении Восточного Туркестана связан с вопросом о последствиях падения государств сначала турок-огузов, потом уйгуров. Об этом мне придется говорить в следующей лекции.

III

В надписях, составленных от имени хана турок-огузов, власть и могущество хана считаются вполне обеспеченными, между тем всего через десять лет после его смерти, в 745 г., первенство в Монголии перешло к другому турецкому народу, уйгурам. Несколькими годами раньше, в борьбе с арабами, утратила свое политическое единство и своих каганов западная ветвь огузского рода.

Из китайских источников мы знаем, что западные турки-огузы разделялись на десять родов, из которых пять жили к северу и пять к югу от реки Или. В надписях, по переводу Томсена, эти десять родов называются *он оқ* 'десятью стрелами'. Среди них на некоторое время возвысился род тюргеш, из которых происходили последние каганы западных турок. Арабы в то время только отражали вторжения турок в культурные земли и не предпринимали походов в глубину степей и не доходили до ставки каганов, находившейся около реки Чу; но поражение и смерть кагана в борьбе с арабами на Сыр-Дарье имели последствием распадение его государства. Смуты продолжались еще несколько лет, уже независимо от действий арабов, и только в 766 г. место турок-

огузов на берегах Чу заняла другая турецкая народность, карлуки.

Главные успехи арабов в Средней Азии относятся к тому времени, от 705 до 715 гг., когда наместником Хорасана был Кутейба б. Муслим. Из надписей мы знаем, что во второй половине этого периода восточные турки на короткое время завоевали государство тюркешей и доходили до Железных ворот, т. е. до прохода Бузгала, отделившего в то время Согд от Тохаристана, т.е. культурную область рек Зеравшана и Кашка-Дарьи от областей по верхним притокам Аму-Дарьи; Томсен правильно помещает этот проход на пути между Самаркандом и Балхом, но тут же дает неверное определение «между Согдианой и Ферганой»; известно, что путь из Согдианы, или Согда, в Фергану идет к северо-востоку, а не к югу, как путь в Балх.

По обстоятельствам, следовательно, вполне возможно, что с арабами пришли в столкновение не только западные, но и восточные турки; в таком смысле и толкуются некоторые места надписей; но другие ученые сомневаются в таком толковании; оно отвергается и в последней по времени работе, посвященной арабским вторжениям в Среднюю Азию, в работе молодого английского ученого Гибба. Самого слова *арабы* в надписях нет; нет, по-видимому, и того слова, которым называли арабов сначала персы, потом китайцы и, вероятно, турки, — именно слова *тажик*, или, по турецкому произношению, *tāzīk*, или *теджик*. Известно, что это слово теперь имеет совсем другое значение, и уже в XI в. оно обозначало людей иранской, а не арабской национальности. По-видимому, сначала так называли арабов, потом — вообще людей мусульманской культуры, потом — иранцев как народ, составлявший большинство среди известных туркам мусульман.

В отличие от иранцев, турки и впоследствии не были покорены мусульманским оружием. После завоевания культурных областей по Аму-Дарье, Зеравшану и Сыр-Дарье арабы еще в VIII в. перешли к оборонительной политике и, подобно своим предшественникам, для защиты культурных областей от кочевников строили длинные стены и валы. Известно, что такие сооружения для защиты от вторжений варваров воздвигались некогда на всем пространстве культурного мира, от Великобритании до Китая и Маньчжурии. В Средней Азии первое соору-

жение этого типа относится к эпохе задолго до ислама и было выстроено в III в. до н. э. для защиты культурной области Мерва, вероятно против кочевников нетурецкого происхождения; до арабов был построен вал для защиты северо-восточной области Согда, уже против турок; остатки этого вала сохранились до сих пор, как и остатки валов, построенных арабами для защиты Бухарской области и области окрестностей Ташкента. После арабов, начиная с иранской династии Саманидов, такие валы уже больше не строились и не поддерживались; Саманиды перешли к наступательной политике, но их походы большей частью носили характер набегов, и область завоеванной исламом территории и при них увеличилась незначительно; к мусульманским владениям были присоединены только местности от долины Чирчика до Таласа.

Если турки мало подвергались действию мусульманского оружия, то влияние культуры с запада после мусульманского вторжения в Среднюю Азию значительно усилилось. Еще раньше, в эпоху Сасанидов, влияние Персии на Среднюю Азию постепенно усиливалось за счет влияния Индии. Персии в эпоху Сасанидов принадлежало господство над путями мировой торговли на суше и на море, причем государство Сасанидов и в этом отношении, как во всех других, достигло величайшего блеска накануне своего падения. Сасанидская Персия не представляет, подобно большинству других восточных империй, картины постепенного развития и упадка; как в новейшее время в истории Германской империи, так и в истории Сасанидов падение наступило разом, тотчас после величайших внешних успехов, как результат крайнего напряжения сил. Эти успехи были одержаны преимущественно на западе, в борьбе с Византией; на востоке на короткое время были достигнуты некоторые успехи благодаря союзу с турками, но потом с турками произошел разрыв; кроме того, и в эпоху Сасанидов, как в эпоху Ахменидов, войны на западе не давали возможности охранять восточную границу. У персов была отнята турками область по реке Гюрген, впадающей в Каспийское море; захватив эту область, турки здесь подчинились влиянию персидской культуры и приняли зороастризм.

Этот пример показывает, что сасанидская Персия, благодаря своему культурному и экономическому значению, могла оказывать влияние на своих соседей даже

без военных успехов. Этим же, вероятно, объясняется факт вытеснения из Согда буддизма и восстановление значения зороастризма. Благодаря описанию путешествия китайского паломника Сюань Цзана, проезжавшего через Среднюю Азию в 630 г., мы можем установить, что этот факт относится к концу эпохи Сасанидов. При Сюань Цзане в Согде буддизма уже не было; покинув Восточный Туркестан, где буддизм тогда был в полном расцвете, Сюань Цзан снова нашел буддийские монастыри, только переехав южную границу Согда и приехав в Тохаристан. В главном городе Согда, Самарканде, еще стояли два пустых монастыря, но зороастрийцы не давали отшельникам собираться там и прогоняли их горящими головнями; только Сюань Цзану удалось, конечно на короткое время, восстановить монастыри. Рассказ Сюань Цзана о Самарканде показывает, что вытеснение буддизма из Согда произошло только незадолго до его путешествия.

Археологические экспедиции в Туркестане установили, что на согдийском языке была буддийская литература, что произведения этой литературы переводились на турецкий язык и вообще имели влияние на турок. Главный исследователь этих памятников, покойный иранист Готье, относил их ко времени не раньше VII в. Если так, то они не могли быть написаны в Согде, но этим еще не опровергается предложенная Готье датировка; возможно, что в многочисленных колониях, основанных в Средней Азии согдийцами, буддизм еще некоторое время продолжал существовать.

В эпоху влияния буддизма к туркам приезжали не только индийские миссионеры, но и индийские купцы. Отголоском этой эпохи является слово *сарт*, первоначально употреблявшееся турками в смысле 'торговец' и еще в XI в. имевшее только это значение; теперь доказано, что это слово перешло к туркам из Индии — очевидно, в то время, когда приезжавшие к туркам торговцы были преимущественно индийского происхождения. Постепенно торговля с турками переходила от индийцев к иранцам, но только в мусульманскую эпоху, притом после XI в., слово *сарт* получило у турок и монголов этнографическое значение и стало обозначать тех среднеазиатских иранцев, на которых турки, очевидно, смотрели как на народ купцов.

Влияние Персии на Среднюю Азию в эпоху ислама

должно было значительно увеличиться. Теперь уже Персия имела на Среднюю Азию не только культурное влияние; впервые после Александра Македонского и Селевкидов иранцы Средней Азии и иранцы Персии объединились в одно государство. Вместе с арабами в Туркестан, очевидно, проникли в большом числе персы; среднеазиатскими иранцами были усвоены предания о древних персидских царях; иранские наречия Средней Азии постепенно были вытеснены персидским языком, образовался общий для иранцев в Иране и Туркестане персидский литературный язык; прежние языки среднеазиатских иранцев, в том числе и литературный согдийский язык, уступили место тому языку, который теперь называется таджиким и очень мало отличается от персидского. Единственным соперником персидского языка был турецкий, и борьба с этим соперником большей частью была для персидского языка неудачной. С первых веков ислама начались два процесса, продолжающиеся до сих пор: 1) постепенное вытеснение иранских наречий персидским литературным языком; 2) постепенное вытеснение иранских наречий, не исключая литературного персидского языка, турецким языком. Замечено, что в самой Персии область распространения турецкого языка все более расширяется; если в одной и той же деревне живут персы и турки, общим языком населения постепенно становится турецкий.

Тотчас после утверждения в Средней Азии ислама мусульмане стали пользоваться прежними торговыми путями. Из китайской истории мы знаем, что мусульманские караваны уже в VIII в. ходили через страну карлуков к верхнему Енисею, в страну киргизов; в мусульманской литературе также сохранились сведения о путях в эту страну, отчасти совпадающие со сведениями орхонских надписей; Саянский хребет носит одно и то же название — Кёгмен — в надписях и в мусульманском рассказе. Существуют также сведения о двух путях к Иртышу. Иртыш также упоминается в орхонских надписях, где говорится о нескольких походах туда восточнотурецких ханов, но ни надписи, ни китайские источники не сообщают сведений о живших на Иртыше турецких народностях; названия этих народностей впервые приводятся в мусульманской литературе. Больше всего арабы, конечно, интересовались путем в Китай; об этом пути и о живших вдоль его турецких народах в мусульманской лите-

ратуре есть большое число сведений. О народах Монголии и о происходивших там событиях мусульманская литература домонгольского периода почти ничего не сообщает, хотя мы знаем из китайских источников, что уже в 924 г. в Монголии были мусульманские купцы. Крайним пределом сведений мусульманских авторов была страна киргизов; по их представлению, эта страна простиралась до Восточного океана.

Вообще сведения мусульман о Средней и Восточной Азии менее ясны и отчетливы, чем можно было бы ожидать по значительности мусульманской торговли и обширности мусульманской географической литературы; пользование этими сведениями представляет большие трудности, на которые часто не обращают внимания и потому приходят к неверным выводам. Больше всего трудностей представляет определение времени, к которому относятся отдельные известия. Как все отрасли арабской письменности, арабская географическая литература была по преимуществу книжной; по крайней мере, до нас дошли не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников. Часто один и тот же рассказ повторяется бесконечное число раз авторами, жившими в разное время, без оговорки, что этот рассказ относится не к тому времени, когда жил приводящий его автор, но ко времени за сто или больше лет до него. Иногда автор соединяет в одну картину сведения, собранные им самим и его современниками, со сведениями, заимствованными из книг, не делая никакой разницы между отдельными категориями сведений; читатель выносит ошибочное впечатление, что все, что сказано в такой книге, относится к одному времени, именно ко времени автора. Часто даже выдающиеся ученые без всякой надобности прибегали к рискованным предположениям, стараясь объяснить, каким образом автор такого-то времени мог высказать такое-то мнение, когда это мнение в действительности буквально выписывалось из составленной гораздо раньше книги. Еще недавно такое недоразумение произошло со словами писавшего в XII в. географа Якута, где турки упоминались рядом с византийцами как враги мусульман, причинившие исламу много вреда. В сочинении, относящемся к XIII в., когда туркам уже принадлежало значительное место среди мусульманских народов, эти слова

казались странными; чтобы объяснить их, в них видели указание на широкое распространение среди турок шиитства⁷ и других ересей. На самом деле слова Якута оказались буквально заимствованными из сочинения автора конца X в. Макдиси, который, вероятно, также взял их из письменного источника; следовательно, слова о вреде, принесенном турками исламу, были написаны в то время, когда, кроме турецкой гвардии халифов и других мусульманских властителей, еще не было турок-мусульман и турки, наравне с византийцами, были внешними врагами мусульманского мира, какими они вообще являются у авторов X в.

Если для каждого известия приходится ставить вопрос, к какому времени оно относится, то решение этого вопроса затрудняется почти полным отсутствием в мусульманской литературе сведений о происходивших исторических событиях. Арабы мало интересовались войнами, происходившими между отдельными турецкими народностями, и заменой одного кочевого государства другим; без китайских, отчасти также греческих источников мы не имели бы о ходе этих событий никакого представления. По той же причине нам гораздо яснее события, происходившие на востоке, в пределах Монголии и Китайского Туркестана, чем события, происходившие в западной части среднеазиатских степей.

Только благодаря китайским источникам мы знаем, что государство турок-огузов было сменено в Монголии в 745 г. государством уйгуров. Главная ставка уйгурского кагана находилась также на Орхоне, приблизительно в той же местности, где впоследствии был построен монголами город Каракорум; около ставки уйгурского кагана, как показывают развалины, тоже возник город, притом гораздо более обширный, чем город монгольского периода. Уйгурское государство просуществовало около ста лет, до 840 г., когда было уничтожено нашествием с запада киргизов. Китайские же источники сообщают нам, что борьба между кочевниками сопровождалась переселением вытесненных из Монголии кочевников в пределы Китайского Туркестана, где они постепенно переходили к оседлости и к городской жизни. В восточной части этой

---

⁷ *Шиизм* — одно из двух направлений в исламе. Второе — суннизм. Шинниты не признают суннитских халифов, считая законными руководителями мусульман имамов — потомков халифа Али и дочери пророка Мухаммеда Фатимы.

области, несмотря на смену народов, сохранялись, по-видимому, традиции, установленные первыми турецкими поселенцами, басмылами. В орхонских надписях упоминается титул басмыльского владетеля *идук кут*, букв. 'священное счастье' или 'величие'; слово *кут* в турецком языке употреблялось, когда говорили о государе, в смысле европейского 'величества'. Тот же самый титул, в форме *идикут*, носил уйгурский владетель той же местности в XIII в.

Часть турок-огузов, переселившаяся в Китайский Туркестан, носила у китайцев название *шато*, т. е. 'степные'. Эти турки владели Бешбалыком еще в начале IX в. и потом под давлением своих соплеменников с запада должны были уйти дальше на восток, в пределы Китая, где они во второй половине IX в. приняли участие в происходивших в Китае смутах и спасли престол китайского императора от мятежников. Среди мелких династий, владевших северо-западными областями Китая в первой половине X в., были и династии, вышедшие из турок-шато.

Во второй половине IX в. в местность с городом Бешбалыком пришли уйгуры, вытесненные из Монголии киргизами; это произошло в 860 г. Здесь образовалось уйгурское княжество, существовавшее до монгольского периода, до XIV в.; другое княжество было основано уйгурами в пределах собственно Китая, где теперь город Ганьчжоу; перед этим за эту местность происходила борьба между китайцами и тибетцами, и власть большей частью принадлежала тибетцам. В XI в. одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять эту область у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами; области с тех пор было присвоено наименование Тангут. Уйгуры, живущие в Тангуте, с тех пор не имели политического значения, но остались там до сих пор и отчасти сохранили свой язык, представляющий одно из старых турецких наречий; только здесь отчасти сохранился известный нам по орхонским надписям и по уйгурским текстам своеобразный счет, с присоединением единиц к слову, означающему следующий десяток: *бир жігірмі*, букв. 'один-двадцать', значит не 21, а 11, *бир отуз* — не 31, а 21, и т. д.

Подобно туркам-огузам, уйгуры тоже оставили несколько исторических надписей, причем, однако, самая длинная и интересная надпись сделана на китайском

языке. Надписи подтверждают свидетельство китайских источников, что уйгуры не остались шаманистами, как турки-огузы, и подвергались влиянию не буддийской пропаганды, а приняли одну из религий запада, манихейство. Как до них буддисты и одновременно с ними христиане, манихеи имели успех у согдийцев, а потом воспользовались торговыми успехами этого народа для распространения своей религии; вместе с длинной китайской надписью, где между прочим говорится о принятии уйгурами манихейства, сохранилась и небольшая надпись на согдийском языке, из чего видно, что уйгуры были обращены в манихейство согдийскими миссионерами. Из китайских источников мы знаем, что миссионеры не пришли к кочевникам из Согды, но встретились с ними в Китае во время похода туда уйгурского кагана в 762 г. Из этого видно, насколько торговля с Китаем была для западных народов важнее торговли с кочевниками. Только после основания торговых колоний в самом Китае и на пути туда согдийцы могли оказывать более значительное влияние на турецких кочевников, тем более что именно в это время происходили частые вторжения турок как в Китай, так и в нынешний Китайский Туркестан. В области религиозной пропаганды влияние на турок согдийцев было более разнообразно, чем влияние индоевропейских народностей, живших в Китайском Туркестане. На двух индоевропейских языках, известных нам по находкам, сделанным в Куче и Хотане, сохранились только памятники буддийской литературы, тогда как на так называемом согдийском языке (пределы географического распространения этого языка не установлены; возможно, что на нем говорили тоже в Кашгаре и в соседних с ним городах) сохранились, кроме буддийских произведений, произведения манихейские и христианские; все три религии представлены тоже в переводных и оригинальных произведениях на турецком языке.

Главные успехи манихейства и христианства относятся к концу VII и к началу VIII в., т. е. к тому времени, когда в Западной Азии уже установилось политическое господство ислама. Ислам первоначально не был религией индивидуального миссионерства и распространялся преимущественно посредством сношений мусульманской державы, военных и мирных, с чужими государствами и обществами. Вполне естественно, что открывшимися

после мусульманских завоеваний возможностями другие религии воспользовались раньше, чем ислам.

В истории турок принятие манихейства уйгурами имело большое значение. Каковы бы ни были успехи буддийского и христианского миссионерства, мы не имеем известий о том, чтобы какой-нибудь турецкий народ в VIII в. или раньше принял буддизм или христианство. В первый раз турецкий народ переходил от шаманизма к религии, основанной на этических принципах; по учению шаманистов, даже убийство приносило человеку только пользу в будущей жизни; по учению манихеев, запрещалось не только убийство людей, но и убиение животных и употребление в пищу их мяса. Противоположность между старым и новым учением сознавалась и самими турками — в надписи говорится, что народ, питавшийся прежде мясом, будет теперь питаться рисом, что страна, где совершались убийства, будет теперь страной, где проповедуется добро.

Небольшая согдийская надпись, найденная вместе с китайской надписью уйгурского кагана и вместе с несколькими строками на турецком языке орхонскими буквами, должна быть признана первым хронологически определенным фактом (надпись относится к первой половине IX в), свидетельствующим о распространении среди турок нового алфавита. Манихеи принесли с собой из Вавилонии (арабского Ирака) свой алфавит, но вместе с тем пользовались согдийским национальным алфавитом; и этот алфавит употреблен в согдийской надписи на камне уйгурского кагана. У согдийцев-иранцев этот алфавит скоро был вытеснен арабским; употреблялся ли он вообще когда-нибудь для записи мусульманских текстов, неизвестно. С другой стороны, полученный от согдийцев алфавит сохранялся среди уйгуров и стал известен в науке под названием «уйгурский». Мы знаем, что он у турок не сразу был вытеснен арабским и после принятия ислама; вместе с тем уйгуры распространили этот алфавит в Монголии, и вместе с монголами он снова пришел на запад; несколько позже тот же алфавит был заимствован у монголов маньчжурами. Таким образом, алфавит семитского происхождения, благодаря согдийцам, уйгурам и монголам, дошел до Великого океана. Согдийское происхождение этого алфавита не подлежит сомнению и было известно и мусульманам; об этом вполне определенно говорит мусульманский автор начала

XIII в. Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди. Для самих турок замена орхонского алфавита уйгурским была шагом назад; уйгурский алфавит гораздо меньше, чем орхонский, был приспособлен к передаче звуков турецкого языка.

После вытеснения уйгуров из Монголии манихейство было принесено ими в основанные ими княжества в Китайском Туркестане и Ганьчжоу. Возможно, что в первом манихейство распространилось и раньше, в эпоху турок-огузов или их преемников, живших там до прибытия уйгуров. На это как будто указывают слова арабских географов.

Классическим веком в истории арабской географической литературы был X век н. э. До нас дошел целый ряд арабских географов этого периода, оставивших подробное описание мусульманского мира и вместе с тем краткие сведения о пути из мусульманских стран через страны, населенные турками, в Китай. По этому описанию, все пространство от Каспийского моря до Китая находилось под господством трех турецких народов: гузов, т. е. огузов,— от Каспийского моря до среднего течения Сыр-Дарьи; карлуков через страну которых приходилось ехать от Ферганы к востоку в течение двадцати дней; тугузгузов, или токуз-огузов,— дальше к востоку до Китая.

Это описание сохранилось у авторов, писавших в то время, когда, по китайским известиям, в восточной части Китайского Туркестана господствовали уйгуры; даже говоря о самом раннем арабском авторе, у которого мы находим этот маршрут, Ибн Хордадбехе, можно сомневаться, писал ли он до или после 860-х годов, т. е. времени вторжения в Китайский Туркестан уйгуров. Отсюда был выведено заключение, что уйгуры китайских источников и тугузгузы арабских источников — одно и то же. Одно время даже предлагали читать вместо *тугузгуз* — *токуз-уйгур*, но от этого чтения потом пришлось отказаться. Отожествление тугузгузов с уйгурами опровергается также арабскими историческими известиями. Ибн ал-Асир сохранил известие, что западные гузы вышли из тугузгузов⁸. Табари приводит известие о втор-

⁸ Древнетюркские рунические тексты Монголии позволили установить правильное чтение этнонима — *токуз-огуз* 'девять (племен) огузов'. Господствующим племенем этой конфедерации были уйгуры. В арабских и персидских источниках термин *токуз-огуз* относится исключительно к уйгурам Восточного Туркестана.

жени тугузгузов скоро после 820 г. в Усрушану, область между нынешними городами Джизаком и Ходжентом, из чего видно, что тугузгузами тогда назывались и непосредственные соседи мусульманских владений, а не только жители восточной части Китайского Туркестана. О том же свидетельствует факт, что тугузгузы попадали, в качестве пленных, в мусульманские области; из тугузгузов происходил Тулун, отец Ахмеда б. Тулуна, основателя династии Тулунидов в Египте.

Ибн Хордадбех, самый ранний из арабских авторов, у которых описывается маршрут сухим путем в Китай, сам не совершал туда путешествия и воспользовался уже готовым рассказом. Тот же рассказ, как у Ибн Хордадбе-ха, приводится у Якута со ссылкой на проехавшего этим путем Темима б. Бахра; к сожалению, Якут не говорит, к какому времени относится это путешествие. По приведенным в нем фактам надо думать, что оно было совершенно не раньше 760-х годов, когда установилось господство в Семиречье и в западной части Китайского Туркестана карлуков, и не позже IX в., когда турки-шато китайских источников, происходившие из турок орхонских надписей, т. е. из токуз-огузов, ушли из области Бешбалыка дальше на восток, в Китай. Арабы, очевидно, ознакомились с этой областью в то время, когда там жили токуз-огузы, и продолжали употреблять то же самое название для обозначения ее жителей и впоследствии, не зная, что токуз-огузы оттуда ушли и что их заменили другие турецкие народы.

Самое наглядное доказательство, что название тугузгуз первоначально прилагалось не к уйгурам, а к туркам-шато, представляет рассказ Мас'уди о восстании в Китае во второй половине IX в. и об усмирении этого восстания китайским императором с помощью тугузгузов. Это одно из немногих исторических событий, о котором мы имеем известия не только в китайских источниках, но и в арабских; арабы приписывают тугузгузам ту же роль, которую китайцы приписывают туркам-шато.

Во время поездки Темима б. Бахра ал-Муттав'и в страну тугузгузов уже были зороастрийцы и манихеи; первые преобладали в стране вообще, последние — в столице. По всей вероятности, манихейство потом усилилось за счет зороастризма; арабы впоследствии называли манихеями весь тугузгузский народ. Манихейству, как буддизму, приписывали влияние на смягчение народ-

ных нравов, что будто бы вредно отразилось на военных качествах тугузгузов. Умерший в 869 г. арабский писатель Джахиз говорит, что до принятия манихейства тугузгузы были воинственным и храбрым народом и обыкновенно одерживали победы в борьбе с карлуками, даже когда были в меньшем числе; после принятия манихейства они стали терпеть поражения. Маркварт относит слова Джахиза к кочевым уйгурам и видит в них доказательство, что до арабов дошло известие об уничтожении государства уйгуров киргизами; между тем в приведенном им же тексте Джахиза ясно говорится не о борьбе с киргизами, а только о борьбе с карлуками, из чего видно, что имеются в виду не события в Монголии, а события в Китайском Туркестане и что тугузгузы арабских источников жили там раньше, чем туда пришли уйгуры. Последние события произошли только за три года до смерти Джахиза; между тем из слов Джахиза видно, что тугузгузы, по его представлению, давно уже жили в той местности, где их знали арабы, и давно вели борьбу со своими западными соседями — карлуками.

Под влиянием книжных источников арабы продолжали говорить о тугузгузах в восточной части Китайского Туркестана в то время, когда там жили уйгуры. Из относящихся к этому народу немногих исторических известий, сохранившихся в арабских источниках, важнее всего известия авторов X в. Мас'уди и ан-Недима, показывающие, что уйгурский хан заступался за своих единоверцев как перед китайским императором, так и перед мусульманскими эмирами династии Саманидов. По словам ан-Недима, до тугузгузского хана дошли слухи, что саманидский владетель хочет подвергнуть преследованию манихейскую общину, жившую в Самарканде; он велел передать эмиру⁹, что в стране тугузгузов гораздо больше мусульман, чем в стране Саманидов — манихеев, и что, если мусульмане начнут гонение против манихеев, он начнет гонение против мусульман. Под влиянием этой угрозы саманидский эмир отказался от своего намерения.

Эти рассказы показывают, что слова Джахиза об утрате принявшими манихейство турками прежних военных качеств преувеличены, как впоследствии преувеличивали влияние буддизма на изменение народного ха-

---

⁹ *Эмир* — титул наместного властителя в мусульманских странах.

рактера монголов; успешная борьба монголов с китайцами за свою независимость показала, что монголы не утратили прежних военных качеств. Таким же образом тибетцы именно после принятия буддизма, в VII в., выступили в роли завоевателей; в начале XX в., после долгих лет господства в Тибете буддизма, англичане все-таки встретили со стороны тибетцев упорное сопротивление. Пример христианской Европы в средние века показывает, что воинственные народы могут обратить религию любви и мира в религию войны. Таким же образом для кочевников-уйгуров принятие манихейства было новым предлогом угрожать Китаю; китайцам в своей политике по вопросу об иноверцах приходилось считаться с заступничеством уйгурских каганов за манихеев; только после поражения, нанесенного уйгурам киргизами, начинается ожесточенное преследование в Китае чужих религий, в том числе манихейства. Угрозы уйгурских владетелей Китайского Туркестана уже не могли оказывать такое влияние, как прежде угрозы могущественных уйгурских каганов Монголии, но все-таки слова Мас'уди и ан-Недима показывают, что уйгуры и в Восточном Туркестане защищали своих единоверцев в других странах, не останавливаясь перед применением силы, следовательно, не утратили своих военных качеств.

Открытые археологическими экспедициями в Средней Азии памятники манихейской литературы на персидском, согдийском, турецком и китайском языках впервые дали возможность европейским ученым изучить религию манихеев по их собственным произведениям; до тех пор эту религию знали по сочинениям христианских и мусульманских авторов, большей частью полемическим. Манихейство, как и буддизм, рассчитывало на широкое распространение в народных массах; проповедь аскетизма была направлена против сословного строя, освященного религией Зороастра в ее позднейшей форме и господствовавшего в Персии в эпоху Сасанидов. Поэтому манихейские произведения писались так, чтобы они были доступны для простого народа. Из всех персидских рукописей того времени только в манихейских все слова написаны ясно по-персидски, без употребления семитских идеограмм, которыми полны так называемые пехлевийские рукописи и которыми пользовались и персидские христиане: многие слова произносились по-персидски, но вместо персидского слова писалось соответствовавшее

семитское. Таким же простым и ясным языком манихей писали по-турецки. Главный памятник манихейской литературы на турецком языке, покаянная молитва *Хуа-стуанифт*, чистотой языка, по мнению Радлова, превосходит едва ли не все дошедшие до нас памятники турецкой письменности.

Из того же памятника видно, что, как и следовало ожидать, манихейство более всего сблизилось с буддизмом; оскорбление буддийских святынь каралось так же, как оскорбление манихейских. Близость этих религий друг к другу доказывается и терминами той и другой, свидетельствующими о взаимном влиянии, так что по этим памятникам даже было трудно решить, которая религия распространилась среди турок раньше. Слово, которым турки называли Будду и буддийские статуи, *бурхан*, было заимствовано манихеями и служило для обозначения манихейских святых; с другой стороны, буддисты для своих священных книг приняли манихейский термин *ном*, и это слово до сих пор сохранилось в монгольском языке. Манихей и буддисты, как впоследствии христиане и мусульмане, старались при распространении своей религии среди турок создавать религиозную терминологию на турецком языке, что не всегда было возможно. В области шаманизма можно было найти термины для выражения идей «бог» и «дьявол», но такого представления, которое бы соответствовало представлению об ангелах, в шаманских верованиях не было; в этом случае манихейские, христианские и мусульманские миссионеры среди турок должны были довольствоваться персидским словом *фириште*. Отсутствие у турок представления об ангелах отмечено и у Махмуда Кашгарского. Арабские авторы не всегда ясно отличали манихейство от буддизма, оттого некоторые авторы, как Бируни, приписывают манихейству широкое распространение; с другой стороны, Мас'уди категорически говорит, что других манихеев, кроме тугузгузов, среди турок не было. Под тугузгузами в этом случае, конечно, понимаются уйгуры. Впоследствии, по-видимому скоро после X в., манихейство и среди уйгуров уступило место буддизму и христианству, но как и когда это произошло, источники не сообщают. Даже у писавшего во второй половине XI в. Махмуда Кашгарского мы не находим указаний, чтобы в его время еще сохранялось манихейство, хотя Махмуд Кашгарский лучше других знал страну уйгуров.

Замечательно что этот едва ли не единственный арабский автор, пишущий о Средней Азии не по книжным источникам, а на основании личного знакомства с этой страной, совершенно не употребляет слова *тугузгуз*, а только слово *уйгур*. Этим лучше всего доказывается, что употребление слова *тугузгуз* в смысле «*уйгур*» объясняется только книжными традициями и что у самих турок, живших в то время в Китайском Туркестане, такого слова не было.

Уйгуры оставались при Махмуде Кашгарском если не манихеями, то буддистами и христианами, но их западные соседи уже подчинились в то время влиянию ислама. В следующей лекции я постараюсь дать ответ на вопрос, что можно сказать в настоящее время об этом важнейшем факте в истории турецкого племени.

IV

Успехи ислама среди турок начались только со времени господства в Средней Азии иранской династии Саманидов, владевшей в IX—X вв., приблизительно с 820 до 1000 г., культурными областями нынешнего Русского Туркестана; у арабов эти области, расположенные за рекой Аму-Дарьей, получили общее название Мавераннахр, т. е. 'Заречье'. В истории мусульманских завоеваний население Мавераннахра иногда называлось турками; возможно, что некоторые области находились под властью династий турецкого происхождения; существует мнение, что в омейядском дворце Кусейр Амра вместе с изображениями сасанидского царя, византийского императора, вестготского короля Испании и абиссинского негуса находится изображение турецкой владетельницы Бухары; но турецкий язык среди местного населения тогда еще не был распространен. По-видимому, арабы иногда ошибочно называли турецким язык местного иранского населения; только так можно объяснить слова Джахиза, будто между языками иранским и турецким существует только диалектическая разница, как, например, между мекканским и мединским диалектами.

В течение некоторого времени северная граница ислама и халифата в Средней Азии совпадала, по-видимому, с этнографической границей между племенами иранским и турецким и с культурной границей между областью

земледелия и областью скотоводства. Были города к северу от этой границы, но это были колонии, основанные в степи населением культурных областей. Еще арабские географы X в. описывают турок как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами, хотя в это время положение уже начало изменяться.

Саманиды, подобно везирам¹⁰ аббасидских халифов, Бармакидам, происходили из Балха, области, где до ислама господствовал буддизм. Именно этой религии было труднее всего сохранить свое существование рядом с исламом; большое число статуй, находившихся в буддийских храмах, заставляло мусульман смотреть на буддизм как на идолопоклонство по преимуществу. В Индии брахманизм мог сохранить свое существование при мусульманском владычестве, тогда как буддизм, еще прежде пришедший в Индии в упадок, в эпоху мусульманского господства быстро исчез. Таким же образом исчез буддизм в Балхе и вообще в Тохаристане, тогда как зороастризм в Мавераннахре оставался еще в течение некоторого времени; были также общины манихеев, христиан и евреев, из которых только последние сохранили свою религию до сих пор. Но буддизм исчез под влиянием ислама не бесследно; по-видимому, в подражание буддийской вихаре¹¹ возник тип мусульманской высшей богословской школы — медресе, которая упоминается прежде всего на восточной окраине мусульманского мира и только в XI в. появляется в Западном Иране и в столице халифата, Багдаде. На влияние буддизма указывает большое число медресе в Балхе и его области.

Медресе, существовавшие в X в., насколько известно, только в Хорасане и Мавераннахре, были сильным средством для распространения ислама независимо от действий мусульманского правительства; может быть, этим следует объяснить, что мусульманская пропаганда за пределами халифата достигла в это время в Средней Азии таких успехов, как ни на одной из других окраин мусульманского мира. Как мы уже видели, Саманиды отказались от оборонительной политики прежних мусульманских наместников Хорасана и Мавераннахра, перестали поддерживать стены, построенные для защиты культурных областей от кочевников, и сами стали предпринимать походы в степь. Иногда эти походы приводи-

---

¹¹ *Вихара* — буддийская духовная школа.

ли к завоеванию городов; так, в 893 г. был завоеван город Тараз, или Талас, на месте современного Аулие-Ата, причем говорится об обращении главной церкви в мечеть, из чего можно заключить, что мусульманской пропаганде здесь предшествовала христианская. Но эти завоевания касались только ближайших пограничных областей, и даже здесь рядом с завоевательными походами Саманидов происходила, независимо от них, мирная колонизация степи переселенцами из Мавераннахра. Когда ислам сделался в Мавераннахре религией большинства, мусульмане стали продолжать колонизаторскую деятельность, производившуюся в домусульманскую эпоху согдийцами. Так возникли три мусульманских города на нижнем течении Сыр-Дарьи — Дженд, Хувара и «Новое поселение» (ал-Карьят ал-Хадиса по-арабски, Дих-и нау по-персидски, Янгикент по-турецки, причем слово *кент* перешло к туркам от согдийцев). Из них вполне установлено местоположение последнего, которому соответствуют развалины, носящие теперь название Джанкент. По словам арабских географов, эти города были населены мусульманами, но находились под властью немусульманских турок-огузов, из чего видно, что это не были города, основанные на завоеванной Саманидами территории, но колонии, основанные с согласия местных турок переселенцами из Мавераннахра. Как завоеванный Саманидами Талас, так и основанное мирными колонистами «Новое поселение» широко распространили свою торговую деятельность в Средней Азии; от каждого из этих городов вела дорога к Иртышу, в страну неизвестного китайцам турецкого народа кимаков (в турецком произношении, вероятно, *кимек*), из которого вышел занявший впоследствии огромную территорию кипчакский народ.

К числу пограничных областей мусульманской культуры принадлежал Хорезм. Окруженный степью с трех сторон, Хорезм издавна вел обширную торговлю с кочевниками; эта торговля должна была еще больше расширяться в мусульманский период. Хорезмийцы, вероятно, принимали участие в основании колоний на Сыр-Дарье, но главная их деятельность была направлена в сторону запада и северо-запада, к бассейну Волги, где тогда жили болгары и хазары. Деятельность хорезмийцев началась здесь еще до ислама; из хорезмийцев происходил предводитель хазарского войска, совершивший в 764 г. нашествие на мусульманские области Кавказа, но впо-

следствии мы находим на службе у хазар хорезмийцев-мусульман, которые выговорили себе право оставаться нейтральными в тех случаях, когда будет происходить война с мусульманскими странами. Кроме того, в стране хазар и в их главном городе Итиле, при устье Волги, было большое число мусульманских купцов; благодаря этой торговле мог вообще возникнуть большой город в стране, которая сама, по словам арабов, ничего не производила. На юго-западе, в Дагестане, страна хазар непосредственно граничила с халифатом; здесь часто происходили и военные столкновения; под влиянием этих столкновений хазарские каганы даже были вынуждены покинуть свою прежнюю столицу в Дагестане и основать новый город при устье Волги, хотя потом арабы и здесь, как в Туркестане, отказались от наступления, и Дагестан, кроме Дербента и его ближайших окрестностей, остался в руках хазар. На востоке между государством хазар и пограничными областями мусульман всегда было некоторое пространство, не принадлежавшее ни тем, ни другим; тем не менее из некоторых арабских известий можно заключить, что хорезмийские войска иногда переходили это пространство и принимали участие в происшедших на Волге событиях, из которых главным было наступление на бассейн Волги в X в. русских.

Наступлению русских на бассейн Волги предшествовало наступление хазар на восточнославянский мир; мы знаем из русских летописей, что несколько славянских народов до второй половины IX в. платили дань хазарскому кагану. Как далеко простиралось на север хазарское влияние, видно из того, что русский князь, живший далеко на севере, около Новгорода, когда русские еще были норманнами и говорили на шведском языке, носил титул *каган*, употреблявшийся иногда и впоследствии, когда к государю русских чаще применялся общеславянский титул германского происхождения *князь*.

Государство, образованное в IX в. русскими на пространстве от Балтийского до Черного моря, нанесло удар могуществу хазарского царства; непосредственное столкновение между обоими народами стало неизбежным, когда русские направили свои набеги между прочим и по Волге к Каспийскому морю. Известно, что об этих набегах русские летописи не дают никаких сведений; только о последнем из них, о походе на хазар Святослава, летопись сохранила несколько строк. Почти все наши сведе-

ния об этом движении русских заимствованы из арабских источников, причем самый подробный из них — рассказ Мас'уди о первом набеге, происшедшем, вероятно, между 910 и 915 гг., по-видимому, в 913 г. Этот набег был произведен с разрешения хазар, которым русские обещали отдать часть добычи, но потом тот же хазарский каган разрешил своим подданным-мусульманам (к ним присоединились и жившие в Итиле христиане, тоже заинтересованные в безопасности торговли от набегов) на обратном пути напасть на русских, которые были почти все истреблены.

В рассказе мусульман о втором набеге русских, 943—944 гг., когда был разграблен и разрушен главный в то время город мусульманского Кавказа, Берда'а, ничего не говорится о том, был ли он совершен с разрешения хазар или против их воли; неизвестно также, пострадали ли от этого набега, кроме мусульманских земель, также земли, принадлежавшие хазарам. Третий поход, поход Святослава в 965 г., был направлен уже против хазарского царства, которое на несколько лет перешло полностью во власть русских, не исключая и местности, непосредственно граничившей с халифатом в Дагестане; но за пределы хазарского царства русские тогда не проникали, не трогали мусульманских областей и не преследовали бежавших из хазарского царства жителей, нашедших убежище на Апшеронском полуострове, около Баку. Как видно из рассказа Ибн Хаукаля, бывшего в это время на юго-восточной стороне Каспийского моря, современники смотрели на этот поход как на окончательное завоевание хазарского царства; беглецы вели с русскими переговоры, чтобы вернуться к себе на родину и жить там под русской властью. Ибн Хаукаль и потом не знал, что русские покинули завоеванную ими страну и что хазарское царство было восстановлено.

Чтобы понять ход этих событий, нужно принять во внимание действия того же князя Святослава в других местах. Норманнские походы и в России, как в Западной Европе, первоначально предпринимались только для грабежа; таков был характер первых действий русских на Каспийском море. Потом походы приняли характер завоевательных предприятий, причем целью завоеваний было не присоединение новой территории к своим прежним владениям, но покорение богатой страны для того, чтобы остаться в ней. Когда Святослав потом пришел в

дунайскую Болгарию, он решил остаться в этой стране, экономически и культурно стоявшей в то время гораздо выше России и бывшей центром торговых сношений; несмотря на все уговоры, он не хотел возвращаться в Киев. Очень вероятно, что Итиль, имевший не меньшее торговое значение, тоже понравился Святославу и тоже показался ему, сравнительно с Киевом, более значительным и богатым городом, более достойным быть столицей могущественного князя. Для России этот момент имел решающее значение; если бы Святослав остался в Итиле, русские, наверное, подчинились бы влиянию мусульманской культуры. Святослав ушел из страны хазар не для того, чтобы вернуться домой, но чтобы оказать помощь византийскому императору, по его просьбе, против дунайских болгар; византийский посол, по-видимому, застал Святослава не в Киеве, а в хазарских владениях. Ни из русских источников, ни из византийских не видно, покинул ли Святослав свои завоевания добровольно, увлекшись, под влиянием византийского предложения, мечтой о новых завоеваниях, или этому решению способствовали какие-нибудь неудачи на Волге или опасность, угрожавшая от каких-нибудь новых врагов. Ответ на этот вопрос дает, может быть, дошедший до Багдада слух, что именно в 965 г., в год похода Святослава, на хазар напал какой-то «турецкий» народ; хазары обратились за помощью к хорезмийцам; те обещали оказать им помощь под условием принятия ими ислама; хазары согласились, и хорезмийцы освободили их от вражеского нашествия.

О принятии хазарами ислама говорится в мусульманских источниках еще по другому поводу, в рассказе о событиях другого периода; по этому рассказу, хазар будто бы заставили принять ислам походы против них Мамуна из города Гурганджа (нынешнего Куня-Ургенча). Имеется в виду не халиф Мамун, как ошибочно полагает Маркварт, а правивший в Гургандже эмир Мамун б. Мухаммед.

Несомненно, что в обоих случаях известие об обращении хазар в мусульманство было основано на неверных слухах. Государственной религией хазар оставался до конца иудаизм, принятый каганом и аристократией, вероятно, в эпоху Харуна ар-Рашида, т. е. в конце VIII в. Это событие было последним отголоском той широкой пропаганды иудаизма, о которой говорится в Евангелии

и у многих античных писателей; только постепенно иудаизм как религия международной пропаганды уступил место христианству и исламу и сделался тем, чем он остается до сих пор: национальной религией, принятие которой людьми других народов представлялось бы совершенно неестественным. По мусульманским известиям, иудаизм был религией хазарского правительства, но не хазарского народа. Хазарское правительство отстаивало интересы иудаизма, и в 922 г. в ответ на известие о разрушении синагоги в одном из мусульманских государств был разрушен минарет в Итиле; но среди народа, по словам арабов, мусульман и христиан было больше, чем приверженцев иудаизма. Поэтому остается темным вопрос о происхождении караимов в Крыму. Слово *караим* в средние века обозначало не народ, а одну из иудаистских сект, отличавшуюся от большинства иудаистов, как и крымские караимы, непризнанием Талмуда. Караимы говорят на турецком языке и имеют на этом языке перевод Библии, благодаря чему их язык сохранил большую чистоту. Часть Крыма принадлежала хазарам, и, может быть, здесь жил в начале XI в. последний хазарский владетель, хотя этот владетель, по-видимому, был христианином, так как его звали Георгием. Ясных свидетельств о том, чтобы хазары принадлежали к секте караимов, в источниках нет. Против отождествления караимов с хазарами говорят и лингвистические факты; язык хазар, подобно языку болгар, был непонятен для остальных турок и, вероятно, был тем же языком, остатком которого теперь является чувашский; язык караимов и караимской Библии мало отличается от большинства турецких наречий и не имеет ничего общего с чувашским. При таких условиях такие факты, как иудаистская религия и турецкий язык караимов, недостаточны для решения вопроса об их происхождении и их отношении к хазарам.

Ислам, таким образом, не сделался государственной религией в хазарских владениях; но и независимо от успеха или неудачи мусульманской религиозной пропаганды у хорезмийцев было достаточно причин оказать хазарам помощь в борьбе с внешними врагами, тем более что на службе у хазарского кагана была хорезмийская гвардия, которая не могла не пострадать при разгроме хазарского царства русскими. Возможно, следовательно, что уход Святослава, по крайней мере отчасти, был вызван действиями хорезмийцев.

Более тесно, чем хазары, были связаны с Хорезмом и с мусульманской культурой их ближайшие родственники, волжские болгары. Мусульманские источники говорят об этом сравнительно мало. Говорится только о прибытии в 921 г. посольства от принявших ислам болгар к халифу Муктадиру с просьбой прислать им знатоков военного дела, которые могли бы построить для них крепость, и знатоков ислама, которые могли бы наставить их в новой вере. В ответном посольстве халифа принимал участие Ибн Фадлан, описавший свое путешествие из Багдада к болгарам и обратно через страну хазар. До последнего времени сочинение Ибн Фадлана было известно только по извлечению, сделанному в XIII в. географом Якутом; только недавно установлено, что в Мешхеде сохранилась рукопись, хотя и неполная, труда Ибн Фадлана в том виде, как с ним мог ознакомиться Якут (не хватает лишь нескольких страниц в конце).

На Ибн Фадлана, по-видимому, была возложена обязанность содействовать ознакомлению болгар с предписаниями ислама; политическая сторона посольства его не интересовала, послем «от султана», т. е. от багдадского правительства, было другое лицо. Ибн Фадлан, насколько известно до сих пор, ничего не говорит о том, как это лицо исполнило свою обязанность и была ли построена для болгар та крепость, о которой они просили, и о том, как болгары первоначально ознакомились с исламом. Некоторый ответ на этот вопрос дает маршрут посольства: из Багдада оно проехало в Бухару, оттуда в Хорезм и только из Хорезма к болгарам. Выбор такого маршрута мог быть вызван только тем, что болгары вошли в соприкосновение с мусульманской культурой через Хорезм и владения Саманидов; из Багдада на Волгу было бы ближе ехать через Кавказ. Тесными культурными связями между болгарами и хорезмийцами объясняется предположение русского летописца о родстве между этими народами. На влияние саманидского государства указывают и монеты, чеканившиеся в том же X в. мусульманскими болгарами. Был период, когда Саманиды не признавали халифа (ал-Мути'), провозглашенного в Багдаде, и чеканили на монетах имя прежнего халифа (ал-Мустакфи); то же самое имя мы видим и на монетах, чеканенных в это время в стране болгар.

Помимо мирных сношений, между хорезмийцами и болгарами могли происходить и военные столкновения.

Есть известия о походах хорезмийцев на «славян»; едва ли тут может идти речь о настоящих славянах, живущих к западу от Волги. Ибн Фадлан называет царя волжских болгар царем славян; прежде можно было объяснить это выражение ошибкой Якута, но теперь оказывается, что оно находится в подлинном сочинении Ибн Фадлана. По-видимому, волжские болгары, как и дунайские, произошли от смешения турецко-чувакской народности со славянской, с той разницей, что среди дунайских болгар одержал победу славянский язык, среди волжских — турецко-чувакский.

Помощь хорезмийцев, может быть, на короткое время спасла хазарское царство от гибели, но не придала ему новой жизни; после XI в. оно больше не упоминается, и монголы в XIII в. хазар уже не застали. С другой стороны, разгромом хазарского царства воспользовались не столько русские, сколько болгары. По словам Ибн Хаукаля, русскими было разгромлено не только хазарское царство, но и болгарское, но об этом ничего не говорит русская летопись и этому мало соответствуют последующие события. С XI до XIII в. болгары действовали на огромном пространстве от Великого Устюга до местности южнее Саратова и от Мурума до Уфимского края. В политическом отношении страна болгар, как и Россия, переживала, по-видимому, период распада на уделы. Ибн Фадлан говорит об одном верховном государе болгар, хотя и не носившем ханского титула, как государь хазар; впоследствии русские летописи всегда говорят о болгарских князьях, а не об одном князе. С другой стороны, культура болгарского народа была в XIII в. значительно выше, чем в X в. По описанию арабских географов X в., болгарские города, Болгар и находившийся в 50 верстах от него Сувар (по-видимому, тоже название племени), в сущности были ставками кочевников, состояли из хижин и войлочных шатров и летом совершенно покидались, тогда как город Болгар монгольского периода, как показывают его развалины, был каменным городом с населением не менее 50 000 жителей. В X в. из страны болгар вывозили только продукты охоты (меха пушных зверей) и пчеловодства; впоследствии у болгар возникло кожевенное производство, унаследованное потом русскими, и болгарские сапоги были предметом вывоза в мусульманские страны, где на них был большой спрос. Земледелие также сделало большие успехи, и в годы

неурожая Россия могла получать хлеб из страны болгар. Военная борьба с русскими велась с переменным счастьем; наступление русских вниз по Волге подвигалось медленно; только в XIII в., незадолго до монгольского нашествия, русские дошли до места впадения в Волгу Оки и основали здесь Нижний Новгород. С другой стороны, нет сведений о том, чтобы болгары достигли успехов в области духовной культуры и имели литературу на своем языке, хотя на этом языке сохранились надписи арабским алфавитом, относящиеся уже ко времени монгольского владычества, к XIV в. Вскоре после этого в бывшей стране болгар получил господство тот турецкий язык, который утвердился в Золотой Орде; прежний болгарский язык сохранился только в языке чувашей, происходящих, по-видимому, от наименее затронутых мусульманской культурой элементов болгарского народа, совершенно не знавших ни ислама, ни арабского алфавита и до принятия русского алфавита не имевших никакой письменности.

Известный нам теперь маршрут Ибн Фадлана наглядно показывает, что влиянию ислама более отдаленные от мусульманских стран народы иногда подвергались раньше, чем ближайшие соседи мусульман. На пространстве между Хорезмом и владениями принявших ислам болгар Ибн Фадлан видел турок, остававшихся при своих шаманских верованиях и ставивших у могил своих воинов камни по числу убитых покойным врагов.

Турецкие народы, жившие в то время в Средней Азии, находились на различных ступенях культуры; говорится и о таких турках, у которых даже не было железного оружия и стрелы выделывались из костей. Пример болгар показывает, что влиянию ислама подвергались преимущественно те народы, у которых уже была некоторая культурная жизнь. Якут сохранил нам рассказ об арабском посольстве к туркам (к сожалению, не сказано, к каким, и маршрут посольства не приводится) при халифе Хишаме (724—743) с предложением принять ислам. Каган устроил при после осмотра своим военным силам и потом сказал ему, что таким людям, среди которых нет ни одного ремесленника, «ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных», неоткуда будет добывать себе средства к жизни, если они примут ислам и будут исполнять его предписания.

Нет, по-видимому, фактов в пользу предположения,

что распространению ислама способствовала воинственность турок, что турки увлеклись идеей священной войны и райскими блаженствами, обещанными павшим в такой войне. Возникновение в исламе индивидуального миссионерства, внутри мусульманского мира и за его пределами, было связано с возникновением мусульманского мистицизма — суфизма. В биографиях известных суфиев обыкновенно говорится об обращении ими в ислам большого числа иноверцев; суфии отправлялись проповедовать ислам в степь, к туркам, и всегда, до последнего времени, пользовались среди турок гораздо большим успехом, чем представители книжного богословия. Проповедники-суфии говорили и говорят в степи не о священной войне и райских наслаждениях, а о грехе и адских муках; европейские путешественники в Средней Азии и Центральной Африке одинаково, независимо друг от друга, вынесли впечатление, что рассказы об аде больше всего способствуют распространению ислама. Но в этом отношении ислам не приносил с собой ничего нового; такие же рассказы турки слышали от проповедников буддизма, манихейства и христианства; между тем проповедь ислама имела успех и там, где турки раньше ознакомились с одной из этих религий.

Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени. Кочевники всегда нуждались в произведениях культурных стран, особенно в предметах одежды. Везде, где происходила торговля между культурными народами и кочевниками, в Китае, в мусульманском мире и впоследствии в России, кочевникам больше всего были нужны ткани. Торговля с кочевниками была выгодна и для оседлых народов, которые могли получать от кочевников продукты скотоводства, особенно мясо, по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при других условиях, но больше всего торговля была нужна кочевникам, которые везде сами пригоняли свои стада к пограничным селениям культурных стран, не дожидаясь, чтобы торговцы приехали к ним в степь. Для пограничных мусульманских стран в Средней Азии торговля с кочевниками имела большое значение; в Хорезме изготовлялись ткани специально для вывоза в степь. Знакомясь с товарами и вообще с жизнью мусульман, кочевники подвергались влиянию

не столько ислама как религии, сколько вообще мусульманской культуры, но присоединение к мусульманскому культурному миру было возможно для кочевников только при условии принятия ислама.

В прочном распространении ислама среди турок проявилась та сила, которою, по-видимому, обладает ислам даже по сравнению с другими мировыми религиями. Несмотря на то что ислам по числу своих последователей уступал буддизму и христианству, можно сказать, что ислам теперь является единственной в настоящем смысле слова мировой религией, т. е. религией, распространение которой не ограничивается народами одного происхождения или одного культурного мира. Временно успехи других религий иногда были более замечательны, чем успехи ислама, но не приводили к прочным результатам. Манихейство тоже было некогда мировой религией и имело последователей от Южной Франции до Китая; это не помешало ему впоследствии совершенно исчезнуть. Буддизм начал свою мировую деятельность широкой пропагандой на западе, но остался религией одного только восточноазиатского культурного мира. Христианство имело многочисленных последователей среди турок до начала успехов ислама; впоследствии христианство воспринял целый ряд народностей в Западной, Восточной и Южной Монголии, где мусульманская пропаганда не имела почти никакого успеха, но эти успехи были только временными, и христианство является теперь религией преимущественно европейского человечества; по сравнению с европейскими, христиане, живущие вне мира европейской культуры, совершенно ничтожны как по численности, так и по своему культурному развитию. Ислам является по существу религией переднеазиатского культурного мира, но число его последователей в Восточной Азии, особенно в Индии и на Зондских островах, теперь превосходит число переднеазиатских мусульман. В Китае мусульмане представляют самостоятельную силу, имеют духовную литературу на своем языке и не нуждаются в поддержке извне, тогда как все попытки христиан создать китайскую национальную церковь потерпели неудачу. В Африке христианство также не создало ничего подобного африканскому исламу; среди единственного африканского народа, имеющего свою национальную христианскую церковь, абиссинцев, еще в XIX в. имела успех мусульманская пропаганда. Вообще исто-

рия знала много буддийских и христианских народов, принявших ислам, и не знала ни одного мусульманского народа, который бы принял буддизм или христианство.

После принятия ислама волжскими болгарами следующий крупный факт, указывающий на успехи ислама среди турок,— принятие ислама в 960 г., почти через 40 лет после прибытия болгарских послов в Багдад, многочисленным (200 000 шатров) турецким народом. К сожалению, это известие имеется только в багдадской историографии, а не в сочинениях, писавшихся в саманидском государстве, и не в арабской географической литературе. Этим отчасти объясняется крайняя неопределенность дошедшего до нас известия; ничего не говорится ни о том, как назывался турецкий народ, ни о том, где он жил. Только в более поздних среднеазиатских преданиях, из которых самая ранняя версия дошла до нас в сочинениях начала XIV в. со ссылкой на сочинение XI в., говорится, что принявший тогда ислам вместе со своим народом турецкий хан, именно Сатук Богра-хан Абд ал-Керим (в оригинале ошибочно Абд ал-Малик), был членом той же династии, которая в конце того же X в. завоевала государство Саманидов и положила начала первому турецкому мусульманскому государству в Средней Азии. Даже в упомянутой древнейшей версии рассказ о Богра-хане и принятии им ислама имеет явно легендарный характер; еще больше легендарного элемента в распространенных в Средней Азии теперь различных версиях *Тазкирайи Богра-хан*.

Исторические и географические источники не дают нам даже ответа на вопрос, к какой турецкой народности принадлежала та династия, из которой вышел Сатук Богра-хан и которую в русской науке со времени проф. Григорьева обыкновенно называют Караханидами, по другому титулу того же Богра-хана; в западной науке чаще употреблялся термин *илек-ханы*, не вполне удачный, потому что титул *илек*¹² далеко не всегда соединялся с титулом *хан*, к тому же илеками называли себя не все ханы этой династии.

Когда возникла династия Караханидов, с какими передвижениями турецких народностей связано ее возникновение, к какой народности принадлежали сами ханы,—

---

¹² *Илек* — титул правителя династии Караханидов.

все эти вопросы остаются совершенно неясными и теперь, после открытия и издания сочинения Махмуда Кашгарского. Махмуд Кашгарский писал в такое время, когда господство династии Караханидов давно уже установилось, и мало касается вопросов прошлого. Представители арабской географической литературы, даже те из них, которые писали после 960 г., еще ничего не знали о существовании на границах владений Саманидов мусульманского турецкого государства; все их сведения заимствованы из книжных источников и относятся к более раннему периоду. Кроме очень простой схемы арабских географов IX—X вв., по которой всю страну между владениями гузов (огузов) и тугузгузов занимали карлуки, мы находим более сложную картину в других арабских известиях, дошедших до нас только в двух персидских сочинениях, анонимном географическом сочинении 372/982-83 г., открытом в Бухаре в 1892 г. и по имени открывшего его получившем название «рукопись Туманского», и в историческом труде Гардизи, написанном уже в XI в., после 1040 г. Даже эти известия, относящиеся, по-видимому, к более позднему периоду, чем прежняя схема географов X в., не дают ясной картины, относятся, по-видимому, к разному времени, и их трудно привести в согласие как между собой, так и с тем распределением турецких народностей, которое мы находим у Махмуда Кашгарского.

Из рукописи Туманского и сочинения Гардизи мы, между прочим, узнаем, что часть страны, в которой, по словам арабских географов X в., жили карлуки, была занята народом ягма, выходцами из тугузгузов; народ ягма владел Кашгаром и частью Семиречья к югу от Нарына. Если поселение здесь народа ягма произошло после того времени, к которому относятся рассказы арабских географов, и если эти тугузгузы пришли с востока, то этим опровергались бы слова Джахиза, что после принятия тугузгузами манихейства перевес в борьбе между ними и карлуками перешел к карлукам. Династия Караханидов была тесно связана с Кашгаром, который, как местопребывание хана и его двора, назывался также Ордукент, т. е. селение, где находится орда; об этом говорит и Махмуд Кашгарский. Отсюда, естественно, должно было возникнуть предположение, что народ, владевший Кашгаром, создал и династию Караханидов, т. е. что Караханиды вышли из народа ягма, ветви тугузгу-

зов или уйгуров. Махмуд Кашгарский ничего не говорит об этом и знает слово *ягма* только как название народа, жившего при нем дальше к северу, в долине реки Или. Махмуд Кашгарский помещает в той же долине и некоторые другие народности, которые, по рукописи Туманского и Гардизи, жили южнее, именно народы тухсийцев и чигилей; первый помещается персидскими авторами в местности к северу от Чу, второй — на северном берегу Иссык-Куля. Название *чигиль*, с тех пор забытое, в XI в. применялось к большому числу турецких народностей. Из рассказа о походе на Мавераннахр сельджукского султана Меликшаха мы знаем, что чигилями называли военную силу Караханидов; по Махмуду Кашгарскому, огузы называли чигилями всех турок от Аму-Дарьи до Китая. Такой факт как будто указывал на политическое значение чигилей в Средней Азии или происхождение династии Караханидов из их среды, но и в пользу этого предположения у Махмуда Кашгарского нельзя было бы найти никаких данных. Сам Махмуд Кашгарский объясняет то значение, которое получило у огузов слово *чигиль*, только тем, что город Чигиль, где жила одна из ветвей этого народа, находился близ Тараза, т. е. современного Аулие-Ата, и что с этим городом рано ознакомились огузы, как с одним из самых западных восточнотурецких городов. Две другие ветви чигилей жили в деревнях близ Кашгара и в долине Или, в местности около города Куяса; в монгольскую эпоху этот город, находившийся к югу от Или, получил известность как столица Чагатая, сына Чингиз-хана, и некоторых из его потомков. Наконец, о карлуках Махмуд Кашгарский сообщает только, что они были кочевым народом и что их, как и огузов, называли также туркменами. Рукопись Туманского и Гардизи помещают карлуков, название которых персидскими авторами переделано в *халлух*, по соседству с мусульманскими владениями, в ближайшей местности к востоку от Тараза; им принадлежали и некоторые города в Китайском Туркестане, в том числе город Пенчул (кит. Выньсу), находившийся близ нынешнего Уч-Турфана; об этом городе в рукописи Туманского говорится, что он находился в стране карлуков, но владетель его был в зависимости от тугузгузов, впоследствии им овладели киргизы. На рубеже между областями карлуков, тугузгузов и киргизов находился, по рукописи Туманского, и Кашгар. Это известие рукописи Ту-

манского о киргизах крайне интересно; из него можно было бы заключить, что движение киргизов на юг, в ту страну, где они живут теперь, началось не позже X в. Никаких данных об этом, однако, нет ни у Гардизи, ни у Махмуда Кашгарского, ни в других источниках. О передвижении на север карлуков, подобно чигилям и ягма, у Махмуда Кашгарского еще не говорится, но впоследствии, в эпоху Чингиз-хана, мы видим карлукские владения к северу от Или.

Таким образом, у Махмуда Кашгарского упоминаются все три народа — карлуки, ягма и чигили, из которых могла выйти династия Караханидов, но ни об одном народе не говорится, чтобы он ближе других стоял к династии. Интересны слова о карлуках, что их, как и огузов, называли туркменами. Происхождение этого слова, впервые встречающегося в X в., до сих пор остается загадочным; персидская этимология «похожие на турок», которую мы находим уже у Махмуда Кашгарского¹³, конечно, не заслуживает доверия. Ясно только, что тип туркмен отличался от обычного турецкого типа и более приближался к иранскому. Карлуки, по-видимому, еще больше, чем огузы, подверглись влиянию иранского элемента и еще до принятия ислама ближе других турок стояли к мусульманской культуре. В XII в. туркменом называли владельца города Баласагуна в Семиречье¹⁴, происходившего из династии Караханидов; этот факт, может быть, говорит в пользу карлукского происхождения династии.

О том же городе Баласагуне есть рассказ персидского министра Низам ал-мулька, современника Махмуда Кашгарского, по которому этот город уже около 940 г. считался мусульманским и переход его в руки неверных мог быть поводом для объявления священной войны. Возможно, что карлуки приняли ислам раньше народа ягма и что ханы народа ягма последовали их примеру только после занятия прежних владений карлуков, в том числе и долины реки Чу, где, вероятно, надо искать Баласагун; но все это остается недоказанным.

Первый турецкий хан, принявший ислам, Сатук Богра-хан, считался владельцем Кашгара, и могила его до

¹³ *Махмуд Кашгарский*, III, 307; сходная этимология («*тюрк-и мен* — 'я *тюрк*') имеется у Нешри.

¹⁴ В тексте Джувейни (изд. Казвини, II, 88) следует читать *туркман*, а не *туркан*, т. к. завоеватели не имели оснований называть владельца Баласагуна 'князем турок'.

сих пор находится в селении Артыш (в более ранних источниках Артудж), к северу от этого города. По самой ранней версии рассказа об этом хане, он умер в 344 г. х., т. е. в 955—56 г., что, однако, находится в некотором противоречии с рассказом о принятии ислама турецким народом в 960 г.; этот последний рассказ находился, вероятно, уже в сочинении багдадского историка Сабита б. Синана, писавшего около этого времени, и его дата, вероятно, заслуживает больше доверия, чем дата заключающего в себе много анахронизмов и легендарных подробностей рассказа о Сатук Богра-хане.

В том же X в. приняла ислам часть огузского народа на нижнем течении Сыр-Дарьи; предводитель принявших ислам огузов начал свою деятельность с того, что освободил мусульманские города от дани, которую они до тех пор платили кафирам¹⁵. Вообще добровольное принятие ислама двумя турецкими народами казалось, вероятно, торжеством мусульманства; прежние пограничные мусульманские области теперь имели мусульманских соседей на севере и на востоке, и могло казаться, что ислам приобрел новых союзников в борьбе с немусульманским миром. На самом деле обстоятельства сложились так, что оба принявших ислам турецких народа почти тотчас же обратили свое оружие против тех стран, откуда к ним пришел ислам. О причинах и последствиях этого явления я буду говорить в следующей лекции.

V

О принятии ислама кашгарским Богра-ханом у мусульманских историков не сохранилось никаких сколько-нибудь достоверных известий. Предания о мусульманских ученых сохранили нам имя богослова Келимати, бывшего при дворе турецкого хана именно в то время, около 960 г., к которому багдадская летопись относит принятие ислама многочисленным турецким народом, но в преданиях о Богра-хане этот богослов не упоминается. Из старых версий легенды в одной не говорится ни о каком земном просветителе, и принятие ислама ханом объясняется полученным им во сне приказанием с неба, в другой — просветителем вместо богослова назван бе-

---

¹⁵ *Кафиры* — неверные, не принявшие мусульманства.

жавший к турецкому хану саманидский царевич, причем приводятся явно фантастические, несогласные с историей имена и даты, хотя рассказ заимствован из не дошедшего до нас сочинения кашгарского историка XI в. Интересны в этом рассказе подробности о том, как турецкому хану сперва понравились мусульманские товары, особенно ткани и сладости; уже потом он обратил внимание на мусульманское богослужение и начал спрашивать мусульман об их вере.

Мы видели, что местопребыванием принявшего ислам хана был Кашгар; его внук, Богра-хан Харун б. Муса, жил в городе Баласагуне, и оттуда предпринял завоевание Мавераннахра; впоследствии Кашгар и Баласагун часто упоминаются вместе как города, принадлежавшие одному и тому же хану из династии Караханидов. Замечательно, что город Баласагун, несмотря на то значение, которое он имел для ханской династии, редко упоминается в мусульманской литературе, и нет ни одного маршрута, который бы нам позволил точно установить местоположение этого города. Из географов X в. название Баласагун встречается только у Макдиси, притом без указания местоположения; ни рукопись Туманского, ни Гардизи о нем совершенно не упоминают. Очень вероятно, что Баласагун носил прежде другое название и упоминается в маршрутах географов IX—X вв. под этим старым названием. Как главный город долины реки Чу у арабских и китайских авторов постоянно упоминается город Суяб (в китайской транскрипции Суй-е), у Махмуда Кашгарского этого названия нет; упоминается крепость Шу близ Баласагуна, построенная царем Шу, будто бы современником Александра Македонского; при этом прибавляется, что это было в такое время, когда городов Исфиджаба, или Сайрама, Тараза и Баласагуна еще не было. Известно, что теперь у киргизов звук *ч* заменился звуком *ш* и река Чу называется *Шу*; так слышал название реки и Радлов; очень вероятно, что такое же произношение было тогда у тех турок, которые жили на берегах Чу. Впоследствии название Чу относилось не только к реке, но и к бывшим здесь развалинам городов, остатком которых является теперь башня Бурана, причем это название, по-видимому, только искажение арабского *манара* 'башня мечети'. Говорится еще, что к Баласагуну вел перевал Занби «между Кочкар-баши и Баласагуном». Название города Кочкар-баши было известно

и раньше по персидским источникам; его искали к востоку от Таласа, но более вероятно, что он, как заставляет думать и его название, находился на верховьях реки Кочкар, как называется река Чу в своем верхнем течении. Перевал Занби, обращающий на себя внимание своим совершенно нетурецким названием, соответствует в таком случае перевалу Шамси, о котором существуют местные турецкие легенды.

Происхождение названия Баласагун пока не установлено; предлагавшееся прежде сближение его с монгольским словом *балгасун* 'город' теперь едва ли имеет сторонков. У Махмуда Кашгарского встречается слово *атасагун* в значении 'врач', очевидно образованное от слова *ата* 'отец'; оставляем открытым вопрос, может ли быть образовано таким же образом слово *баласагун* от *бала* 'дитя' и в каком значении. У турок Баласагун носил также название Куз-улуш (слово *улуш* значило 'деревня' или 'город'), или Куз-орду; название Орду носил также другой город около Баласагуна, упоминающийся и у географа конца X в. Макдиси как местопребывание местного туркменского правителя. Слово *Куз* в этом названии у Махмуда Кашгарского не объясняется.

Баласагун принадлежал к числу городов, основанных согдийцами, и процесс их отуречения при Махмуде Кашгарском еще не был закончен; жители Исфиджаба, Тараза и Баласагуна говорили по-согдийски и по-турецки. Согдийцы, как в орхонских надписях, носят название *согдак*; так назывался, по словам автора, народ, вышедший из Согда, страны между Самаркандом и Бухарой; согдаки приняли турецкую одежду и турецкие обычаи. Вся местность от Исфиджаба (в другом месте сказано «от Тараза») до Баласагуна называлась Аргу; этого названия мы не встречаем ни в каких других источниках; по Махмуду Кашгарскому, под словом Аргу вообще понимали ущелье, расположенное между двумя горами, и, очевидно, область Аргу получила такое название по своему местоположению между Александровским хребтом и Чу-Илийскими горами. О согдийцах, живших дальше к востоку, не упоминается. При Махмуде Кашгарском согдийцы области Аргу, конечно, были мусульманами; совершенно нет сведений о том, приняли ли эти согдийцы ислам раньше турок, вообще, в чем проявилось их культурное влияние на турецкий народ, прежде чем они сами сделались турками по языку и одежде.

Те же самые вопросы могут быть поставлены по отношению к первоначальному, нетурецкому оседлому населению Китайского Туркестана. Только из слов Махмуда Кашгарского мы узнали, что это население еще в его время рассматривалось как особый народ и носило название кенджек; ни в каких других источниках этого названия нет. Кенджеки в то время были уже отуречены, но сохраняли остатки своего прежнего языка в виде некоторых слов и некоторых фонетических особенностей.

Не из Кашгара, а из Баласагуна произошло в конце X в. завоевание турками пограничного государства иранско-мусульманского мира — государства Саманидов. Упоминается сначала о занятии Богра-ханом Харуном, внуком принявшего ислам Сатук Богра-хана, Исфиджаба, или Сайрама, где, по-видимому, находилось небольшое турецкое владение или владение под управлением турецкой династии; потом, в 992 г., состоялся первый успешный поход Богра-хана на Самарканд и Бухару. Обстоятельства заставили завоевателей временно отказаться от своих завоеваний и вернуться в Баласагун, где Богра-хан в том же году умер; но по миру, заключенному несколько лет спустя, в руки Караханидов перешли все владения Саманидов к северу от долины Зеравшана. Еще через несколько лет, в 999 г., Караханиды снова заняли Самарканд и Бухару; попытки последнего Саманида восстановить власть своей династии (в начале XI в.) уже не могли сколько-нибудь серьезно поколебать установившееся в стране турецкое господство.

Вообще попытки Саманидов поднять народные массы для защиты иранской государственности от внешнего врага не имели успеха. Некоторыми представителями мусульманского духовенства даже был провозглашен принцип, что народ обязан принимать участие в защите страны только тогда, когда мусульманская страна подвергается нашествию кафиров. В духе этого принципа доказывалось, что раз Караханиды — мусульмане и не было никаких причин ожидать, что при их господстве мусульманскому населению будет хуже, чем при господстве Саманидов, то мусульманам нет никакого основания «подставлять себя для убиения».

И в других отношениях обстоятельства не были благоприятны для организации единого отпора иранского населения турецким завоевателям. Иранская Сред-

няя Азия в домусульманский период не знала сильной монархической власти, власть находилось в руках землевладельческой аристократии; страна разделялась на множество мелких княжеств, причем князья были только первыми землевладельцами своего княжества и, подобно землевладельцам-аристократам, назывались дихканами; иногда княжеская власть временно исчезала совсем. Иранское дихканство оказывало влияние и на турок, встречаются дихкане с турецкими титулами. При исламе этот аристократический строй, как и в Персии, постепенно разлагался под влиянием развития городской жизни, установления сильной монархической власти и бюрократической централизации; вместе с вытеснением местных иранских наречий персидским языком в Среднюю Азию переносились традиции сасанидской государственности, и сами Саманиды приписывали себе происхождение от Сасанидской династии. Деспотические стремления Саманидов не могли не вызвать мятежного настроения в аристократии, и есть известие, что Богра-хан был призван в Мавераннахр дихканами. Есть основание думать, что дихкане в первое время действительно извлекли пользу от завоевания страны турками. Мы знаем со слов географа Макдиси, что в конце X в. традиции дихканства в хозяйственной жизни больше всего сохранялись в области Илак, в долине Ангрена к югу от Ташкента, но политического значения дихкан Илака уже не имел; при Караханидах появляются монеты, чеканенные илакским дихканом, что указывает на восстановление его политического значения.

Завоевав Мавераннахр, Караханиды в первое время не жили в главных городах этой области, ни в Бухаре, столице Саманидов, ни в Самарканде. Местопребыванием первых владетелей Мавераннахра из династии Караханидов был не имевший прежде большого значения пограничный город Ферганы на востоке Узгенд; здесь, в непосредственном соседстве со своими прежними владениями, Караханиды, очевидно, чувствовали себя безопаснее, чем в центре завоеванной ими области, где через несколько лет все-таки появились некоторые признаки народного движения в пользу Саманидов. Для названия Узгенд была придумана не совсем удачная турецкая этимология *уз кент* 'наш собственный город', хотя город существовал и до турецкого завоевания. Турецкое название получил и главный город северной части Маве-

раннахра, где турецких элементов, конечно, было больше, чем в южной, именно Бинкет, главный город области Чач, или, по иранскому произношению, утвердившемуся впоследствии и в местной книжной литературе, Шаш. Вместо названия Бинкет уже в XI в., как мы знаем из сочинения Бируни, существовало турецкое название Ташкент — 'Каменный город', хотя каменных пород в этой местности почти совсем нет; в литературе есть несколько попыток объяснить этот странный факт, но эти попытки остаются произвольными догадками. У Махмуда Кашгарского приводится также сокращенное турецкое народное название Ташкента — Теркен; из того же сочинения видно также, что уже в то время существовала турецкая народная этимология названия Самарканд — *самизкент* 'жирный (т. е. богатый) город'.

Отказ от поселения в Самарканде и Бухаре не означал отказа Караханидов от дальнейших завоеваний на западе, откуда к ним пришла не только религия, но и материальная культура и материальные богатства. Движение на запад обещало гораздо больше выгод, чем борьба на востоке и севере с не принявшими ислама турками; религия при таких условиях не могла изменить общего направления турецких завоевательных движений, тем более что и в мусульманских странах, как мы видели, были отдельные партии и группы, встречавшие турок как союзников. Вследствие своего недавнего обращения, турки были более ревностными мусульманами, чем правители переднеазиатских областей; еще в X в. защитники веры ждали прибытия правоверных завоевателей с востока, которые бы уничтожили господство захватившей всю власть в Багдаде шиитской династии Буидов. Турки на востоке, как берберы на западе, вообще выступали в роли защитников религии в тех странах, где представители религии вели борьбу с правительством. Махмуд Кашгарский приводит хадис¹⁶, в котором, со слов пророка, самому Аллаху приписаны слова: «У меня есть на востоке войско, которое называют турками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю их на него».

Караханиды тоже считались благочестивыми правителями и не пили вина, чем отличались от представите-

¹⁶ *Хадис* — предание о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Совокупность хадис, признанных достоверными, составляет сунну.

лей турецкой по происхождению, но не связанной с турецкими народными движениями династии Газневидов, к которой перешло наследие Саманидов в области к югу от Аму-Дарьи. Газневидский султан Махмуд тоже считался исключительно благочестивым, вел священную войну в Индии и преследовал еретиков в своем собственном государстве, но не отказывал себе лично в запрещенных религией удовольствиях.

Караханиды не имели намерения остановиться на Аму-Дарье и предприняли нашествие на государство Махмуда. Историк Махмуда по этому поводу вспоминает хадис, где говорится о наружном виде турок, об их маленьких глазах, плоских носах и т. п.; этот хадис является одним из главных доводов против мнения, будто турки первоначально не принадлежали к народностям так называемого монгольского типа. Возможно, что в пределах Ирана борьба с турками рассматривалась и с точки зрения иранских национальных традиций. Именно в то время повилось написанное еще при Саманидах, но обнаруженное при Махмуде *Шах-наме* Фирдауси, в котором отводится такое значительное место борьбе Иране с Тураном, причем со времени появления турок в VI в. слово *Туран* стали употреблять в смысле *Туркестан*, страна турок, и героев этой борьбы со стороны Турана, несмотря на их чисто иранские имена, сделали турецкими царями. Применение этих традиций к Караханидам облегчалось тем, что сами Караханиды подчинились влиянию не только ислама, но и персидского эпоса и по имени мифического туранского царя стали называть себя «домом Афрасиаба», несмотря на совершенно нетурецкий звуковой состав этого имени. Только из сочинения Махмуда Кашгарского мы узнаем, что с Афрасиабом был отождествлен герой турецких песен Алп-Тонга. Махмуд Кашгарский приводит несколько таких песен, как всегда сопровождая их арабским переводом; в этом переводе слова *Алп-Тонга* заменяются словом *Афрасиаб*. Эпизоды персидских преданий об Афрасиабе были приурочены к отдельным местностям Восточного Туркестана. Столицей Афрасиаба считался Кашгар; Афрасиабу было также приписано основание города Барчук, где теперь Маралбаши; в Барчуке будто бы был заключен герой Бизен, или Биджен, по персидскому эпосу, брошенный в колодец по приказанию Афрасиаба за тайный брак с его до-

черью и освобожденный Рустемом. Вполне естественно, что Фирдауси и даже его предшественник, современник Саманидов Дакики, вносили в рассказы о мифических туранцах черты быта современных им турок. Сюда относятся, например, названия городов и отдельных турецких народностей.

Борьба с Газневидами кончилась для Караханидов неудачно; все их нашествия были отражены с большими для них потерями. К Махмуду перешли и некоторые области к северу от Аму-Дарьи; сам Махмуд хотел, чтобы его признавали верховным государем всего востока и чтобы халиф сносился с Караханидами только через его посредство. Но в то же время сам Махмуд сносился с ханами Караханидов как равный с равными; об этом особенно ясно свидетельствует подробный рассказ историка Гардизи о свидании Махмуда в 1025 г. в местности к югу от Самарканда с кашгарским владельцем Кадыр-ханом Юсуфом, сыном Богра-хана Харуна.

С именем Кадыр-хана Юсуфа, умершего в 1032 г., связано единственное завоевательное предприятие Караханидов в Восточном Туркестане, о котором говорят источники, именно завоевание Хотана. Насколько известно, только здесь успех ислама был связан с успехом мусульманского оружия, и турками-мусульманами был завоеван город, где учение Будды процветало уже много веков. В рассказе Гардизи о Хотане, относящемся, очевидно, ко времени до завоевания, упоминаются также христианские церкви и мусульманское кладбище, из чего видно, что мусульмане проникли туда еще в эпоху буддизма.

Интересно, что с Махмудом сносились не только Караханиды-мусульмане, но и языческие владельцы. Гардизи говорит о прибытии к Махмуду в 1026 г. послов от двух турецких ханов (приводятся их титулы, произношение которых по единственной известной кембриджской рукописи, копию которой представляет оксфордская, не может быть вполне установлено) с просьбой дать согласие на установление родственных связей между ними и Газневидской династией. Махмуд ответил, что мусульмане не отдают своих дочерей за неверных, но что, если они примут ислам, то их просьба может быть исполнена. К сожалению, не сообщается, где правили эти ханы и принадлежали ли они к той же династии Караханидов, т. е. были ли среди Караханидов ханы, не принявшие

ислама. Этих сведений нет и в единственном, кроме Гардизи, источнике, где упоминается об этом посольстве, — в труде Джемаль ад-дина Ибн Муханны о персидском, турецком и монгольском языках, составленном в XIV в. Две последние части этого труда изданы, с русским переводом и лингвистическим исследованием, покойным профессором Мелиоранским в 1900 и 1903 гг.; весь труд издал в Константинополе в 1330—1340 гг. х. (1912—1922 г.) Килисли Риф'ат. Турецкий издатель располагал новым материалом, которого не было у русского, и мог установить имя автора. К сожалению, интересующее нас место в турецком издании искажено пропусками, и пользоваться им можно только по русскому изданию.

Ибн Муханна по поводу двенадцатилетнего животного цикла ссылается на не дошедшее до нас сочинение врача Шереф аз-замана Мервези «О нравах животных» (*Таб̄а'и'ал-хай̄аван*). Говорится о получении султаном Махмудом в 418/1027 г. письма от «государя Китая и государя турок», датированного пятым месяцем года мыши; приводятся и остальные названия годов, причем год барса назывался также годом тигра или годом льва. Новый источник не дает, следовательно, никаких новых сведений о посольстве двух ханов и только вносит хронологическую неясность. Гардизи относит посольство к 417 г. х. (1026 г.), врач Мервези — к 418 г. х. (1027 г.); дата по циклу, год мыши, соответствует 1024 или 1036 г.

Сведения о границах мусульманских владений в Восточном Туркестане при Караханидах сообщает только Махмуд Кашгарский. Известно, что культурные области расположены в Восточном Туркестане вдоль двух главных путей, северного, ведущего к Гучэну (в немецком переводе исправлено: Куча) и Турфану, и южного, ведущего от Хотана к Лоб-Нору, куда впадает р. Тарим; у Махмуда Кашгарского Усми-Тарим — «название большой реки, текущей из области ислама к уйгурам и там теряющейся в песках». В XI в. ислам еще не доходил ни до Турфана, ни до Лоб-Нора; пограничными пунктами на северном пути были Куча и Бугур, на южном — Черчен. Не говорится, были ли на обширном пространстве от Кашгара до этих мест еще какие-нибудь ханы, кроме кашгарского. Дальше к востоку находились, по-видимому, владения уйгурского хана; приводится его титул *кюль бильге-хан*, но слова «его называли» показывают,

что этот титул относится к прошлому; как назывался уйгурский владетель при жизни автора, не говорится. Слово *күл*, известное по имени главного героя орхонских надписей Кюль-тегина, встречалось еще в титуле карлукских вельмож *кюль-иркин*, но значение слова *күл* автору было не известно; ему известно только слово *күл* в значении 'озеро', и потому он прибегает к крайне искусственному толкованию титула, который будто бы должен был обозначать, что ум хана или вельможи так же обширен, как озеро. У Гардизи титул *күл тегин* приводится в форме *күр-тегин*; несомненно, что мы имеем здесь одно и то же слово с часто встречающимся колебанием между звуками *л* и *р*. Слово *күр* известно и Махмуду Кашгарскому, который приводит выражение *күр әр* в смысле 'твердый, стойкий человек', но не узнал того же слова в титуле *күл*.

В распоряжении автора был какой-то рассказ о завоевании Хотана, но на это в его сочинении сохранился только намек. Приводится имя Дженкши, встречающееся и в монгольскую эпоху среди потомков Чингиз-хана, но прибавляется, что так назывался один из эмиров Хотана, который был причиной завоевания этого города. Довольно много стихов, приведенных в труде Махмуда Кашгарского, относится к войнам между мусульманами и уйгурами, причем с представлением об уйгурах связывается представление о культе бурханов, т. е. о буддизме. С понятием о бурханах связывается понятие о их жреце — тойоне, как называется до сих пор часть буддийского духовенства у монголов. Этому слову приписывают китайское происхождение, что оно вместе со словом *ном* для обозначения священных книг (по Махмуду Кашгарскому, так называли всякий религиозный закон, в том числе, по-видимому, и мусульманский) перешло к монголам от уйгуров, было известно и раньше, по рассказу персидского автора XIII в. Джувеини. Никаких ясных сведений о существовании среди уйгуров манихейства и христианства у Махмуда Кашгарского нет; намек на существование турецких христиан можно видеть только в его замечании о слове *баджак*, которое означает 'пост христиан'. Замечательно, что то же самое слово в манихейских текстах означает пост манихеев.

Интересно, что в государстве Караханидов прилагали одно и то же название к мусульманам-иранцам и к уйгурам. Происхождение этого названия (*тат*) остается

спорным; в этнографическом смысле оно употребляется теперь преимущественно на Кавказе, где так называют евреев, говорящих на смешанном иранско-турецком языке; в Средней Азии слово *тат* встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово *тат*, очевидно, имело в XI в.; иначе трудно было бы объяснить существование одного и того же названия для иранцев и для культурных турок — уйгуров. Об уйгурских городах у Махмуда Кашгарского были довольно точные сведения. Из орхонских надписей и уйгурских текстов известен город Кочо, ныне Кара-Ходжа близ Турфана с развалинами Идикут-шари, т. е. 'Город идикута', главный город южной части области уйгуров; Махмуду Кашгарскому слово «Кочо» известно и как название города, и как название всей области. Главным городом северной части той же области оставался, конечно, Бешбалык; кроме того, приводятся еще названия трех городов: Сульми, Джанбалык и Янгибалык ('Новый город'). Даже в то время, через три столетия после принятия манихейства, уйгуры не считались народом, утратившим военные качества; в искусстве стрельбы из лука они даже превосходили других кафиров.

Из труда Махмуда Кашгарского мы узнаем тоже, как уйгуры называли мусульман; в таком значении употреблялось слово *чумак*. Известно, что так называли потом в Южной России торговцев, развозивших свои товары в телегах; о происхождении этого слова не было никаких данных, и только по звуковому составу его считали турецким. Очевидно, мусульмане и в области уйгуров, как во многих других странах, были главными представителями торговли.

Еще менее подробны сведения автора о народах, живших к северу от Восточного Туркестана. Мы видели, что границу распространения ислама на востоке можно, на основании его слов, установить довольно точно; менее ясны сведения о границах распространения ислама и турецкой народности на севере и на северо-востоке. Географы X в., по-видимому, хорошо знали только южную часть нынешней Джетысуйской области до гор, составляющих северную границу Чуйской долины. В рукописи Туманского упоминается и река Или, но автор имел об этой реке крайне неясное представление и заставляет ее впадать в Иссык-Куль. С другой стороны, Махмуд Каш-

гарский придает реке Или очень большое значение; с ней связывается даже происхождение двенадцатилетнего животного цикла. Рассказывается легенда о какой-то царской охоте, во время которой преследуемые царем животные переплывали реку Или в том порядке, как по ним потом были названы годы цикла.

Автор писал свой труд в Багдаде и приводит точную дату, когда он приступил к своему труду,— мухаррем 466 г. х., т. е. сентябрь 1073 г., но эта дата внушает сомнение по двум причинам: во-первых, тут же назван халиф Муктади, вступивший на престол только в 467 г. х. (1075 г.); во-вторых, как год цикла назван год змеи, который соответствовал бы 1077 г. По записи в конце сочинения, оно было начато еще в начале джумада I 464 г. х. (январь-февраль 1072 г.), четыре раза переработано и переписано и окончено в понедельник 10 джумада II 466 г. х. (10 февраля 1074 г.), т. е. до вступления на престол того халифа, которому оно посвящено. Трудно объяснить эти хронологические противоречия, тем более что рукопись хорошая и старая, имеет точную дату (воскресенье 27 шавваля 664/1 августа 1266 г.) и представляет, по словам переписчика, копию с автографа автора. Едва ли, однако, есть основание сомневаться в том, что автор писал во второй половине XI в.

Автор не говорит, по каким причинам он переселился в Багдад; из его слов мы знаем только, что он объездил области и степи турок, принадлежал к числу лучших знатоков турецкого языка, изучил языки турецкий и туркменский, огузский и чигильский, язык ягма и язык киргизов. Из этих слов даже не видно, был ли его родным языком турецкий или арабский; его сочинение показывает, что арабским языком он также владеет вполне. Однако отдельные места его сочинения свидетельствуют о его турецком происхождении. Автор вообще говорит о себе в третьем лице, иногда прибавляя к своему имени «автор этой книги» и т. п., иногда называя себя просто Махмудом, без дальнейшего прибавления. По-видимому, нет основания сомневаться в том, что везде, где в тексте говорится о Махмуде, имеется в виду автор. К автору, следовательно, относится известие, что отец Махмуда происходил из города Барсхана в местности около Иссык-Куля. Местоположение Барсгана, или Барсхана, было установлено и раньше. Гардизи рассказывает легенду о том, как здесь были поселены Александром персидские

воины во время его похода на Китай. Александр обещал увезти их домой на обратном пути, но вернулся на запад через Индию и потому не исполнил своего обещания. По объяснению Гардизи, Барсхан значит 'эмир персов', т. е. название города объясняется из слов *парс* и *хан*. Махмуд Кашгарский приводит два других объяснения; по одному, так назывался сын Афрасиаба, по другому — погонщик коней уйгурского царя. Последнее объяснение интереснее, так как из него можно заключить, что уйгуры некогда доходили на запад до Иссык-Куля и что об этом еще сохранилась память в XI в.

Из одного места в первом томе (стр. 102) даже можно заключить, что автор происходил не только из турецкого народа, но даже из династии Караханидов. «Махмуд, автор книги» говорит: «Наши отцы-эмиры назывались *хамир*, потому что гузы не могут произнести *эмир*». Дальше даже упоминается «наш отец (предок), отвоевавший области турок от потомков Саманидов», но возможно, что здесь автор уже перестает говорить от себя и возвращается к словам того источника, на который делает ссылку несколько выше, где говорится: «Сообщил мне Низам ад-дин Исафил Туган-тегин б. Мухаммед Чақыр-Тунка-хан со слов своего отца». Приводится еще имя одного эмира, которого автор некоторое время сопровождал.

Упомянутые выше народы, жившие в долине Или, именно народы тухси, ягма и чигиль, по-видимому, были тогда мусульманами, и передовые посты ислама находились к северу от Или и в местности, прилегающей к Балхашу. Балхаш упоминается под названием Терингкуль, причем говорится, что у огузов слово *теринг* вообще употребляется для обозначения обилия чего-либо; вероятно, Балхаш получил такое название как самое большое озеро в этом крае. О впадении Или в Балхаш не говорится. Недалеко от озера был город Ики-угуз 'Две реки', получивший такое название от своего местоположения между Или и другой рекой, Яфынч, хотя на приложенной к труду Махмуда карте Яфынч находится к югу от Или, а Ики-угуз — к северу. В 1253 г. европейский путешественник Рубрук проехал к северу от Или через год Эквиус; возможно, что Рубрук слышал название Ики-угуз и передал его на латинский лад. Близ города Ики-угуз находился еще городок Камландж. Вероятно,

в той же местности надо искать город Кеми-Талас, на границах ислама, помещенный на карте за рекой Или, хотя в другом месте сказано, что этот город был на границе с уйгурами. Дальше к северу протекала река Ямар, вероятно Эмиль, в местности, где теперь город Чугучак; здесь жил народ ябаку, хотя название Ябаку, может быть по случайному совпадению, носила также речка, протекавшая близ Узгенда, на границах Ферганы.

С народом ябаку связано единственное военное предприятие мусульман против неверных, о котором рассказывается в сочинении Махмуда Кашгарского, именно победа сорокатысячного войска мусульман под начальством Арслан-тегина над 700 000 кафиrow под начальством Бука-Будражда; в стихах об этом походе говорится о переправе мусульманского войска через Или и через Ямар, т. е. Эмиль. В войне на стороне противников ислама принимали участие и басмылы. Махмуд еще мог говорить с одним из участников этого похода, так что он произошел сравнительно незадолго до составления его труда, но все-таки вокруг этого события успел сложиться целый цикл легенд. К области легенды относятся, конечно, и число кафиrow, будто бы принимавших участие в сражении; существование таких многочисленных армий в степи по условиям кочевой жизни совершенно невозможно. Такие же фантастические цифры мы вообще находим, как известно, в рассказах о войнах с кочевниками, в том числе и о походах Чингиз-хана.

Народ ябаку принадлежал к числу тех народов, которым автор приписывает не чисто турецкое происхождение, хотя уверяет, что они, кроме своего языка, знали и турецкий. Сюда относится и народ басмыл, упоминаемый, как мы видели, в орхонских надписях в качестве населения местности в Восточном Туркестане с городом Бешбалыком, впоследствии занятой уйгурами.

Среди не чисто турецких народностей упоминаются и татары; мы видели, что этим именем, встречающимся уже в орхонских надписях, впоследствии называли себя монголы. Очень вероятно, что монголами были некоторые другие народы, которых Махмуд называет не чисто турецкими, в том числе и народ ябаку; если так, то монголы уже тогда доходили на запад до района, где соседями им с разных сторон были турецкие племена; киргизы, жившие по-прежнему главным образом на верхнем Енисее, считались тогда чисто турецкой народностью. Во вся-

ком случае, словами Махмуда подтверждается факт вытеснения турок монголами из Монголии; горы Отюкен, где в эпоху орхонских надписей была главная ставка турецкого хана, теперь находились «в степях татар, недалеко от страны уйгуров». Последним турецким народом, господствовавшим в Монголии, были, насколько можно судить по китайским источникам, киргизы, победившие в 840 г. уйгуров; вытеснение их из Монголии было связано, по-видимому, с усилением в начале X в. монгольско-гон народа китаев, основавшего сильное государство в Северном Китае и давшего этой стране свое имя, хотя это название употребляется теперь, как известно, только монголами, русскими и отчасти мусульманами, но не западными европейцами. Турки принесли с собой с востока встречающееся в орхонских надписях название Табгач. При Махмуде уже различали Син и Масин (по-персидски Чин и Мачин) как Северный и Южный Китай, и только за Масином, остававшимся под властью китайской национальной династии Сун, сохраняли название Табгач, у Махмуда — Тавгач. Тавгач, или Масин, называли также «верхним Сином»; Син в собственном смысле, или «средний Син», называли Хитай, по имени господствовавшего там народа; «нижним Сином» считалась Кашгария. По-видимому, слово *табгач* употреблялось и в другом смысле; китайцам, как и теперь, в Средней Азии приписывались предметы древней культуры, и в этом смысле Махмуд сопоставляет слово *табгач* с названием древнеарабского, упоминаемого в Коране народа *ад*. Махмуд, вероятно ошибочно, связывал с этим последним значением употреблявшийся Караханидами титул *табгач-хан*, что будто бы значило «великий и древний царь». Гораздо вероятнее, что будто бы значило «великий и древний царь». Гораздо вероятнее, что этот титул остался от прежнего соседства с Китаем и увлечения турок идеей китайской империи; то же титул приводится на монетах Караханидов и в арабском переводе (*малик ас-Син*).

Упоминаются и тангуты, завоевавшие около 1020 г. уйгурское владение в Ганьчжоу. Между Сином и Тангутом помещается город со странным турецким названием Катун-сыны ('Изображение женщины' или 'Могила царицы'); это название не объясняется, и ни о какой статуе, по которой город получил свое название, не говорится. Рассказывается только о какой-то войне между жи-

телями Катун-сыны и тангутами, кончившейся по-видимому, поражением тангутов.

Вообще из многих кратких замечаний Махмуда о том или другом городе видно, что в его распоряжении был не дошедший до нас исторический материал, который представлял бы для нас большой интерес. Так, упоминается место Сигун-Самур, где был отравлен Богра-хан, но не сказано, о каком Богра-хане идет речь. Упоминается городок Инджкенд, принадлежавший «людям Муканна'» и разрушенный, очевидно, при уничтожении еретиков арабскими войсками. В известных до сих пор источниках о ереси Муканна' (во второй половине VIII в.), о его союзе с турками и борьбе с войсками халифа этого географического названия нет.

Собранный в труде Махмуда Кашгарского лингвистический материал включает в себе много образцов турецкой поэзии, народной и искусственной, много культурных слов, дающих понятие о жизни турок в XI в., о степени развития их духовной и материальной культуры в то время, когда они уже приняли ислам, но когда влияние ислама и особенно Ирана еще не одержало полной победы над турецкими национальными традициями. Использовать весь этот материал в настоящих лекциях было бы невозможно, для этого необходимо самостоятельное исследование; но на некоторых сторонах этого материала я постараюсь остановиться в следующих лекциях, после обзора сведений Махмуда об огузах и других западнотурецких народностях. Предпослать такой обзор общей оценке культурного состояния турок необходимо потому, что приводимые Махмудом образцы поэзии там, где они могут быть приурочены к определенным местностям, касаются почти всего района расселения турок, от Волги до границ Китая, и не всегда можно решить, какие стихотворения относятся к восточной и какие к западной части этого района. То же самое относится к культурным словам и к сведениям о различных сторонах культурной жизни, от порядков управления и устройства ханского двора до народных обычаев.

VI

Появление турок в областях к югу от Аму-Дарьи относится к гораздо более раннему времени, чем завоевательные движения X в., и возможно, что в некоторых

случаях потомки этих турок живут в этих же местах и теперь. Арабские завоеватели уже в VII в. нашли в Бадахшане карлуков; и теперь в Бадахшане из узбецких родов живет именно род карлук; это совпадение заставляет полагать, что после завоевания Бадахшана узбеками в XVI в. в состав узбеков вошли турки, жившие там раньше. У арабских географов единственными турками, жившими к югу от Аму-Дарьи, кроме отдельных лиц и отрядов, служивших в гвардии халифов и наместников, считается народ халадж, и халаджи находятся и теперь среди живущих в Иране турок. Самими турками название этого народа, по-видимому, приносилось *калач*; рассказ о происхождении этого названия, приведенный у Рашид ад-дина и основанный на народной этимологии *кал ач* 'останься и открой', находится уже у Махмуда Кашгарского. Махмуд причисляет халаджей, или калачей, к огузам' вместо 24 огузских родов, как у Рашид ад-дина, у Махмуда приводится только 22, но при этом говорится, что первоначально всех родов было 24, потом из них отделились два рода халаджей. Полагают, что часть халаджей утратила свой язык и вошла в состав афганского народа; так объясняют название афганского племени *гильзай*, хотя против этого были и возражения с точки зрения фонетических законов афганского языка. В Индии, где халаджи играли некоторое время большую роль в политической истории, их название по-видимому, приносилось *хильдж*. В Иране некоторые из халаджей сохранили и теперь турецкий язык; вероятно, это оказалось возможным только после присоединения их к более многочисленным огузам.

Завоевательное движение огузов существенно отличалось от завоевательного движения Караханидов. Караханиды до завоевания государства Саманидов имели свое государство, к которому присоединяли завоеванные области. Предводители огузов ушли из своей страны, чтобы создать себе государство в завоеванных землях, и уже из этого государства потом покорили ту страну, откуда пришли.

В народе огузов, как в народе карлуков, не было хана; родоначальник династии, потом утвердивший свое господство в Иране, носит у Махмуда Кашгарского, как в некоторых других источниках, титул *сю-баши* 'предводитель войска'. Его имя, на основании арабского правописания, приносилось европейскими учеными как

Сельджук, и такое произношение, находящееся в противоречии с законами турецкой фонетики, именно с законом звуковой гармонии, утвердилось в европейской исторической науке. В новейшее время ученые, знакомые с требованиями турецкой фонетики, стараются исправить ошибку и пишут *Salġuq* или *Salġuq*, но турецкие тексты показывают, что правильное произношение *Сельджѹк*. Такое произношение мы находим у Махмуда Кашгарского в старотурецкой поэме *Кита̄б-и Деде Коркут* и в некоторых других источниках, в том числе даже в османском произведении XVI в., именно в анонимной стихотворной хронике, составленной при султане Сулеймане в 950/1543—44 г. и сохранившейся в рукописи 954/1547—48 г., находящейся в библиотеке константинопольского университета (Халис-эфенди, № 7430).

О действиях Сельджука известно только, что он принял ислам и освободил жителей мусульманских колоний в низовьях Сыр-Дарьи от дани, которую они прежде платили огузам. При таких условиях казалось бы, что между жителями этих колоний и потомками Сельджука должно было произойти тесное сближение; между тем мы уже в XI в. находим в городе владетеля с мусульманским именем (Шах-Мелик), о котором говорится как об упорном наследственном враге сельджукского дома.

Переселившись на запад, огузы, по-видимому, совершенно утратили те начала государственности, которые были у них в Монголии, откуда ими в VI в. была образована одна из самых обширных когда-либо существовавших кочевых империй (занимающая в этом отношении второе место после монгольской) и где они несколько раз освобождались от ига китайцев и восстанавливали свое павшее государство. Правда, и на востоке эта государственность была им навязана силой, и хан в своих надписях чаще говорит о токуз-огузах, или просто огузах, как о врагах и мятежниках, чем как о своем народе. В степях к востоку от Каспийского моря ни огузы, ни их потомки туркмены уже не достигали политического объединения и постоянно сражались между собой. Отдельные части огузского народа совершали обширные завоевания и уходили в далекие страны, но среди этих движений не было ни одного всенародного. По странному противоречию, именно огузами, никогда не соединявшимися в одно целое, были основаны самые могуществен-

ные и прочные турецкие государства, до нынешней Турции включительно.

После турецкой империи VI—VIII вв. самым ранним известием в истории движения огузов на запад было движение печенегов, относящееся к концу IX в.; писавший в первой половине X в. византийский император Константин Багрянородный говорит, что оно произошло лет за пятьдесят до него. Печенеги упоминаются у Рашид ад-дина и Махмуда Кашгарского среди огузских родов. Произношение *печенег* находится в русских летописях и не заимствовано у греков, правописание которых несколько иное; вероятно, русские передали его так, как слышали непосредственно, и, как оказывается, передали правильно. Прежде предполагали, что мы имеем здесь турецкое слово *биджнак* 'зять'; но в рукописи Махмуда Кашгарского дана именно вокализация *печенег*.

Печенеги, по-видимому, рано отделились от остальных огузов и упоминаются как отдельный народ, еще до своего выселения, у арабских географов IX в. Тогда они были восточными соседями хазар и жили около Яика; в 922 г. Ибн Фадлан еще нашел в этой стране небольшие остатки печенегов. Главная масса их прошла через владения хазар, с согласия или против воли хазарских владетелей, и основалась в Южной России, где они со времени Святослава угрожали самому Киеву. О печенежских набегах на Русь и борьбе с ними русских князей в летописи говорится часто. Константин Багрянородный также приводит о печенегах довольно много сведений и перечисляет печенежские роды.

К XI в., уже после падения хазарского царства, произошло новое движение огузов через Волгу, а оттуда через Южную Россию. На этот раз огузы упоминаются в византийских источниках под своим народным названием в форме *уз*; русские летописи называют их *торками*. Эти огузы, конечно, не соединились со своими близкими родственниками печенегами, а вступили с ними в борьбу; печенеги были вынуждены бежать на Балканский полуостров, куда за ними последовали огузы. Это было время, когда Византия в Малой Азии подвергалась нападениям других огузов, пришедших туда вместе с потомками Сельджука; в первый раз в истории турками, пришедшими туда с разных сторон независимо друг от друга, были наводнены византийские владения как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове. К счастью

для империи, объединения этих турецких элементов в одно целое не произошло; к концу XI в., ко времени начала крестовых походов, византийский император уже чувствовал себя в безопасности и жалел, что сам призвал против угрожавших ему со всех сторон турок помощь с запада, которая теперь уже была ему не нужна.

Принимавшие участие в этих движениях огузы, по-видимому, совершенно не были затронуты исламом и его культурой. В арабской литературе есть рассказ, сохранившийся у автора XIII в., но относящийся, конечно, к гораздо более раннему времени, о том, что среди огузов были христиане. Как с исламом, так и с христианством огузы могли ознакомиться в той культурной области, с которой у них были наиболее оживленные торговые сношения, именно в Хорезме. О том, что среди хорезмийцев были христиане, говорит хорезмский ученый XI в. Бируни. Замечательно, что эти христиане принадлежали не к несторианскому¹⁷ вероисповеданию, как большая часть христиан в Персии и Туркестане, но к православному; в той же форме христианство, вероятно, было принято огузами.

После основания мусульманских колоний на Сыр-Дарье, в той же местности, где было местопребывание главного предводителя огузов, и здесь, как в других местах, должно было сказаться превосходство мусульманской культуры. Кроме того, часть туркмен поступила на службу к Саманидам, получила от них в свое распоряжение пастбища и обязалась защищать границы саманидских владений против своих немусульманских соплеменников. В числе турок, живших тогда в пограничных областях саманидского государства, были и люди, ознакомившиеся с мусульманской культурой; турок по происхождению был знаменитый арабский философ X в. Фараби. Во время борьбы между Саманидами и Караханидами огузы были то на одной, то на другой стороне; в начале XI в. они перешли в государство газневидского султана Махмуда. Персидские историки того времени проводят различие между первыми, совершенно неор-

---

¹⁷ *Несторианство* — течение в христианстве, осн. в Византии константинопольским патриархом Несторием в 428—431, утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии воспринял божеств. природу. Осуждено как ересь на Эфесском соборе 431 г. Пользовалось значит. влиянием до 13 в. в Иране, Ср. Азии и до Китая.

ганизованными пришельцами и более организованной силой потомков Сельджука, которые были уже «эмирами-завоевателями», а не только пастухами, как их предшественники. Первые могли причинять владениям Газневидов и других династий только экономический ущерб своими грабежами, эти грабежи захватили огромный район, но не вызвали никаких политических перемен; кочевники переходили с места на место, нигде не оставляя гарнизонов, не восстанавливая разрушенных городов, не стараясь уничтожить существовавшие государства и заменить их своим собственным. С другой стороны, потомки Сельджука уже после своих первых побед в Хорасане при газневидском султани Мас'уде, сыне Махмуда, начали присваивать себе права государей, вводить свои имена в хутбу¹⁸, читавшуюся по пятницам в мечетях, и чеканить их на монетах, хотя при этом в первое время имя одного брата читалось в хутбе и чеканилось. Как империя турок в VI в., так и государство потомков Сельджука в XI в. было основано двумя братьями, в последнем случае внуками Сельджука; в одно и то же время не заботились о единстве государственной власти. на монетах в Нишапуре, имя другого — в Мерве. Только постепенно ими была усвоена идея единодержавия. Замечательно, что при турецких завоевателях впервые появился на монетах, чеканившихся в Хорасане, древнеиранский титул *шаханшах*; ни Саманиды, ни Газневиды не употребляли официально этого титула, оставаясь правоверными мусульманскими эмирами, подданными халифа, и отклоняя от себя всякое подозрение в желании воскресить домусульманские государственные традиции; шаханшахами называли себя только правившие в Багдаде и Западной Персии шииты¹⁹ Буиды. По мере своего движения на запад потомки Сельджука обратились из шаханшахов в «султанов ислама». Слово *султан* получило при них более определенное значение, чем оно имело прежде; так стали теперь называть только верховных, независимых государей; вассальным и удельным князьям

---

¹⁸ *Хутба* — проповедь, которая произносится в мечети во время пятничного богослужения и некоторых праздников.

¹⁹ *Шииты* — последователи шиизма. Шиизм — одно из двух направлений в исламе. Второе — суннизм. Шииты не признают суннитских халифов, считая законными руководителями мусульман имамов — потомков халифа Али и дочери пророка Мухаммеда Фатимы.

были присвоены титулы *мелик* и *шах*. Мусульманский мир представляли себе как одно целое, во главе которого стоят халиф как глава религии и «султан ислама», которому халиф вручает всю светскую власть. Замечательно, что в своих государственных стремлениях потомки Сельджука встретили меньше всего сочувствия со стороны своих соплеменников, пришедших в Иран раньше их. На требование признать власть потомков Сельджука эти огузы ответили резким отказом и могли быть принуждены к повиновению только силой.

Вопрос об отношении представителей власти к тому народу, из которого они вышли, был в государстве потомков Сельджука еще более сложен, чем в государстве Караханидов. Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших турецких народностей не имела в их государстве преобладания, и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия. Потомки Сельджука сделались сначала шаханшахами, потом «султанами ислама»; для них тоже, как для Караханидов, была сочинена и принята ими легенда о происхождении их от Афрасиаба; и все-таки они признавали себя не только огузами, или туркменами, но и выходцами из рода кынык (такое произношение указано у Махмуда Кашгарского), одного из 24 (по Махмуду Кашгарскому из 22) огузских родов. Одни и те же названия родов приводятся у Махмуда Кашгарского и в монгольскую эпоху у Рашид ад-дина с той разницей, что у Махмуда эти названия приводятся в более древней форме: род, из которого впоследствии вышла Османская династия, называется *кайыг*, а не *кайы*, название рода *языр* пишется *язгыр*. После Махмуда Кашгарского, как основательно разъяснено и в турецкой науке, должно отпасть мнение Маркварта, сблизившего название рода кайы с названием народа, жившего, по Бируни и некоторым другим источникам, на отдаленном востоке и носившего имя кай; на основании этого Марквартом была создана теория о монгольском происхождении османцев. У Махмуда Кашгарского среди не чисто турецких народов упоминается народ кай, и это название, конечно, не имеет ничего общего с названием рода кайыг.

Среди огузов в то время уже не было преданий о господстве их народа в прежние времена в Монголии. Родиной Турка, мифического предка турок, считалась ме-

стность около Иссык-Куля, и дальше к востоку предания огузов не простирались. С берегов Сыр-Дарьи огузами были принесены на запад предания о народном патриархе и певце Коркуде, выразителе и хранителе народной мудрости. Могилу Коркуда до сих пор показывают на Сыр-Дарье; в то же время предания о нем сохранились еще теперь у туркмен, в средние века были и в Малой Азии, даже в османскую эпоху, и до XVII в. также у азербайджанских турок; в X в. имя Коркуд встречается у печенегов. Все это заставляет полагать, что предания о Коркуде были унаследованы принявшими ислам огузами от домусульманских времен и принесены ими на запад.

По уровню культуры огузы стояли ниже турок государства Караханидов, но зато более сохраняли национально-турецкие черты быта; сами предводители делили со своим народом все труды и подвиги и мало отличались от своих воинов по одежде. До нас дошло на сирийском языке сочинение автора XIII в. Абу-л-Фараджа, описание свадьбы султана Тогрул-бека (старшего из внуков Сельджука) с дочерью халифа; при этом описывается танец турок, которые во время этого танца «садились и вставали»; по-видимому, речь идет об известной в России «пляске впрысядку», заимствованной, по всей вероятности, у турок. Несмотря на то что к огузам до ислама проникло христианство, у них, по-видимому, до принятия арабского алфавита не было письменности, тогда как в государстве Караханидов употреблялся уйгурский алфавит, только постепенно вытесненный арабским. Надписи уйгурским алфавитом встречаются и на могилах Караханидов; как впоследствии на монетах монгольских ханов, уйгурскими буквами писалось преимущественно имя хана, даже когда это имя было арабское; незнакомством огузов с уйгурским алфавитом объясняется та разница в правописании среднеазиатских и переднеазиатских турок, на которую обратили внимание ленинградские ученые.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука были еще более ревностными защитниками правоверия, чем Караханиды. В истории они выступают как фанатичные приверженцы не только ислама, но и господствовавшего в государстве Саманидов и усвоенного турками ханифит-

ского ²⁰ толка; при Торгул-беке шафииты ²¹ подвергались ожесточенному преследованию, отчасти в связи с тем, что ими был создан *калам*, правоверная догматика, направленная против ересей, но вводящая в веру элемент рассуждения и даже греческой науки, что казалось нарушением традиций религиозного предания. Иногда говорят, что преследование шафиитов прекратилось уже при преемнике Торгул-бека, Алп-Арслане, везиром которого был шафиит Низам ал-мульк, но из слов самого Низам ал-мулька видно, что и Алп-Арслан был ревностным ханифитом, ненавидел шафиитов и жалел о том, что ему приходилось пользоваться услугами шафиитского везира.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука должны были содействовать не только торжеству правоверия внутри своего государства, но также победе ислама над внешними врагами и расширению пределов мусульманского мира. Естественно, что эту обязанность они выполняли преимущественно в Западной Азии, где победы и завоевания были связаны с большими экономическими выгодами. Сюда относится борьба с христианами в Малой Азии и на Кавказе и борьба с шиитами в Сирии и Египте. Торжество ислама в борьбе с Византией всецело связано с установлением в халифате турецкой власти. Перед этим, в эпоху господства иранской династии Буидов, во второй половине X и первой половине XI в., византийцы воспользовались обострением розни между суннитами ²² и шиитами для значительного распространения своих пределов в Сирии и Месопотамии; теперь они не только лишились этих завоеваний, но в первый раз ислам проник в глубь Малой Азии, где возникло мусульманское и в то же время турецкое государство. Ка-

---

²⁰ *Ханифиты* (ханафиты) — последователи одной из суннитских религиозно-правовых школ-мазхабов, сложившейся в Ираке в VIII—IX вв. Ханифитский мазхаб отличается наибольшей гибкостью, позволяющей приспособляться к изменяющимся общественным отношениям, что способствовало его широкому распространению. Большинство мусульман, прож. в республиках Ср. Азии и Казахстана, являются ханифитами.

²¹ *Шафииты* — последователи одной из суннитских школ-мазхабов, закрепляющей отдельные принципы и нормы прежде всего брачно-семейных и наследственных отношений.

²² *Сунниты* — последователи суннизма. Суннизм — основное направление в исламе, считающееся «правоверным». Сунниты, в отличие от шиитов, признают сунну (в дополнение к Корану) обязательным источником веры.

кое значение потомки Сельджука придавали пограничной войне в этой местности, видно из того, что именно сюда они направили своих соплеменников. Население восточных областей Ирана, географически находившихся ближе к той стране, откуда пришли огузы, в общем сохранило свой прежний этнографический состав, тогда как северо-западная область Персии, Азербайджан и Анатолия сделались по языку постепенно чисто турецкими, вместе с тем в Анатолии религией большинства населения постепенно становился ислам. Проследить постепенный ход развития этого процесса мы пока не можем; как и следовало ожидать, распространение ислама в издавна привыкшей к христианству стране шло медленно; еще в первой половине XIII в. главной статьей дохода местного мусульманского правительства считалась джизья, т. е. налог с немусульман, из чего можно заключить, что последних тогда было еще очень много. Вопрос еще осложняется тем, что процесс туркизации, как прежде процесс арабизации, не совпадал с процессом распространения ислама. Известно, что арабский язык был принят и теми жителями Сирии и Египта, которые остались христианами или иудеями. В эпоху турецкого господства случалось не только, что люди, оставшиеся христианами, принимали турецкий язык, но случалось также, что люди, сохранившие свой прежний язык, принимали ислам. Ислам в этих случаях применялся к языку населения; Султан-Велед, сын Джелаль ад-дина Руми, во второй половине XIII в. писал стихи не только по-персидски и по-турецки, но и по-гречески, и эти греческие стихи, написанные арабским алфавитом, представляют большой интерес для лингвистов как единственный памятник того греческого наречия, на котором тогда говорили в окрестностях Коньи.

На Кавказе победы ислама и турецкого языка в то время были менее значительны. Слово *азери*, означавшее прежде иранский диалект Азербайджана, означает теперь турецкое наречие, на котором говорит в Азербайджане почти все население и пределы распространения которого и на севере, и на юге идут гораздо дальше границ персидской области, сохранившей название Азербайджан; но известия о распространении здесь турецкого языка относятся только к послемонгольской эпохе, и можно сомневаться в том, получил ли бы здесь турецкий язык такое преобладание без этой новой турецкой вол-

ны, которую принесло с собой монгольское нашествие. Очень скоро, после побед сельджукских султанов, на Кавказе политический перевес перешел к христианам. XII в. и начало XIII в. были временем процветания могущественного грузинского царства; мусульманские соседи грузин переживали в это время такое унижение, как мусульманские соседи Византии во второй половине X — первой половине XI в., с той разницей, что грузинские цари не относились враждебно к мусульманской культуре, чеканили для мусульманских областей монеты с арабскими надписями и даже, по словам одного арабского автора, среди своих подданных не делали различия между мусульманином и грузином.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука старались подчинить своей верховной власти по возможности весь мусульманский мир и поэтому должны были обратить внимание на области Средней Азии, откуда они сами вышли и где в то время господствовали Караханиды. Уже султан Алп-Арслан, при котором началось завоевание турками Анатолии, совершал также победоносные походы на Сыр-Дарью и во владения Караханидов; его сын и преемник Меликшах (1072—1092), при котором сельджукская империя достигла высшей степени могущества, доходил до Узгенда в Фергане и принял выражение покорности от кашгарского хана, так что при нем власть «султана ислама» признавалась на всем пространстве мусульманской Азии от границ области уйгуров до Средиземного моря; независимыми оставались пока только Газневиды в Афганистане и Индии, где хутба читалась с именем сельджукского султана только при сыне Меликшаха, Санджаре. И в Средней Азии, как везде, сельджукские султаны достигли своих целей только силой; нет никаких признаков, чтобы турецкое население видело в них своих природных государей или чтобы они сами старались опираться на турецкую национальную идею. Сельджукские султаны могли сделать своими вассалами Караханидов, но прочного объединения всех мусульманских турок в одно государство не произошло и не могло произойти; велика была уже тогда разница между турками Средней Азии и ушедшими на запад огузами. Даже огузы не были верноподданными сельджукских султанов: последний из могущественных потомков Сельджука, султан Санджар, как некогда турецкие ханы VIII в., должен воевать «со своим собственным народом,

с огузами»; султан даже провел некоторое время в плену у огузов и спасся из этого плена только бегством.

Помимо находившихся вне сферы влияния ислама культурных туток на востоке — уйгуров, было еще значительное число кочевых туток на северо-западе, также остававшихся в то время чуждыми если не мусульманской культуре, то исламу как религии. В XI в. быстро достиг большого распространения народ кипчаков, вышедший с берегов Иртыша. О переменах, происходивших среди живших там турецких народностей, мы можем судить только по изменению их названий. В орхонских надписях несколько раз упоминается река Иртыш, но ничего не говорится о том, какие народы там жили; по-видимому, до Иртыша доходили владения западноогузского или тюргешского кагана. Название реки Иртыш, несомненно, нетурецкое, хотя есть несколько турецких народных этимологий. Арабские географы помещают на Иртыше народ кимаков, занимавший обширную территорию к северу от огузов, доходившую на запад до Волги или Камы (Кама считалась тогда верхним течением реки, носившей название Итиль). Кимаки раздвинулись на несколько родов, среди которых были роды кипчак и йемек; Маркварт, несомненно неудачно, объясняет слово *кимак* из ики-йемек, предполагая существование двух родов йемеков. У Махмуда Кашгарского слова *кимак* уже нет; на Иртыше помещаются йемеки, которых автор называет племенем из кипчаков.

Впоследствии рядом с народом кипчак часто упоминается народ канглы; у Махмуда Кашгарского слово *канглы* как народное название не встречается, говорится только, что Канглы — имя великого мужа из кипчаков; кроме того, слово *канглы* известно автору в значении 'телега'. Из сочинения персидского историка Бейхаки мы знаем, что кипчаки задолго до сочинения Махмуда Кашгарского доходили на юг до границ областей ислама и были соседями Хорезма. К движению кипчаков на юг относятся, по-видимому, слова Махмуда о какой-то турецкой народности булак или эльке-булак, уведенной в плен кипчаками, но потом, с божьей помощью, освободившейся из этого плена; здесь мы опять, как во многих местах сочинения Махмуда, имеем темный намек на историческое событие, о котором нам было бы желательно иметь более подробные сведения, с указанием даты.

Возможно что происходившее в XI в. движение огу-

зов на запад и на юг отчасти было вызвано давлением кипчаков с севера; этим же, может быть, следует объяснить упоминаемое арабскими географами занятие огузами в X в. Мангышлакского полуострова, до тех пор безлюдного. Мангышлакский полуостров с тех пор оставался туркменским до последних веков, когда туркмены здесь вынуждены были уступить новому давлению с севера, давлению казаков; после революции Мангышлак был включен в состав Казакистана.

Происшедшая в XI в. этнографическая перемена выразилась в том, что обширная степь, которую географы X в. называют «гузской», по имени огузов, теперь стала называться кипчакской (Дешт-и Кипчак); название удержалось и тогда, когда кипчаков как народа больше не было, и сохраняется в мусульманской научной литературе до сих пор, как название Хазарское море — для Каспийского моря. К кипчакам, вместе с тесно связанным с ними народом канглы, перешло наследие огузов на Сыр-Дарье и наследие печенегов, вытесненных огузами, в Южной России, так что их владения заняли огромную территорию с востока на запад; по-видимому, и на севере в их владении, как теперь во владении казаков, оставалась вся степная полоса, и новых народных движений с севера уже не было. На западе кипчаки вошли в соприкосновение с русскими и с западными европейцами, хотя ни те, ни другие не знали слова *кипчак*; русские называли кипчаков половцами, западные европейцы — команам. Насколько мне известно, слово *команы* не встречается в мусульманской литературе, кроме писавшего в XII в. в Европе Идриси и тех авторов, которые пользовались его сочинением.

О происхождении половцев в новейшее время появился талантливый и ученый труд Маркварта, старающегося доказать, что в состав кипчаков вошел упоминаемый некоторыми мусульманскими авторами народ кун на отдаленном востоке и что это же название, *Cuni*, получило известность в Западной Европе. Вопреки всем доводам Маркварта, мне не представляется доказанным ни то движение с востока на запад, которое им предполагается, ни даже самое существование народа кун. В той же местности, к востоку от киргизов, у Гардизи помещается народ фури, находившийся на более низком уровне культуры, чем киргизы; очень вероятно, что мы имеем здесь турецкое *böri* 'волк'. Столь же малоубедительны

попытки Маркварта доказать, на основании некоторых китайских известий, что у кипчаков была династия, пришедшая в более позднее время, в XII в., с Дальнего Востока. Движение кипчаков представляет редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков. Огромный район, населенный кипчаками, оставался в то время вне мусульманского мира, и на Кавказе кипчаки в XII в. принимали участие в нашествиях на мусульманские земли, иногда в союзе с грузинами, иногда, наоборот, грузины и мусульмане соединялись для отражения нашествий с севера. Эти нашествия были не только грабительскими набегами; мусульмане лишились на некоторое время Дербента с городом Шабераном; возвратить себе эти земли им удалось с помощью грузин. Среди врагов, нападавших с этой стороны на мусульманские области около 1175 г., упоминаются и русские. В русских летописях об этом нет известий; по-видимому, это были только вольные отряды, без участия какого-либо из тех княжеств, на которые тогда разделялась Россия.

Кипчакские ханы, даже в Южной России, имели у себя на службе представителей мусульманской культуры, особенно специалистов военного дела; но даже в непосредственном соседстве с мусульманскими областями были немусульманские кипчакские ханства, в состав которых входили и города. Столицей одного из таких ханств, с которым имели дело хорезмийцы во второй половине XII в., был город Сугнак (ныне развалины Сунак-курбан), упоминаемый уже у Махмуда Кашгарского как город в области огузов. Мусульманские источники вполне определенно говорят, что жившие здесь кипчаки и канглы (эти народы так часто упоминаются вместе, что трудно отличить один от другого) только во второй половине XII в., под влиянием сближения с Хорезмом, приняли ислам. При таких условиях едва ли имел большое значение тот факт массового принятия ислама турецким народом, который, по рассказу Ибн ал-Асира (пока, насколько мне известно, еще не подтвержденному в более ранних источниках), произошел в сафаре 435 г. х., т. е. в сентябре или октябре 1043 г. И в этом случае, как в рассказе о событии 960 г., не приводится название принявшего ислам народа, зато определяется район его кочева-

ния: зимой он жил около Баласагуна, летом доходил до Итиля. Несмотря на такую обширность района, этот народ, по-видимому, был гораздо менее многочислен, чем народ, принявший ислам в 960 г.; говорится только о 10 000 шатрах, у писавшего после Ибн ал-Асира Абу-л-Фида — даже только о 5000.

Из труда Махмуда Кашгарского не видно, как далеко простиралось влияние ислама на северо-запад; вообще не всегда ясно, к каким местностям и к каким турецким народностям относятся приводимые им образцы турецкой поэзии, народной и искусственной, сведения о турецких верованиях, обычаях, подробностях государственного управления и т. п. Приведенные автором стихи касаются самых различных местностей; среди них находятся стихи, относящиеся к борьбе города Катунсыны с тангутами, и стихи, в которых описывается Волга: «Течет вода Итиля, ударяется о подножие скалы, много рыб и лягушек в пруду, наполняемом ее разливом». Кроме народной поэзии, у турок была и искусственная, даже придворная; в одном месте поэт называет себя слугой ханши (катун) и говорит, что подносит ей стихотворение как новое произведение своей службы. Стихотворение называется *кошук*, и это слово передается арабским *касыда*. Впоследствии от кошука отличали стихи другого размера, *туюг*; у Махмуда Кашгарского слова *туюг* нет. Называется по имени только один поэт, Джуджу (или Чучу), причем говорится только, что это — имя турецкого поэта; не сказано, из какого турецкого народа происходил этот поэт, где и когда он жил.

Как влияние персидской культуры не могло сразу вытеснить прежнюю поэзию, так и принятие ислама не могло сразу уничтожить прежние верования. Сохранялся даже культ упоминаемого в орхонских надписях божества Умай; по словам Махмуда Кашгарского, так назывался дух покровитель младенцев в чреве матери; существовала поговорка: «Кто будет служить Умай, тот получит сына». Упоминается и старый термин *йог* в смысле 'поминки по умершем'; в то время так называлось угощение, предлагавшееся людям после возвращения с похорон и продолжавшееся три дня или семь дней. Существовало поверие, что накануне битвы между двумя войсками сражаются между собой духи соответствующих местностей; воины в ночь накануне битвы боялись выходить из палаток, чтобы не попасть под стрелы духов. Эти

стрелы духов назывались *джави*; победа того или другого отряда решала участь сражения между людьми. Когда осведомлялись о новорожденном, то вместо того чтобы спросить, родился ли мальчик, или девочка, спрашивали: «Родился ли волчонок, или лисичка».

Из подробностей государственного управления говорится, например, о внешних знаках ханской власти. Одним из таких знаков было знамя (*туг*); высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять; когда говорили о «хане с девятью знаменами» (*токуз туглук хан*), то это вызывало представление о самых могущественных ханах. Приводятся и некоторые подробности, относящиеся к ханам немусульманских турок, именно к уйгурскому хану. При слове *камду* сказано, что так назывались куски хлопчатобумажной ткани длиной в четыре локтя (около 2 м) и шириной в один палец (*шибр*), на которые накладывалась печать уйгурского хана и которые служили мерилom ценности при торговых сделках; через каждые семь лет эти куски ткани зашивались, мылись, и печать накладывалась вновь. Употребление кусков хлопчатобумажной ткани вместо денег часто встречалось в Китайском Туркестане и после, до новейших времен. Иногда отмечается разница в государственной терминологии между государством Караханидов и государством огузов, т. е. потомков Сельджука. Так, у чигилей, т. е. восточных турок, уже тогда, как впоследствии в монгольской империи, был термин *ярлык*, которого огузы не знали; с другой стороны, у огузов было слово *туграг* (теперь *тугра*) в смысле 'печать и накладывающий печать сановник', причем автор говорит об этом слове: «турки его не знают, и я не знаю его происхождения». Автор монгольской эпохи Ибн ал-Муханна приводит вместе, на одной и той же странице, слово *ярлык* и *тугра*, но известно, что слово *тугра* и потом употреблялось только сельджукскими и, после них, османскими турками и совершенно не было известно в Средней Азии. Вопрос о происхождении этого культурного слова, принесенного огузами в Западную Азию и совершенно неизвестного другим туркам, представлял бы большой интерес для историка.

О других сторонах культурной жизни турок нам придется говорить в следующей лекции в связи с вопросом о культурных связях турок с Западом и Востоком в последние века до монгольского нашествия.

Махмуд Кашгарский сообщает некоторые сведения о борьбе Караханидов на севере с народом ябаку, потом совсем не встречающимся в истории, и на востоке с уйгурами, но ничего не говорит о начавшейся еще в первой половине XI в. борьбе с китаями, которые тогда приобрели господство на Дальнем Востоке. Мы видели, что по имени этого народа главная культурная страна Дальнего Востока до сих пор носит у русских, монголов и отчасти у мусульман название Китай, хотя господство в этой стране китаев прекратилось уже в XII в., а народ и его язык, вероятно, прекратили свое существование в эпоху монгольской империи. Во время своего господства в Китае китаи дали своей династии название Ляо, и под этим именем она известна в китайской истории; в мусульманских источниках это династическое название не встречается. Народ носит у мусульманских историков название *хытай*.

Овладев Северным Китаем, императоры династии Ляо утвердили свою власть и в Монголии, где в 924 г. встретили мусульманских купцов; об этой встрече мы узнаем только из китайских источников, но не из мусульманских. Киргизы были вытеснены китаями из Монголии и вернулись, по-видимому, на Енисей, где мы встречаем их потом. Китаям подчинились и прежние владыки Монголии, уйгуры, жившие тогда в Китайском Туркестане. Китаи предлагали уйгурам вернуться в свои прежние земли в Монголии, но этим предложением народ, успевший привыкнуть в Китайском Туркестане к земледельческой и городской жизни, не захотел воспользоваться.

Писавшие по-арабски историки, начиная с современника Махмуда Газневидского Утби, часто говорят о нашествиях на государство Караханидов с востока, причем приписывают все эти нашествия китаям. Если бы это были военные походы, предпринимавшиеся китаями, то о них едва ли могла бы умолчать китайская «История династии Ляо», между тем никаких сведений о походах китаев на запад там не оказалось. Гораздо вероятнее, что в то время шли на запад не сами китаи, но приведенные ими в движение монгольские народы, занявшие сначала Восточную, потом Западную Монголию. Такое впечатление производит письмо, посланное одним из несторианских епископов Средней Азии несторианскому

католикосу²³ в Багдад; в письме говорится о нашествии народа, разделявшегося на восемь родов. Очень вероятно, что речь идет о найманах, монгольском народе, занимавшем в эпоху Чингиз-хана Западную Монголию. Слово *найман* значит по-монгольски 'восемь', что указывает на разделение этого народа на восемь родов.

Династия Ляо, может быть, более всех других иноподческих династий, правивших в Китае, усвоила китайскую культуру; последним представителям ее, однако, пришлось уйти из Китая, когда в Маньчжурии усилились чжурчжэни, у мусульман *джурджи*, народ тунгусского происхождения. В 1125 г. чжурчжэни покорили государство династии Ляо и заняли ее место в Северном Китае, где основали «Золотую династию» (Цзинь по-китайски, Алтан-ханы по-монгольски, Алтун-ханы по-турецки). Последний представитель династии Ляо тогда ушел на запад, но за ним последовала только часть его народа; другие китаи остались в Китае, подчинились чжурчжэням, и потом, во время усиления Чингиз-хана и его войны с чжурчжэнями, подняли против них восстание. Мусульманские источники впоследствии дают одно и то же название (кара-китай) как китаям, ушедшим на запад, так и китаям, подчинившимся власти чжурчжэней.

О движении китаев на запад мы находим в мусульманских источниках более ясные и полные известия, чем в китайских. Китайцы упоминают только о движении китаев, под властью родственника последнего императора династии Ляо, через страну уйгуров, оказавших им поддержку, в Восточный Туркестан. Только из мусульманских источников мы знаем, что это движение кончилось неудачно; китаи были совершенно разбиты кашгарским ханом, и об этой победе ислама сельджукский султан Санджар написал халифу. Успех имело движение другой части кара-китаев, более северным путем, через Западную Монголию, где они у верховьев Енисея подверглись нападению со стороны киргизов, но счастливо миновали эту местность, прошли несколько дальше на юго-запад и основали город Эмиль в районе Чугучака, в местности, где в XI в. происходили войны Караханидов с народом ябаку. По-видимому, эта местность оставалась и в XII в., как в XI в., вне влияния ислама; самым северным мусульманским владением с этой стороны была по-прежнему

---

²³ *Католикос* — глава несторианской церкви.

му область города Баласагуна, находившаяся под властью одного из Караханидов. На этот раз Караханидам не удалось, как столетием раньше, когда враг был уже в восьми днях пути от Баласагуна, отразить нашествие. Победе китаев содействовали раздоры между ханом и находившимися у него на службе кочевниками; китаи приняли сторону хана в этой борьбе, но освободив его от противников, устранили его самого и заняли его область, которая с тех пор сделалась местопребыванием главы кара-китайского государства. Оттуда кара-китаи подчинили себе Кашгарское ханство, которое им не удалось завоевать с востока, и предприняли поход на северо-восток для наказания своих прежних врагов — киргизов; под властью их оставались и уйгуры. В 1137 г. они вмешались в дела Западного Туркестана, где также происходила борьба между ханами и предводителями кочевников, причем на этот раз кара-китаи приняли сторону кочевников против хана, а не наоборот, как в Баласагуне. Самаркандский хан был разбит около Ходжента; в 1141 г. от кара-китаев потерпел поражение в степи Катван, к северу от Самарканда, сам султан Санджар. Это поражение могущественного сельджукского султана в борьбе с неверными произвело сильное впечатление на современников; темные известия о нем дошли до крестоносцев, которые в то время вели борьбу с мусульманами в Палестине и Северной Месопотамии. Событием 1141 г., по-видимому, была создана в Европе легенда, будто с востока нападает на мусульманский мир и идет на соединение со своими единоверцами в Палестине какой-то царь-священник Иоанн.

В действительности кара-китаи тогда остановились на Аму-Дарье, впоследствии подчинили себе еще область к югу от этой реки с городом Балхом; их верховной власти подчинился весь мусульманский Туркестан до Бухары включительно и Хорезм. Кара-китайские императоры, жившие около Баласагуна, назывались одинаково у мусульман и у монголов гурханами; этот титул не встречается, по-видимому, ни прежде, ни после, и происхождение его остается загадочным; мусульманские авторы придают ему значение «хан ханов». Под властью гурханов находилась огромная территория от Хорезма до страны уйгуров, но в Китае у них больше не было владений; тем не менее китайские историки причисляют и этих Западных Ляо к китайским императорским ди-

настиям, приводят названия «годов правления» отдельных императоров по принятому в Китае обычаю обозначать этими «годами правления» время отдельных событий, не употребляя собственного имени императора, вследствие чего иностранцы, мусульмане и европейцы, часто употребляли в смысле имени императора название его «годов правления». В истории это единственный случай, что инородческую династию, потерявшую свои владения в Китае, все-таки продолжали причислять к китайским императорским династиям; когда в XIV в. из Китая были вытеснены монголы, то этим самым считалась прекратившейся династия Юань (так называли потомков Чингиз-хана) как китайская императорская династия, и ни о каких «годах правления» потомков Чингиз-хана, правивших в одной Монголии, не было речи. Факт, что только для династии Ляо было сделано исключение, наглядно показывает, насколько кара-китаями была усвоена культура «Поднебесной империи»; по-видимому, их почти перестали считать инородцами.

То небольшое, что мы знаем из мусульманских источников об управлении гурханов, заставляет полагать, что они и на западе пользовались в делопроизводстве китайским языком и приносили с собой китайские принципы управления. Слово 'зять' обозначалось китайским словом *фума*; существовал также, как впоследствии у монголов, термин *пайза* для обозначения должностных знаков и грамот. От обычного типа кочевых государств империя кара-китаев отличалась тем, что в ней не произошло распада на уделы; о первом гурхане даже говорится, что он никому не отдавал под начало более 100 всадников. Зато широко применялся принцип внутренней автономии вассальных государств. Кара-китаими было уничтожено только караханидское владение в Баласагуне, где гурхан стал управлять сам, хотя город по составу населения оставался и потом мусульманским; во всех остальных завоеванных областях, в Кашгаре и в Мавераннахре, по-прежнему оставались ханы из Караханидов; оставались также прежние династии на западе в Хорезме, на востоке в Уйгурии; подчинение гурхану выражалось в уплате дани; кроме того, при дворе отдельного князя иногда был представитель гурхана. Как впоследствии в монгольской империи, эта форма подчинения иногда заменялась более льготной; иногда представитель гурхана приезжал ко двору вассального

владельца только для сбора дани и потом уезжал; иногда вассальный владелец даже получал право сам отвозить дань гурхану. У кара-китаев, по китайскому образцу, была система подворного обложения: с каждого дома взималось по динару, т. е. по одной золотой монете. Эта система находилась в противоречии как с традициями мусульманского мира, так и с традициями кочевников; впоследствии монголы в самом Китае старались провести систему подушной подати, что вызвало энергичное сопротивление китайских чиновников. Однако нововведение кара-китаев, по-видимому, не прошло в Средней Азии бесследно, и случаи подворного обложения мы видим в среднеазиатских государствах даже в XIX в. С Ташкента при кокандских ханах взималась подать по числу домов, причем по какой-то старой ведомости, когда домов было гораздо меньше; как при гурханах в XII в., так и при кокандских ханах взималось по одной тилле, т. е. по одной золотой монете, с дома. К сожалению, до сих пор известно слишком мало о системах податного обложения в промежутке между XII и XIX вв., так что остается неясным, можно ли установить историческую связь между системами управления кара-китайских гурханов и кокандских ханов, или мы имеем здесь только случайное совпадение.

Вообще до сих пор остается спорным вопрос, как отразился факт установления в Средней Азии господства народа с дальневосточной культурой на истории среднеазиатских мусульман вообще и турок в особенности. Этот вопрос, в числе многих других, затронут в труде Маркварта о происхождении половцев, где государству гурханов придается очень большое значение; по словам Маркварта, культурное государство кара-китаев резко выделяется на фоне общей безотрадности истории XII и XIII вв. Никакими фактами Маркварт своего мнения не подтверждает, и, по-видимому, оно объясняется только его общими отрицательными суждениями об исламе и тюрках.

Прежде всего довольно безотрадную картину представляла жизнь самой династии Западных Ляо. Здесь не было, как в мусульманских и кочевых государствах, смут, связанных с родовым строем и удельной системой; зато, как в Китае, управление несколько раз переходило в руки женщин и их любовников; одна из таких правительниц должна была решиться собственноручно убить

своего любовника на глазах народа, чтобы усмирить вызванное его действиями мятежное настроение. Нет также известий о каких-либо успешных попытках гурханов поднять культурный уровень своей державы. Если была сделана попытка обезоружить беспокойных кочевников, именно находившиеся на службе у Караханидов отряды карлуков, и приучить их к земледелию, то эта попытка не имела прочного успеха и Караханидам скоро опять пришлось усмирять восстания предводителей карлуков. Вообще едва ли был период, когда бы гурханам удалось установить на пространстве своей державы внешний и внутренний мир. Несмотря на подчинение Хорезма гурхану, Хорезм не получил помощи от кара-китаев, когда подвергся нападению со стороны султана Санджара, оправившегося от поражения; нет также известий о вмешательстве гурханов в другие смуты, происходившие в Туркестане. Наконец, не видно, чтобы кара-китаян представляли собой в Туркестане высшую культуру и чтобы в руки представителей этой культуры переходило управление; напротив, везиром последнего гурхана был Махмуд-бай, очевидно мусульманский купец.

Образование империи кара-китаев должно было, однако, оказать благоприятное влияние на успехи культуры в том отношении, что содействовало сближению входивших в состав империи различных культурных элементов. Подчинение мусульманских областей верховной власти немусульманских правителей содействовало, может быть, движению на запад немусульманских культурных элементов. Не вполне объяснено до сих пор существование в Джетысуйской области, в долине р. Чу, христианских надписей на сирийском и турецком языках. Большая часть этих надписей, как и надписи на Иссык-Куле и в долине р. Чу, относятся к XIV в., к монгольскому периоду, но в долине р. Чу есть некоторые надписи, относящиеся к первым годам XIII в., т. е. еще к эпохе кара-китайского государства. Сравнивая христианские надписи Джетысуйской области с надписями, найденными в области Турфана, русский академик Кокцов находит, что турфанские христиане были образованнее джетысуйских и что в данном случае можно предполагать влияние одних христиан на других только в направлении с востока на запад, но не наоборот. Кроме уйгурских христиан, свое влияние могли распростра-

нять на запад и уйгурские буддисты; для эпохи каракитаев мы не имеем об этом известий, но уже в первые десятилетия монгольского владычества, в 1253 г., путешественник Рубрук нашел уйгурских буддистов к северу от Или, в городе Каялыке. Возможно, что уйгур-буддисты также пришли сюда еще при каракитаях, но доказательств этого нет, и вообще XI и XII вв. были временем усиленной христианской религиозной пропаганды. Мы знаем целый ряд монгольских народностей, принявших в это время христианство. Не только христианские, но и мусульманские источники называют христианами найманов в Западной Монголии и кераитов в Восточной Монголии; исследования проф. Пельо, кроме того, показали, что христианами были онгуты в Южной Монголии, на границе Китая. Что в этой пропаганде христианства принимали участие уйгуры, видно из того, что Чингиз-хан нашел в стране найманов уйгурского хранителя печати и через него ознакомился с уйгурским алфавитом. В пользу того, что джетысуйские христиане были из уйгуров, говорит факт, что мы находим у них ту же систему счисления ('один-двадцать') в смысле одиннадцать и т. п.), как в орхонских надписях и уйгурских текстах. Центром уйгурских христиан было, по видимому, селение Булаик к востоку от Турфана, где были найдены только христианские фрагменты, притом на различных языках — сирийском, согдийском и турецком. Правда, джетысуйские христиане пользовались не уйгурским алфавитом, заимствованным у согдийцев, но алфавитом сирийского происхождения, с присоединением к нему некоторых новых знаков.

Как всегда, миссионерская деятельность соединялась с торговой; в сирийском рассказе о принятии христианства кераитами прямо говорится, что кераитский хан получил сведения о христианском учении от христианских купцов. Замечательно, однако, что, несмотря на полное отсутствие сведений о пропаганде ислама в Монголии, мусульманские купцы имели для поднятия в Монголии культурного уровня еще больше значения, чем христианские. Монголы заимствовали от турок слово *сарт* в смысле 'купец', от *сарт* было образовано слово *сартак* (как *согдак* от *Согд*), и это слово сделалось у монголов названием того народа, из которого в Монголию преимущественно приходили купцы, т. е. иранцев-мусульман. К народным названиям монголы, для

обозначения принадлежащих к данному народу мужчин, прибавляли слог *-тай*; так образовалось слово *сартак-тай*, 'мужчина из народа сартаков, или сартов'. О характере деятельности людей иранско-мусульманской культуры в Монголии свидетельствуют монгольские предания о богатыре Сартактае как искусном строителе, воздвигавшем чудесные плотины на больших реках и озерах; очевидно, мусульмане знакомили монголов с системой искусственного орошения. Сартаки, или сартактаи, были для монголов не столько людьми определенной национальности, сколько людьми определенного культурного типа; Чипгиз-хан называл сартактаем первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей, карлукского Арслан-хана, в северной части Джетысуйской области, хотя карлуки были по языку, конечно, не иранцами, а турками. От того же корня *сарт* монголами было еще образовано слово *сартагул*, или *сартаул*, также встречающееся еще при Чингиз-хане. Впоследствии Рашид ад-дин переводил слово *сартаул* словом «таджик», Ибн ал-Муханна — словом «мусульмане».

Предания о Сартактае, в связи с полным отсутствием сведений о религиозной пропаганде, наглядно показывают, что деятельность мусульманских купцов в Монголии в то время столь же мало была связана с распространением ислама, как теперь успехи европейской торговли с распространением христианства. В монгольскую эпоху богатыми торговцами строились медресе и ханаки²⁴, но между торговцами и представителями ислама как религии и в то время было мало общего, часто даже отношения между ними были явно враждебные.

Главное отличие мусульманской торговли от современной европейской заключается в том, что успехи мусульманской торговли не были связаны с политическими успехами мусульманских государств. После распада халифата политические границы мусульманских государств определялись только возвышением и упадком той или другой династии и были настолько изменчивы, что население должно было стараться устраивать свою культурную и экономическую жизнь независимо от этих перемен. Мы видели, что даже в эпоху сравнительно могущественной и прочной династии Саманидов в степи

---

²⁴ Ханака — странноприимный дом с мечетью и кельями, обитель дервишей.

независимо от них возникали мусульманские колонии, подчинявшиеся не Саманидам, а местным турецким правителям. Были торговые товарищества, вступавшие в связь между собой; несмотря на отсутствие в то время крупных учреждений современного типа, по выдаваемому в одном месте документу можно было получить деньги в другом городе, находившемся под властью другого правительства. В недавно открытом и изданном сочинении историка XI в. Абу Шуджа' говорится, что по ассигновкам купцов было гораздо легче получать деньги, чем по ассигновкам, выдававшимся государственной властью. Вследствие преобладания среди торговцев иранцев широкое распространение получило персидское слово *чек*, перешедшее потом в Западную Европу и широко распространенное в коммерческом мире.

В Средней Азии в торговле, конечно, принимали участие и турки; впоследствии у монголов для обозначения купцов употреблялось турецкое слово *ортак* «товарищ», «участник товарищества», что указывает на значение для торговли товариществ купцов. Махмуд Кашгарский, по-видимому, знал еще слово *ортак* только в смысле «товарищ», а не в смысле «торговец», так что развитие торговых товариществ среди турок произошло, вероятно, после XI в.

Вследствие первенства в то время мусульманской культуры всякое столкновение ислама с другими культурами должно было в конце концов привести к расширению области распространения мусульманства. Каракитай настолько подверглись воздействию китайской культуры, что не могли, как впоследствии монголы в Средней Азии, сами сделаться мусульманами; но и при кара-китайском владычестве, хотя и в меньшей степени, чем впоследствии при монгольском, подчинение мусульман господству иноверцев только расширило пределы распространения ислама. Еще при появлении кара-китаев, как при Махмуде Кашгарском, не было мусульманских владений севернее Баласагунского ханства; менее чем через сто лет, перед появлением монголов, в северной части Джетысуйской области упоминается владение карлукского Арслан-хана, мусульманина, с городом Каялыком, местоположение которого пока известно только приблизительно; Рубрук прошел через него через некоторое время после переправы через Или, на пути к озеру Ала-куль, причем дорога тогда, по-видимому,

проходила ближе к Балхашу, чем теперь, так как Рубрук мог издали видеть Балхаш. Не только город Каялык, но и карлукское владение возникли еще при кара-китаех, и карлукский хан был вассалом гурхана. В другом городе, Алмалыке, к северо-западу от Кульджи, который тоже не упоминается ни у Махмуда Кашгарского, ни в рассказе о нашествии кара-китаев, незадолго до появления монголов получил власть не вассал гурхана, а мятежник против него, предводитель разбойничьей шайки, происходивший или из карлуков, или из народа канглы (такое противоречие мы видим в различных, одинаково старых рукописях одного и того же сочинения, главного первоисточника для изучения событий конца XII и начала XIII в., *Та'рих-и джахангушай* Джувеини). Во всяком случае, владетель Алмалыка тоже был мусульманином. Таким образом, к концу господства в Средней Азии иноверцев, кара-китайских гурханов, мусульмане были министрами немусульманского императора и возникали новые мусульманские владения там, где их прежде не было. Трудно было расширить область распространения ислама к востоку, где преграду такому распространению представляли культурные уйгуры. К востоку от Кучи граница мусульманского мира проходила и во время образования монгольской империи там же, где при Махмуде Кашгарском, т. е. к востоку от Кучи; есть только известие, что один из турецких мусульманских богатырей в Куче, Хизр-бег, прославился победами над уйгурами, тогда уже считавшимися мирным народом, неспособным оказать сопротивление храбрым воинам; за помощь, оказанную кашгарскому хану против его врагов, Хизр-бег потом получил от него ханский титул. Зато в южной части бассейна Тарима при Махмуде Кашгарском пограничным пунктом ислама был Черчен, а в XIII в., при Марко Поло, мусульманами были и жители местности около Лоб-Нора.

Остается еще сложный вопрос, насколько в культурной жизни мусульманской Азии в то время принимали участие турки. Полного подчинения турок арабско-персидской культуре нигде не произошло; нигде не было случая утраты турками своего языка; все же влияние арабской и персидской культуры было так сильно, что турецкий язык нигде не смог сделаться языком государственности и культуры. В самом западном из турецких государств, в Малой Азии, государственным языком до

XIII в. был арабский; это известие находится в анонимном сочинении, написанном в Малой Азии в XIV в. на персидском языке, и казалось мне сомнительным, но в пользу его, как заметил покойный Макс ван Бершем, говорит эпиграфический материал. Что на султанов, как везде, оказывал влияние персидский эпос, видно из частого употребления таких имен, как Кайхусрау и Кайкубад; рядом с этим, однако, встречаются и чисто турецкие имена, ясно показывающие, что султаны не забывали своего турецкого происхождения. То же самое относится к сельджукским владениям в Иране, где языком делопроизводства и культуры все более становился персидский язык. Персидским языком все более вытеснялся арабский из области делопроизводства и литературы и в Туркестане, находившемся под властью династии Караханидов. Характерно, что в X в., при Саманидах, была составлена на арабском языке история Бухары; когда этот труд был переведен в XII в. на персидский язык, то появление такого перевода объяснялось, между прочим, тем, что люди не питают больше склонности к чтению арабских книг. Арабский язык вытеснялся персидским даже из области преподавания богословия; были преподаватели, читавшие лекции в медресе на персидском языке. То же самое относится к первоначальному преподаванию веры; об авторе продолжения истории Нишапура, Медж ад-дине Абд ал-Гафире, родившемся в 451/1059—60 г., говорится, что он в пятилетнем возрасте усвоил начала веры по-персидски. Несмотря на это, в государственном делопроизводстве во владениях Караханидов, даже в Кашгарии, во второй половине XII в. еще употреблялся арабский язык; на этом языке составлен, между прочим, судебный приговор, напечатанный мною с английским переводом в журнале «Лондонской школы востоковедения» и относящийся к царствованию того Богра-хана, при котором была составлена в Кашгаре дидактическая поэма *Кутадгу билик*. Документы этого же и последующего времени показывают, однако, что в государстве Караханидов, даже в Самарканде, где среди населения говоривших по-турецки, наверное, почти не было, не был совершенно исключен из государственной терминологии и турецкий язык. Турецкое прилагательное *улуғ* прибавлялось, например, к слову *везир*, а на монетах, чеканившихся самаркандским ханом в конце XII в., даже к титулу хана.

Ханы продолжали носить до конца существования династии турецкие имена и в особенности турецкие титулы, причем сохранялся обычай, известный из истории правивших в Монголии огузских и уйгурских ханов, что хан при вступлении на престол менял свой прежний титул на новый, употреблявшийся вместо собственного имени. Этот обычай иногда причиняет затруднения историкам, которым не всегда легко решить, принадлежат ли различные титулы, встречающиеся приблизительно в одно и то же время на монетах, чеканенных в одной и той же местности, одному лицу или нескольким.

В Самарканде, однако, насколько известно, не было речи о литературе на турецком языке; при дворе ханов жили и пользовались их покровительством персидские поэты. Более благоприятное положение для создания мусульманской литературы на турецком языке было в Кашгарии, хотя и туда проникло персидское влияние, постепенно усиливавшееся; еще в XVII в. в Кашгарии было составлено историческое сочинение на персидском языке, причем с такими синтаксическими ошибками, которые ясно показывают, что этот язык не был для автора ни родным, ни привычным.

В 462/1069—70 г. была написана в Кашгаре для местного хана уроженцем города Баласагуна Юсуфом, занимавшим придворную должность хаджиба, дидактическая поэма на турецком языке под турецким заглавием *Кутадгу билик*, т. е. «Знание, делающее счастливым», или «Знание, достойное царей», слово *кут* 'счастье' часто употреблялось, в том числе и в самой поэме, в смысле современного 'величество', для обозначения царского звания. Этого рода литература, т. е. поучительные произведения об обязанностях государей, сановников и т. п., издавна была популярна на Востоке, в том числе и в иранском мире; самое ценное в таких произведениях — рассказы о событиях из истории или легенды, которыми подтверждаются или объясняются те или другие теоретические наставления. Именно этого элемента в произведениях Юсуфа Баласагунского нет совсем. Им не выводятся никакие исторические лица; его царь (*илиг*) — только безжизненная аллегорическая фигура, олицетворяющая справедливость; другие достоинства олицетворяются везиром, его сыном и братом. Вследствие этого *Кутадгу билик* стоит гораздо ниже своих персидских образцов.

В предисловии говорится, что у арабов и таджиков книг много, тогда как на турецком языке книг не было совсем. Из этого видно, как быстро были забыты после принятия ислама памятники буддийской, манихейской и христианской литературы на турецком языке. Очевидно, та турецкая мусульманская поэзия, о существовании которой мы узнали из сочинения Махмуда Кашгарского, еще не вызвала появления книг. Литература должна была появиться именно в Кашгаре, где население самого города говорило, по словам Махмуда, на «турецком хаканском языке», самом красноречивом из турецких наречий, тогда как языком сельских местностей за Кашгаром был кенджекский язык, т. е. язык местного, первоначально нетурецкого, но отуреченного населения.

Остается вопрос, насколько *Кутадгу билик* было связано с турецкими традициями по стилю и форме изложения и насколько оно могло оказать влияние на современников. *Кутадгу билик* дошло до нас в трех рукописях, одной уйгурским алфавитом, написанной в 1439 г. в Герате, и двух арабским алфавитом, из которых одна была найдена в Египте, другая — в Фергане. Возбуждает до сих пор споры вопрос, как писал свой труд сам автор, уйгурскими или арабскими буквами. Самоё заглавие и употребление слова *кут* в смысле 'величество' показывают, что в Кашгаре мусульманское и в частности персидское влияние не успело вытеснить турецкие традиции даже из области придворной жизни. Заглавие *Кутадгу билик* мы потом снова встречаем в монгольскую эпоху; так назывался сборник изречений, приписывавшихся Чингиз-хану, на который, как и на *Ясу*, ссылались как на источник действовавшего в монгольской империи и в государствах, образовавшихся после ее распада, права. Из слов автора XV в. Ибн Арабшаха можно заключить, что название *Кутадгу* применялось и к употреблявшемуся монголами уйгурскому алфавиту, причем Ибн Арабшах, ошибочно сближал это слово с названием племени, из которого вышел Чингизхан. Было высказано мнение, что уйгурский *Кутадгу билик* Богра-хана мог, по крайней мере по заглавию, оказать влияние на монголов и вызвать появление *Кутадгу билик* Чингиз-хана. После издания труда Махмуда Кашгарского уже не подлежит сомнению, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и что для Юсуфа Баласагунского язык, на котором он писал, не

был уйгурским; столь же невозможно, что такое произведение, как *Кутадгу билик* Богра-хана, проникнутое духом ислама, могло быть усвоено уйгурами, остававшимися буддистами и христианами и впоследствии оказавшими влияние на монголов.

Из слов Махмуда Кашгарского не видно, знал ли он произведение Юсуфа Баласагунского, написанное всего за два года до того, как он приступил к своему собственному лингвистическому труду, в котором он, по его собственным словам, не имел предшественников. Покойный Мартин Хартманн видел разницу между Юсуфом Баласагунским и Махмудом Кашгарским в том, что первый примыкал к придворным кругам, второй — к традициям народной поэзии. Едва ли это мнение справедливо. Мы видели, что среди стихов, приведенных Махмудом Кашгарским, есть образцы придворной поэзии; с другой стороны, Юсуф Баласагунский пользовался для своих дидактических целей и народной мудростью. В *Кутадгу билик* есть отдельные места, в которых выражаются теми же словами те же мысли, как в образцах народной мудрости, приведенных в книге Махмуда Кашгарского. Каждому, читавшему *Кутадгу билик*, напомним об этом произведении приведенная у Махмуда Кашгарского поговорка: «Высшая доблесть выражается в языке», т. е. в человеческой речи.

Что *Кутадгу билик*, несмотря на небольшое число известных до сих пор рукописей, пользовалась в свое время некоторой популярностью, видно из того, что в Сарайчике, близ устья Яика, был найден глиняный сосуд с надписью, содержащей стихи из *Кутадгу билик*. Кроме того, в Турции было найдено и издано несколько более позднее произведение в том же роде, *Хибат ал-хака'ик*, или *'Ибат ал-хака'ик*, Ахмеда б. Мухаммеда Югнеки, написанное на «кашгарском языке» для некоего эмира Дад Испехсалар-бека и содержащее такие же сухие нравоучения и наставления, без какой-либо связи с событиями действительной жизни. Открытие этого произведения показало, что *Кутадгу билик* не стоит совершенно одиноко и что в турецкой литературе был «кашгарский период», имевший, по-видимому, очень мало влияния на ее последующую судьбу.

В это время следы прежней близости турок к китайской культуре сохранялись не только в ханском титуле. Сочинение Махмуда Кашгарского показало, что уже

тогда существовало встречающееся при кара-китаях китайское название должности *таянгу*, соответствовавшей арабскому *хаджиб*, причем слово *таянгу* производилось из турецкого *теенмек* «доверять», «полагаться». Сохранялось также известное из орхонских надписей слово *кунчуй* в смысле «госпожа», причем слово *хату* тогда обозначало более высокое положение женщин, чем слово *кунчуй*.

Из многочисленных слов для обозначения предметов материальной культуры, приведенных у Махмуда Кашгарского, обращает на себя внимание слово, обозначающее 'кусочек шелка, который человек носил у себя за пазухой, чтобы очищать им свой нос'. Известно, что в древности и в средние века носовые платки не употреблялись ни в античной Греции, ни в мусульманском мире; в Западной Европе они вошли в употребление только в XV в., после ознакомления европейцев с дальневосточной культурой, где они, как в Китае, так и в Японии, употреблялись издавна; под влиянием Китая, мы встречаем их и в Монголии. Существование их у турок в XI в., вероятно, также должно быть признано одним из остатков влияния дальневосточной культуры, впоследствии утраченных.

Следующим после Кашгара центром мусульманской турецкой литературы сделалась местность по нижнему течению Сыр-Дарьи вместе с Хорезмом. К вопросу о значении в истории турок этой местности я перейду в следующей лекции.

VIII

Мы видели, что для Хорезма, по его географическому положению, торговля с кочевниками имела больше значения, чем для других культурных областей Средней Азии. То же географическое положение не могло не отражаться на этнографическом составе и языке населения Хорезма. По всей вероятности, это замечалось и в то время, когда соседями Хорезма были кочевники иранского происхождения; по крайней мере, была попытка доказать, что хорезмийцы принадлежали к тому же аланскому народу, который владел степями от низовьев Сыр-Дарьи до низовьев Дона. После отуречения степи Хорезм больше других областей подвергался влиянию

турецкого элемента. В первые века ислама в Хорезме говорили на иранском наречии, хотя и непонятном для прочих иранцев; на этом языке не только говорили, но и писали еще в XI в., однако в персидских словарях «хорезмийскими» словами часто называются явно турецкие; в X в. отмечалось также сходство между хорезмийцами и турками по наружности. В XIII в., в эпоху монгольского нашествия, о Хорезме уже говорили как о стране по языку совершенно турецкой. Процесс отуречения совершился, следовательно, между XI и XIII вв., когда Хорезм находился под властью сельджукских наместников турецкого происхождения, сохранявших, однако, старый иранский титул *хорезмшах*. В последние годы XI в. здесь утвердилась наследственная династия хорезмшахов, представители которой почти все носили турецкие имена. Хорезм при них, в первый и последний раз за всю свою историческую жизнь, сделался ядром великой державы, в состав которой вошел целый ряд областей в Средней Азии и Персии. Из наместников сельджукских султанов хорезмшахи постепенно сделались *верховными владыками восточной части мусульманского мира* и как «султаны ислама» требовали признания за ними всех прав, прежде принадлежавших сельджукским султанам; они не хотели даже примириться с фактом восстановления в первой половине XII в. светской власти аббасидских халифов; последние хорезмшахи требовали, чтобы их власть, как прежде власть сельджукских султанов, признавалась в самом Багдаде.

Хорезм, конечно, находился под влиянием персидской культуры; среди ученых и поэтов, писавших по-персидски, были и хорезмийцы; при хорезмшахах персидский язык был языком государственного делопроизводства, но едва ли в Хорезме, как в Согде, местное иранское наречие как язык массы населения было вытеснено персидским языком. По всей вероятности, хорезмийский язык оставался языком населения и уступил место только турецкому языку.

Процессу отуречения еще раньше должны были подвергнуться колонии, основанные на Сыр-Дарье частью хорезмийцами, частью, вероятно, согдийцами. В XI в. здесь были и города, населенные турками; у Махмуда Кашгарского упоминаются Сауран (у Махмуда — Сабран, некогда пограничный город государства Саманидов, существует и теперь) и Сугнак (в XII в. столица

немусульманского кипчакского владения, теперь развалины Сунак-курган) как города огузов.

К юго-востоку от Саурана, между ними и Фарабом, или Отраром, у географов X в. упоминается город Шавгар; судя по расстоянию, он по местоположению приблизительно соответствовал нынешнему городу Туркестану. Название Шавгар — иранское; был ли этот город в X в. населен иранцами или турками, неизвестно. По одному тексту (Ибн Хаукаля) к Шавгару относится известие о походе Саманида Насра б. Ахмеда (914—943) с войском в 300 000 человек (цифра, конечно, преувеличена); если так, то Шавгар был местопребыванием сильного владетеля; но в рукописях источника Ибн Хаукаля, сочинения Истахри, мы находим в соответствующем месте совсем другие чтения; поэтому остается сомнительным, куда был направлен поход, тем более что других известий об этом событии нет. Кроме Шавгара, по Сыр-Дарье был еще другой Шавгар в 4 фарсах (около 25 верст) к юго-западу от Аулие-Ата. К обоим Шавгарам одинаково могут относиться слова Сам'ани (в XII в., со ссылкой на автора XI в.) о «пограничной местности с турками» и слова Якута (XIII в., со ссылкой на автора XII в. Имрани) об одном «из турецких городов».

Ни Сам'ани, ни Якут не знают на месте Туркестана города Ясы, или Еси, хотя это название существовало уже в XII в., когда прославился происходивший из того города или, по крайней мере, живший и умерший в нем святой Ахмед Есеви (или Ясеви); год его смерти — 562/1166-67 г. По некоторым известиям, Ахмед происходил из Сайрама, под которым, конечно, следует понимать не город в Восточном Туркестане, в то время под этим названием еще несуществовавший (он был основан только в XVI в. переселенцами из западного Сайрама), но город на небольшом расстоянии к востоку от нынешнего Чимкента, известный также под названиями Исфиджаб и Белый город (ал-Мадинат ал-байда'); этот Сайрам упоминается уже у Махмуда Кашгарского.

Ахмед, получивший от турок прозвание «отец Ясеви» (Ата Ясеви), имел, по-видимому, большое влияние на распространение среди турок ислама и мусульманского мистицизма. Его стихотворения в мистическом духе на турецком языке получили широкую популярность, и до сих пор под им подражают среднеазиатские народные поэ-

ты. К сожалению, эти стихи, именно вследствие своей популярности, не дошли до нас в своем первоначальном виде; многочисленные переписчики изменяли язык подлинника в духе своего времени, делали и другие вставки. Таким же образом биография Ахмеда Ясеви известна нам почти исключительно по позднейшим легендарным рассказам. По этим легендам, у Ахмеда Ясеви был турецкий предшественник Арслан-баба или Баб-Арслан (известно, что в Туркестане слово *баб*, по-арабски 'ворота', употреблялось для обозначения распространителей ислама); сын Арслана, Мансур-Ата, был первым халифом, или преемником, Ахмеда. Сам Ахмед был третьим халифом приехавшего из Хамадана в Туркестан персидского мистика Юсуфа Хамадани, умершего в 1140 г. в Мерве, где он много лет стоял во главе школы мистиков; Юсуф Хамадани, по словам его биографа, совершенно не знал по-турецки, что не помешало ему сделать своим учеником основателя турецкого мистицизма. Вторым халифом Юсуфа, т. е. непосредственным предшественником Ахмеда, был шейх Абу Мухаммед Хасан б. Хусейн ал-Андаки, умерший в 1157 г. Об ал-Андаки дает некоторые сведения его современник и знакомый Сам'ани, тогда как об Ахмеде Сам'ани ничего не было известно, и даже нисба²⁵ Ясеви в словарь Сам'ани, специально посвященный нисбам, преимущественно богословов, не вошла.

Культ Ахмеда Ясеви, как турецкого святого по преимуществу, прочно держался на Сыр-Дарье, как показывает великолепное здание, построенное над его могилой в конце XIV в. Тимуром. Среди учеников и преемников Ахмеда был целый ряд мистиков, писавших по-турецки и носивших турецкое прозвание *ата* 'отец', в том числе Хаким-Ата, или Сулейман Бакыргани, деятельность которого была связана с Хорезмом. Подобно Ахмеду, Хаким-Ата оставил сборник мистических наставлений на турецком языке, но не в стихах, как Ахмед, а в прозе. Изречения Хаким-Ата, подобно изречениям Ахмеда, были написаны простым языком и предназначены для широких масс.

Жизнь Хорезма в эти века, когда он подвергался процессу отуречения, представляет большой интерес в связи с вопросом, насколько постепенно установившееся в

---

²⁵ Нисба — прозвище, прозвание.

Туркестане преобладание турецкого элемента влекло за собой упадок культуры. Из европейских ориенталистов о роли турок как элемента, враждебного культуре, определеннее всего высказался знаменитый немецкий ориенталист Нёльдеке. По мнению Нёльдеке, завоевание турками государства Саманидов было «одной из самых печальных катастроф в истории этих стран». Нёльдеке вернулся к этому вопросу в недавнее время, в 1924 г., и снова подтвердил, что вообще считает вторжение турок в образованный мусульманский мир со времени падения иранского государства Саманидов «всемирно-историческим несчастьем первой степени». В Хорезме мы имеем пример высококультурной страны, где не только установилась власть турок, но даже получил преобладание турецкий язык; между тем трудно было бы привести какие-нибудь факты, которые бы свидетельствовали о более низком культурном уровне Хорезма XIII в. сравнительно с Хорезмом X и XI вв. Сведения о Хорезме, сообщенные Якутом, бывшим там непосредственно перед монгольским нашествием, свидетельствуют о значительном развитии городской жизни и даже о расширении культурной площади, особенно в юго-западной части Хорезма. Из других известий мы знаем, что хорезмийские купцы совершали в Средней Азии еще более отдаленные путешествия, чем прежде, и приобретали влияние в еще более отдаленных странах; в 1218 г. к хорезмшаху Мухаммеду приезжал хорезмиец Махмуд в качестве посла от Чингиз-хана. Очень вероятно, что этот Махмуд — одно и то же лицо с «послом Махмудом», Махмудом Ялавачем, который в монгольскую эпоху был наместником Пекина, тогда как его сын Мас'уд-бек управлял культурными областями Средней Азии. Титул *бек* и чисто турецкие имена двух из сыновей Мас'уда заставляют полагать, что сам он и его отец Махмуд были по языку турками.

О высоте умственной культуры свидетельствует широкое распространение в Хорезме, еще в XI в., рационалистической богословской школы мутазилитов²⁶, процветавшей и в XIII в. При этом прибавляется, что богослов-

---

²⁶ *Мутазилиты* (от арабского *му'тазил* — обособившиеся) — представители одного из направлений *калама*, первыми попытавшиеся обосновать мусульманское вероучение логико-философскими доводами. М. оспаривали ряд положений правоверного ислама. Оказали влияние на многие еретические движения Востока.

ские споры велись в Хорезме с большим тактом, без проявления грубого фанатизма; если кто-нибудь пытался в слишком резких словах отстаивать свое мнение, его тотчас останавливали.

Насколько прочно утвердилась в Хорезме мутазилитская школа, видно из того, что она пережила монгольское нашествие, несмотря на то что именно Хорезм, вследствие оказанного им в 1221 г. упорного сопротивления, подвергся со стороны монголов особенно страшному опустошению. Сельскохозяйственная культура, по видимому, не могла быть восстановлена в полной степени, и культурная площадь еще в XIV в. была менее значительна, чем в домонгольскую эпоху; но столица Хорезма Ургенч, ныне Куня-Ургенч, уже через несколько лет после 1221 г. была восстановлена приблизительно на том же месте и описывается путешественниками монгольской эпохи, мусульманскими и европейскими, как один из главных городов на торговом пути из Передней Азии и Европы на Дальний Восток. Арабский путешественник Ибн Баттута, бывший там в 1333 г., называет Ургенч «одним из самых больших, значительных и красивых турецких городов».

Хорезм и культурно связанные с ним города по нижнему течению Сыр-Дарьи были местом оживленной литературной и научной деятельности как до монгольского нашествия, так и после него. Большое число имен авторов, писавших в Хорезме и соседних с ним местностях, и заглавий их сочинений приводится в истории арабской литературы Брокельмана; насколько мне известно, константинопольские библиотеки дают возможность значительно пополнить эти сведения. Преобладают, конечно, памятники богословской литературы, но и эти памятники представляют интерес не для одних богословов; в одном из них, как мне сообщили, приводятся фразы на хорезмийском языке; надо надеяться, что эти данные скоро будут обнародованы. Среди происходивших из Хорезма или действовавших там ученых XII в. мы видим таких ученых мирового значения, как Замахшари и Шахристани. Разумеется, от таких ученых в то время трудно было ожидать проявления местного или национального (турецкого) патриотизма; но любопытно, что для последнего хорезмшаха, Джелаль ад-дина (он покинул Хорезм в начале 1221 г., в ноябре того же года бежал в Индию, с 1223 г. действовал в Западной Персии

и в 1231 г. погиб в войне с монголами), была составлена неким Мухаммедом б. Кайсом, о котором мы никаких других известий не имеем, «большая книга» о турецком языке, по-видимому по-арабски. После сочинения Махмуда Кашгарского это, насколько известно, первый труд о турецком языке; к сожалению, книга Мухаммеда б. Кайса не дошла до нас и существование ее известно только по двум ссылкам писавшего уже при монголах Джемаль ад-дина Ибн Муханны.

По-видимому, турки в Хорезме не только усвоили ту высокую для этого времени культуру, которую они там нашли, но воспользовались тем, чему они научились, для дальнейшего развития турецко-мусульманской литературы. Без турецко-хорезмийской культуры домонгольского периода трудно было бы понять то значение, которое в монгольский период имели в истории турецкой литературы Хорезм и вообще Золотая Орда и которое теперь все больше выясняется. Произведение золотордынского поэта хорезмийского происхождения, относящееся к 1353 г., написано на том же литературном языке, который потом, в эпоху Тимуридов, был назван чагатайским; притом оно написано не в Хорезме, откуда происходил автор (его прозвание — Хорезми), но на берегах Сыр-Дарьи. Поэт Хорезми, как выяснилось для меня в Константинополе, имел предшественников; сохранилась рукопись поэтического сочинения, написанного не при Джанибеке, как произведения Хорезми, но для его старшего брата Тинибека, который назван царевичем (*шахзаде*), из чего видно, что автор писал еще при его отце Узбеке, т. е. до 1340 г. Даже в Крыму, где в домонгольский период мусульман, насколько известно, не было совсем, была написана поэма о Юсуфе и Зулейхе, известная нам по старому переводу на южнотурецкий литературный язык, возникший в монгольский период и впоследствии названный османским. Были и другие переводы; в Египте в XV в. было переведено на южнотурецкий язык богословское сочинение Абу Насра Серахси, причем и этот перевод был сделан с татарского, т. е. с литературного языка Золотой Орды. На нижнем течении Сыр-Дарьи, в городе Барчкенде, известном также под названиями Барчын и Барчынлыг, во второй половине XIII в. жил ученый факих Хусам ад-дин Хамиди ал-Асими Барчынлыги, писавший сочинения на трех языках, причем, по словам знавшего его лично Джема-

ля Карши, его сочинения на арабском языке были красноречивыми (*фасих*), на персидском — остроумными (*малих*), на турецком — правдивыми (*сахих*). Насколько известно, это первое в мусульманской литературе сопоставление языков арабского, персидского и турецкого как трех литературных языков мусульманского мира. Сам Джемаль Карши был родом из Алмалыка, где он родился около 1230 г., и впоследствии большею частью жил в Кашгаре; с Хусам ад-дином он познакомился в Барчкенде, куда ездил в 672/1273-74 г. Рассказ Джемаль Карши показывает, что культура Золотой Орды оказывала влияние на культуру Туркестана еще в XIII в. Факт этого влияния до последнего времени оставался совершенно неизвестным как самим среднеазиатским туркам, так и европейским ученым. Бабур в начале XVI в. полагал, что произведения классического чагатайского поэта Мир Аль-Шира Невай написаны на том же языке, на котором при нем говорили в Фергане, в городе Андижане. Радлов в 1888 г. старался доказать, что Бабур ошибался и что чагатайский язык был искусственным литературным языком, не связанным с местной разговорной речью, но, по мнению Радлова, происхождение этого языка связано исключительно с культурными влияниями с востока на запад, начиная с литературного языка уйгуров (об орхонских надписях тогда не было сведений) и кончая составленной в 1310 г. и написанной, как полагал Радлов, «еще чистым уйгурским языком» книгой о пророках (*Кисас-и анбийа*); распространение того же литературного языка в Золотой Орде, о чем свидетельствует язык относящихся к концу XIV в. ярлыков Тохтамыша и Тимур-Кутлуга, Радлов относит, по-видимому, только к XIV в.; по его мнению, ярлыки были написаны человеком, «сведущим в литературном чагатайском языке». В то время еще нельзя было предполагать, что самый чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот.

Образование чагатайского литературного языка было бы невозможно без монгольского нашествия. Монгольские завоевания XIII в. занимают, как известно, совершенно исключительное место в мировой истории. Несмотря на частые случаи нашествия кочевников на культурные страны, мы не знаем другого примера, чтобы

один и тот же народ в короткое время завоевал культурные государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы. Естественно, что о монголах писали во всех странах, завоеванных монголами, так что в источниках мы находим о монгольской империи больше материала, чем о большей части других исторических периодов; европейская наука также посвятила монгольской империи больше внимания, чем едва ли не всем прочим историческим государствам средневекового Востока; тем не менее далеко не все вопросы, связанные с образованием этой империи, могут считаться выясненными. Так, имеющий для нас самое большое значение вопрос о столкновении между государствами Чингиз-хана и хорезмшаха Мухаммеда рассматривался преимущественно в связи с воинственными планами победителя, Чингиз-хана, причем часто старались доказать, что эти планы были если не вызваны, то поддержаны посторонним влиянием, именно влиянием аббасидского халифа Насира; до сих пор в ученой литературе иногда высказывается мнение, что Чингиз-хана призвал против хорезмшаха халиф. Между тем сопоставление мусульманских известий об этой борьбе приводит к заключению, что война была если не вызвана, то ускорена воинственными планами не Чингиз-хана, а хорезмшаха.

В обязанности «султанов ислама», какими хотели быть последние хорезмшахи, входили не только защита веры и основанной на ней справедливости внутри мусульманского мира, но также, при благоприятных обстоятельствах, освобождение мусульман от владычества неверных. В царствование Мухаммеда этому способствовали упадок государства кара-китайских гурханов и восстания в некоторых из подчиненных им мусульманских областей. Ни о причине, ни о ходе этих восстаний мы не располагаем подробными сведениями. Одним из первых мусульманских владетелей, восставших против гурхана, был, по-видимому, султан Хотана; об этом несомненно турецком и мусульманском владении говорится только по этому случаю; монет, которые бы были чеканены в Хотане в домонгольский период, мы также не имеем. Приблизительно в то же время на противоположной окраине государства гурхана, в Бухаре, против господства гурхана и в то же время против своих местных владетелей выступило само население. Незадолго перед этим Бухара сделалась совершенно независимой

от жившего в Самарканде турецкого хана; вся власть перешла к «семье Бурхан», из которой происходили садры, главы местного мусульманского духовенства; садры были непосредственно подчинены кара-китаем и имели право сами отвозить дань в орду гурхана, т. е. к ним применялась самая мягкая из форм вассальной зависимости, известных в истории кара-китаев и потом в истории монгольской империи. Господство садров было уничтожено народным восстанием, вообще направленным против местной аристократии; во главе восставших был человек из ремесленного класса, которого обвиняют в жестоком преследовании вельмож, чем достаточно выясняется характер восстания. Замечательно, что садры, несмотря на религиозный авторитет, на котором основывалась их власть, обратились с просьбой о поддержке в орду языческих кара-китаев. Кары-китаи исполнили их просьбу, но вместо военной силы могли поддержать их только грамотами, не оказавшими, вследствие общего упадка могущества государства гурхана, никакого действия.

Бухарскими событиями воспользовался хорезмшах Мухаммед для своего первого похода против кара-китаев осенью 1207 г. Можно было ожидать, что им будет поддержано народное движение, также направленное против владычества гурхана, но этого не случилось; предводитель движения, по-видимому не имевший возможности оказать сопротивление войску хорезмшаха, был уведен в плен в Хорезм. Тогда же хорезмшах вступил в переговоры с вассалом гурхана, самаркандским ханом. Два последних владетеля Самарканда из династии Караханидов, Ибрахим, его сын Осман, носили громкий титул «султан султанов» (султан ас-салатин), причем на монетах Ибрахима к этому арабскому титулу присоединено турецкое прилагательное *улуғ* 'великий'. Кроме этого и титула Ибрахима, *тамгач-хан*, на монетах обоих ханов нет других признаков турецкого происхождения династии; только из сочинения их персидского современника Ауфи нам известны полные турецкие титулы Ибрахима и Османа — Кылыч Тамгач-хан и Кылыч Арслан-хан хакан. Нет также сведений о том, насколько был значителен турецкий элемент среди войска и подданных обоих ханов. Любопытно, что озеро, куда выпадают остатки Зеравшана, уже тогда носило название

Кара-куль, из чего можно вывести заключение, что даже в Бухарской области, по крайней мере в местности, ближайшей к пустыне и к Хорезму, уже тогда был некоторый турецкий элемент.

Поход 1207 г. не имел больших результатов; по-видимому, временно завоеванные хорезмшахом области снова должны были подчиниться гурхану. Только осенью 1210 г. хорезмшаху Мухаммеду удалось недалеко от Таласа разбить войско кара-китаев. Победа не была вполне решительной и не привела к объединению вокруг хорезмшаха мусульманских подданных гурхана; хорезмшах даже не мог оказать поддержки восставшим против гурхана жителям Баласагуна. Тем не менее хорезмшах воспользовался своей победой для придания нового блеска своей державе. Он стал называть себя султаном Санджаром, по имени последнего могущественного сельджукского султана; кроме того, он принял имя Искендера, т. е. Александра Македонского, чем ясно показал, что стремится к завоеваниям в мировом масштабе, а не только в той степени, в какой это было необходимо для «султана ислама».

Участь государства кара-китаев, однако, была решена не столько действиями хорезмшаха, сколько прибытием монголов или, как их называли в то время, татар, причем сначала пришли, по выражению историка Ибн ал-Асира, «первые татары», вытесненные из Монголии Чингиз-ханом, потом — войска самого Чингиз-хана.

Историк Рашид ад-дин связывает широкое распространение в домонгольский период народного названия *татар* с могуществом татар в собственном смысле слова, живших около озера Буир-Нор. Теперь мы знаем, что название *татар* было широко распространено гораздо раньше, начиная с эпохи орхонских надписей, т. е. с VIII в.; в X в. мы видим его в рукописи Туманского, в XI в. — у Махмуда Кашгарского. По всей вероятности, так с самого начала назывались народы, говорившие на монгольском языке. Из данных, приведенных у Рашид ад-дина и в других источниках, можно заключить, что граница между районами господства языков монгольского и турецкого проходила тогда приблизительно там же, где проходит теперь. По-монгольски говорили найманы, владевшие Западной Монголией от Орхона до верхнего Иртыша, и даже их северные соседи ойраты у истоков Енисея, причем эти истоки назывались Секиз-

мурэн, что указывает на смешение здесь монгольского языка с турецким (*секиз* — турецкое числительное 'восемь', *мурэн* — монгольское 'река'). К северу от ойратов на Енисее, или Кеме, как река всегда называлась турками, жили говорившие по-турецки канглы и кипчаки, может быть, карлуки, центром которых был возникший не ранее XII в. город Каялык в северной части Джетысуйской области. Монгольские народности занимали с юга на север пространство от китайской стены по крайней мере до Байкала и находились на различных степенях культурного развития; китайцы различают белых татар на юге, по соседству с Китаем, черных татар дальше к северу и диких татар, или, как их называли сами монголы, «лесные народы», на крайнем севере; в отличие от черных татар, эти народы были не кочевниками, а звероловами. В этом отношении сведения о монголах XIII в. богаче и разнообразнее, чем более ранние сведения о турках. Ни в китайских, ни в других источниках не говорится, были ли рядом с турками-кочевниками турки-звероловы, вообще каковы были в то время отношения между степняками и лесными народами; исключение представляют только несколько слов у Гардизи о киргизах и их восточных соседях. Из сочинения Рашид ад-дина мы узнаем, что шаманизм был первоначально религией не кочевников, а звероловов и еще в то время самыми искусными шаманами считались шаманы, жившие в северных, лесных областях. По поводу обладавшего особой шаманской силой племени лесных урянхитов и Рашид ад-дина приводится рассказ, из которого видно, что зверолову жизнь кочевника представлялась таким же невыносимым рабством, как кочевнику — жизнь оседлого земледельца.

Преимущественно среди кочевников Монголии происходили те междоусобия, которые предшествовали объединению Монголии под властью Чингиз-хана, хотя ими отчасти завоевывались и лесные народы. Основной чертой этих междоусобий, как теперь доказано, была борьба между степной аристократией, во главе которой стоял Чингиз-хан, и народными массами, объединившимися вокруг прежнего друга Чингиз-хана, потом разошедшегося с ним, Чжамухи, принявшего, по примеру кара-китайского государя, титул *гурхан*. Чжамухе удалось создавать для Чингиз-хана все новых врагов среди ханов и предводителей отдельных монгольских народ-

ностей, но борьба кончилась отчасти истреблением, отчасти бегством из Монголии всех приверженцев и союзников Чжамухи.

Последняя битва с Чингиз-ханом, в которой принимал участие Чжамуха, относится к 1204 г.; в 1205 г. Чжамуха, по монгольским известиям, был выдан Чингиз-хану и казнен. Любопытно, однако, что историк Джувейни говорит о каком-то богатыре Гурхане, находившемся на службе у Чингиз-хана, перешедшем на сторону мусульман и убитом при взятии монголами Бухары в 1220 г. Возможно, что Чжамуха, вопреки монгольскому преданию, нашел убежище во владениях хорезмшаха.

Из монгольских врагов Чингиз-хана на запад удалились мергиты, жившие на Селенге, и найманы. Те и другие в последний раз были разбиты самим Чингиз-ханом в 1208 г.; после 1209 г. они разделились: мергиты направились более северным путем и пришли в страну кипчаков, найманы — в страну кара-китаев. Как мергиты, так и найманы подверглись перед этим влиянию христианской пропаганды; найманы, сверх того, как мы видели, усвоили от уйгуров письменность. О культурном влиянии турок на монголов говорят и многие другие факты, в том числе большое число собственных имен и титулов у народов монгольского происхождения. О мусульманской пропаганде, несмотря на присутствие в орде Чингиз-хана мусульманских купцов, притом еще до его выступления из Восточной Монголии, известий нет. Едва ли не единственное указание, что уже при Чингиз-хане были монголы-мусульмане, мы находим в имени одного из мергитских предводителей, брата жены Чингиз-хана — Джемаль-ходжа.

Во время борьбы с мергитами и найманами Чингиз-хану в 1207 г. подчинился первый турецкий народ — киргизы на Енисее; впоследствии они восстали против него и в 1218 г. были усмирены старшим сыном Чингиз-хана Джучи, перешедшим через Енисей по льду. В то время уже не было, как в VIII в. и по известиям арабских географов, киргизского хакана; народ разделялся на две части, имевшие каждая своего предводителя; ни тот, ни другой не назывался ханом. Впоследствии киргизы даже утратили воспоминание о том, что у них когда-либо были ханы. Радлов слышал у кара-киргизов предание, по которому киргизы обратились к «велико-

му хану», т. е. Чингиз-хану, с просьбой дать им в князья своего сына Джучи; Джучи, в то время маленький мальчик, попал в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими; Аксак ('хромой') Кулан-Джучи-хан был первым и последним ханом киргизов. Несмотря на фантастичность рассказа, в нем сохранилось воспоминание о подчинении Чингиз-хану и его сыну Джучи. Даже рассказ о куланах, может быть, представляет отголосок предания о стихах, будто бы произнесенных Чингиз-ханом на турецком языке в 1227 г. после получения известия о смерти Джучи: «Подобно кулану, лишившемуся (вследствие преследования охотниками) своего детеныша, я разлучен со своим детенышем;) подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток, я разлучен со своим героем-сыном».

В 1209 г., за год до победы хорезмшаха над каракитаями, Чингиз-хану подчинился предводитель другого, более культурного турецкого народа — идикут уйгурский, до тех пор находившийся в вассальной зависимости от кара-китайского гурхана. Этот факт находился в связи с преследованием бежавших на запад врагов Чингиз-хана; мергиты и найманы хотели пройти через владения идикута, но встретили с его стороны сопротивление и были разбиты, что более всего способствовало отделению друг от друга этих двух народов, до тех пор действовавших сообща. В 1211 г., через год после победы хорезмшаха, объявившего себя освободителем мусульман от ига неверных, подданным Чингиз-хана признал себя другой вассал гурхана, мусульманский владетель карлукский Арслан-хан.

Этот факт свидетельствует об упадке авторитета хорезмшаха даже среди мусульман Средней Азии. Вообще личные качества хорезмшаха как государя находились в полном противоречии с его громкими титулами и внешним блеском его державы; в покоренных странах он совершенно не был в состоянии сдерживать свое войско и защищать население от притеснений воинов. Этим объясняется такой характерный факт, как разрыв в 1212 г. между хорезмшахом и самаркандским ханом, вновь перешедшим на сторону кара-китаев. В рассказе Джувейни о переговорах, предшествовавших этому разрыву, интересна подробность, что после женитьбы самаркандского хана на дочери хорезмшаха мать хорезмшаха, желая подольше удержать хана в Ургенче, ссыла-

лась на турецкий обычай, по которому зять первый год после брака должен был прожить в доме тестя. Вернувшись в Самарканд, хан в полном согласии с жителями своей столицы поднял восстание против своих мусульманских освободителей, и хорезмшаху пришлось подавить это восстание потоками крови.

После этого границей владений хорезмшаха сделалась местность по Сыр-Дарье (в том числе и правое побережье) на всем пространстве от Ферганы до Аральского моря; остальные мусульманские области, прежде словам Ибн ал-Асира и Якута, он был вынужден откапчинившиеся кара-китаем, за исключением подчинившегося Чингиз-хану карлукского владения, перешли под власть предводителя пришедших с востока найманов, Кучлука, христианина, по некоторым известиям перешедшего в государстве кара-китаев к идолопоклонству, т. е., вероятно, к буддизму. По-видимому, Кучлук завладел государством гурхана в 1211 г., еще до восстания против хорезмшаха самаркандского хана. Хорезмшах вступил в борьбу с Кучлуком, но не имел успеха; по словам Ибн ал-Асира и Якута, он был вынужден отказаться в пользу Кучлука от некоторых уже занятых им областей, именно от Исфиджаба (Сайрама), Ташкента и северной части Ферганы; покидая эти области, он будто бы опустошил их и увел с собою население. Может быть, таковы были намерения хорезмшаха, но едва ли ему удалось вполне осуществить их; то состояние, в котором находились эти области менее десяти лет спустя, в эпоху монгольского нашествия, не свидетельствует о полном опустошении.

Замечательно, что, несмотря на отдаленность Монголии от Туркестана, несмотря даже на то, что монголы с 1211 г. были заняты войной с Китаем, авторитет Чингиз-хана оказывался в мусульманской Средней Азии сильнее авторитета «султана ислама». В это время образовалось новое мусульманское княжество в городе Алмалыке (в Кульджинском крае), возникшем, по-видимому, незадолго перед тем. Основатель этого княжества был прежде разбойником и конокрадом, что не мешало ему сделаться родоначальником династии, существовавшей еще в начале XIV в. С самого начала он подчинился Чингиз-хану; впоследствии Кучлуку удалось захватить его на охоте и убить, но вдове убитого удалось отстоять от войска Кучлука Алмалык до прибытия

помощи из Монголии. Против другого вассала Чингиз-хана, Арслан-хана карлукского, Кучлук, по-видимому, ничего не предпринимал. Все свои силы он направил против Кашгарии; после завоевания им этой области там, в первый и последний раз в истории Средней Азии, произошло гонение против ислама; говорится о приказе мусульман принять одежду кара-китаев, о запрещении мусульманского богослужения, о казни одного из имамов в Хотане, о помещении в мусульманских домах найманских воинов, которые, очевидно, должны были следить за строгим исполнением приказов правительства. И в этом случае мусульмане не получили никакой помощи от «султана ислама» и освободились от притеснителей только в 1218 г. благодаря приходу монгольского войска.

Хорезмшах в это время продолжал войну с неверными, но направлял свои удары против менее сильных и организованных врагов — кипчаков в местности к северу от Сыр-Дарьи. Здесь, около Иргиза, произошло более или менее случайное столкновение между хорезмийским войском и монголами под предводительством Джучи, преследовавшими остатки мергитов.

Несмотря на свои неудачи, хорезмшах продолжал мечтать о славе мирового завоевателя, надеялся со временем овладеть Китаем и потому был огорчен известием о взятии в 1215 г. Чингиз-ханом Пекина. Чтобы проверить это известие и вообще собрать известия об успехах Чингиз-хана, им был отправлен посол Беха ад-дин Рази, заставший Чингиз-хана еще в Китае. Рассказ об этом посольстве передается историком Джузджани со слов самого посла и не вызывает никаких сомнений; следовательно, не халифом Насиром, а самим хорезмшахом было отправлено посольство к монгольскому завоевателю.

Известно, как сложились дальнейшие события, как к Чингиз-хану, независимо от посольства, пришел из государства хорезмшаха торговый караван, как потом были отправлены из Монголии ответное посольство и ответный караван, как хорезмшах принял посольство и потом ночью отдельно посла-хорезмийца, Махмуда, и как купцы, все мусульмане, были перебиты в пограничном городе владений хорезмшаха Отраре. Особенно характерно требование хорезмшаха, чтобы Махмуд, как хорезмиец, признал себя естественным подданным султана и сообщил ему все нужные сведения о государстве

Чингиз-хана. С точки зрения современного европейца, такое требование кажется вполне естественным, и, например, английское правительство не поколебалось бы предъявить его ко всякому англичанину, который бы случайно находился на службе в стране какого-нибудь дикого или полудикого народа; но средневековые мусульманские купцы не считали себя связанными с правительством тех областей, откуда они вышли, и не видели основания содействовать осуществлению воинственных планов мусульманских государей. Очень вероятно, что эти обстоятельства были одной из причин гибели в Отраре прибывших из Монголии мусульманских купцов. Во всяком случае, поход монголов на государство хорезмшаха после отрарского события был совершенно неизбежен, и ни в каком призывании монголов халифом Насиром или кем-нибудь другим не было надобности. При враждебных отношениях между халифом и хорезмшахом слухи о таких действиях халифа должны были возникнуть; мы знаем, что такое обвинение высказывал против халифа уже сын и преемник хорезмшаха Мухаммеда, Джелаль ад-дин, но доказательств у него не было. Поход Чингиз-хана на мусульманские земли был прямым последствием отрарского события; столь же естественно, что мусульманские купцы оказывали полное содействие Чингиз-хану и потом, как мы увидим, извлекли больше всего выгоды из порядков, создавшихся после победы монгольских войск.

IX

Известия о событиях, непосредственно предшествовавших монгольскому нашествию на Туркестан, несколько противоречивы; известия источников и мнения ученых расходятся даже по вопросу, произошло ли вооруженное столкновение между войском хорезмшаха и войском Джучи, кончившееся отступлением монголов, до или после отрарского события. В государстве хорезмшаха Мухаммеда была значительная поэтическая литература, преимущественно на персидском языке, касавшаяся и политических событий, но эта литература известна нам только по кратким ссылкам и цитатам. Сюда относятся: приведенные у Якута арабские стихи, сочиненные от имени самого хорезмшаха Мухаммеда, о разорении покинутых им окраин Мавераннахра; слова Ауфи о составляющей поэтом Меджд ад-дином Мухаммедом

Паизи в городе Не́са (в нынешнем Туркменистане, к западу от Ашхабада) поэме в эпическом стиле (Шаханшах-наме) о событиях царствования хорезмшаха; приведенные тем же Ауфи стихи поэта Омара Хурремабади, с прославлением хорезмшаха как второго Александра.

Столкновение около Иргиза не имело дальнейших последствий; нападающей стороной в этом случае был хорезмшах. Ни то, ни другое войско не ожидало этой встречи; хорезмшах воевал в этой местности с кипчаками, Джучи — с мергитами; Джучи даже велел передать хорезмшаху, что не имеет от своего отца поручений вступить с ним в борьбу, но получил ответ, что султан одинаково считает своими врагами всех неверных. Когда война сделалась для хорезмшаха оборонительной, она стала рассматриваться как защита областей ислама от нашествия неверных, хотя причиной войны было убийство в государстве хорезмшаха мусульманских купцов и хотя в 1218 г. монгольский полководец восстановил в Кашгарии свободу мусульманского богослужения; кроме того, в монгольском войске были мусульманские отряды из Каялыка и Алмалыка, не говоря уже о находившихся на службе у Чингиз-хана мусульманских купцах. Среди последних в то время, наверное, кроме таджиков, были и турки; монголы называли всех купцов турецким словом *ортак* 'товарищ', очевидно потому, что купцы для снаряжения караванов соединялись в товарищества.

Войско хорезмшаха состояло из представителей разных национальностей. Характерно, что в гарнизоне главного города Мавераннахра, Самарканда, число турок и таджиков, по словам Джувеини, было почти одинаково (60 000 турок, 50 000 таджиков). Возможно, что на стойкости этого войска несколько отражалась национальная рознь. По поводу отношений в начале XIII в. между Хорезмом и чисто иранской областью, Мазандераном, один из историков замечает, что настоящей дружбы между турком и таджиком быть не может. Еще более характерно столкновение в Газне между турками и уроженцами иранской горной области Гур; предводитель турок хотел достигнуть соглашения с предводителем гурцев, но получил ответ: «Мы — гурцы, а вы — турки, вместе жить мы не можем».

Монголам турки, конечно, были ближе представителей других национальностей; кроме того, в войске Чин-

гиз-хана было несколько турецких отрядов; наконец, турок оближали с монголами общие среднеазиатские кочевые традиции; тем не менее мы не видим со стороны монголов попытки объединиться с турками и сделать их участниками своих завоеваний. Если с турками иногда велись переговоры, то это была только обычная для монголов военная хитрость: посредством ложных уверений в дружбе они разъединяли своих врагов, чтобы потом уничтожить одних после других, в том числе и тех, которых раньше называли своими друзьями и союзниками. Чингиз-хан даже уверял в своей дружбе мать хорезмшаха Мухаммеда, в то время находившуюся во вражде со своим сыном, чтобы удержать царицу, в распоряжении которой были многочисленные отряды турок, от вмешательства в войну. Во время осады Самарканда монголы согласились принять к себе на службу турецкую часть гарнизона, во главе которой был дядя хорезмшаха, брат его матери; но после взятия города все эти турки, будто бы в числе 30 000 человек, под начальством 20 предводителей, были окружены на ровном месте и истреблены. Таким же образом монголы в Дагестане, где против них выступили аланы в союзе с кипчаками, сказали кипчакам, как туркам: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им». Получив от монголов подарки, кипчаки покинули алан, но после победы над аланами монголы тотчас обратились против кипчаков и отняли у них вдвое больше, чем раньше дали. Когда половцы, т. е. кипчаки, нашли помощь у своих постоянных врагов, русских, монголы стали уверять и русских князей, что не собираются нападать на русскую землю, а пришли только против своих «холопов и конюхов, поганых половцев» (выражение русского летописца), причинивших и русским много зла. Таким же образом монголы в Передней Азии некоторое время вели переговоры с теми же владельцами, которые потом были уничтожены монгольским нашествием, например, с исмаилитами и багдадским халифом. Султан Джелаль ад-дин, по-видимому в 1226 г., послал из Исфахана приказ своему везиру, действовавшему в Азербайджане, — обыскивать караваны, приходившие из Сирии, так как, по дошедшим до него сведениям, в Сирию отправился через Багдад вместе с исмаилитскими купцами татарский посол; Джелаль ад-дину нужны были доказательства, на основании которых он мог бы упре-

кать отдельных князей и правительство халифа в сношениях с татарами. Никаких доказательств добыто не было, хотя везир не остановился не только перед обысками, но и перед истреблением исмаилитских караванов, чем поставил потом в затруднительное положение своего государя. Слухи о переговорах тем не менее могли соответствовать действительности.

Хорезмшах Мухаммед, погибший, как известно, в конце 1220 г. на одном из островов Каспийского моря, так мало проявил себя в борьбе с монголами, что монголам оставалось неизвестным даже его имя; все действия правительства хорезмшаха во время войны и до нее, в том числе и убийство купцов в Отраре, приписываются монгольскими источниками сыну и преемнику Мухаммеда, Джелаль ад-дину. Бегство Джелаль ад-дина в Индию в конце ноября 1221 г. в сущности положило конец борьбе, хотя еще в следующие годы говорится об усмирении некоторых восстаний и взятии некоторых горных крепостей. Летом 1223 г. Чингиз-хан покинул Туркестан и лето 1224 г. провел на Иртыше. Еще при жизни Чингиз-хана, умершего в 1227 г., Джелаль ад-дин вернулся в Иран; некоторое время спустя, в 1228 г., монголы одержали над ним победу недалеко от Исфахана, но понесли такие потери, что должны были очистить Иран; отряды Джелаль ад-дина преследовали их до Аму-Дарьи, но никаких попыток поколебать власть монголов в Хорезме и Мавераннахре сделано не было.

Монгольские завоевания, по всем известиям, были связаны со страшным избиением населения. Европейскими учеными обыкновенно принимается в расчет только избиение кочевниками жителей культурных стран; на самом деле политическое объединение кочевников и в этом случае, как во всех других, было достигнуто только после долгой и кровавой борьбы, иногда связанной с систематическим истреблением целой народности, так что трудно было сказать, было ли истреблено войском Чингиз-хана больше народа в степи или в культурных странах. Столь же трудно было доказать, что монгольские завоевания принесли только выгоду кочевникам и только ущерб оседлому населению. Монгольские походы не были связаны, как, например, сельджукское нашествие на Переднюю Азию, с переселением целого народа; подавляющее большинство монголов осталось в Монголии, куда вернулся и сын Чингиз-хана и где после

него еще более тридцати лет было местопребывание его преемников. В области государственного права был перенесен господствовавший в частном праве принцип, по которому отец при жизни выделял одного за другим старших сыновей и оставлял свое основное имущество младшему сыну; поэтому коренной юрт²⁷ Чингиз-хана, Монголия, перешла к его младшему сыну, Тулуй. Монгольская регулярная армия состояла из 129 000 человек, из которых Тулуй получил 101 000; эти цифры наглядно показывают, как ничтожно было число ушедших в другие страны монголов по сравнению с оставшимися в Монголии.

Обширные завоевания к западу от Монголии были поделены между тремя старшими сыновьями Чингиз-хана, причем каждый из них получил из регулярной армии всего 4000 человек (остальные 15 000 были розданы другим членам ханского рода). Границы владений каждого сына были определены только в самых общих чертах. Как к младшему сыну должен был перейти отцовский юрт, так старший сын, Джучи, должен был получить самые отдаленные из завоеванных земель; поэтому удел Джучи по мере успехов Чингиз-хана все более передвигался на запад. В то время, когда Чингиз-хан владел только Монголией, уделом Джучи были земли к западу от Селенги; во время побед на западе предполагалось, что в состав удела Джучи войдут земли «до тех пределов, до которых дойдут копыта монгольских коней». При жизни Чингиз-хана сюда вошли кипчакские степи к западу от Иртыша, в том числе и та местность, где были истреблены остатки мергитов, до границ царства волжских болгар. После смерти Чингиз-хана в состав владений потомков Джучи вошли также это царство и все русские княжества (вторжение монголов в Польшу, Венгрию и другие западноевропейские области не привели, несмотря на целый ряд побед, к прочным завоеваниям). Потомками Джучи притязались также притязания на земли к югу от Кавказа и к западу от Каспийского моря; эти притязания были одной из причин частых войн между потомками Джучи и тем государством, которое в 1250-х годах было образовано монголами в Персии. Во время действий во владениях кара-

²⁷ Слово юрт означает 'страна' 'владение'; в современном османском (турецком) языке также 'родина'. Лишь в русском языке слово юрта получило значение 'кибитка кочевника'.

китаев и хорезмшаха, от Иртыша и на запад до Аму-Дарьи и дальше, о присоединении этих земель к владениям Джучи не говорится, за исключением городов по нижнему течению Сыр-Дарьи и Хорезма. Именно потому, что Хорезм должен был войти в состав его владений, Джучи в 1221 г. старался, хотя и безуспешно, спасти Ургенч от угрожавшего ему разорения. Большой интерес представляет факт объединения под одной государственной властью бассейна Волги и низовьев Аму-Дарьи, между которыми и прежде была тесная культурная связь, но которые никогда, ни раньше, ни после (до завоевания Туркестана русскими), не входили в состав одного и того же государства. В первой половине XIV в. Хорезм был даже теснее связан с бассейном Волги, чем с местностью по Сыр-Дарье; при хане Узбеке монеты с именем этого хана одинаково чеканились в городах бассейна Волги и в Хорезме, тогда как в Сугнаке в это время чеканились монеты с именем другого хана, хотя тоже происходившего из рода Джучи. В состав владений Джучи и его дома первоначально входили также северные окраины империи кара-китаев: часть Джетысуйской области с городом Каялыком и вообще вся местность от Иртыша к оз. Ала-куль и дальше к Или и Сыр-Дарье. Во время путешествия Плано Карпини в 1246 г. в восточной части этого района, вероятно недалеко от Иртыша, жил старший сын Джучи, Орда; западная часть, вероятно область между Или и Сыр-Дарьей, принадлежала младшему сыну Джучи, Шибану; мусульманским преданием это имя впоследствии было переделано в Шейбан, вследствие чего в начале XVI в. потомок Шибана, основатель узбекского государства в Туркестане, принял поэтическое прозвище Шейбани, совпадающее с названием арабского племени, более известным как прозвище (нисба) знаменитого факиха ханифитского толка, ученика Абу Ханифы и Абу Юсуфа. Очень вероятно, что это популярное в мусульманском мире имя было причиной переделки имени Шибан в Шейбан и появления имени Шейбани.

По преданию, приведенному у Абулгази, Шибан получил от своего брата Батыя земли между владениями самого Батыя и владениями Орды, с тем чтобы он проводил лето на берегах Иргиза, Ори, Илека и вообще к востоку от Яика и Уральских гор, зиму — в Каракуме, Аракуме (?), на берегах Сыр-Дарьи, Чу и Сары-су.

↓ Абулгази — поздний автор (XVII в.) и не называет своих источников; но в общем его известия, как мы видели, находятся в согласии со словами современника Орды, Батыея и Шибана — Плано Карпини. Потомки Шибана действовали и в других местах; по Рашид ад-дину, внук Шибана стоял во главе караула на Тереке; но владения Шибана оставались до XV в. в руках его потомков, генеалогия которых приводится, без особенно значительных разногласий, у Абулгази и у анонимного историка XV в., автора генеалогического сочинения *Му'изз ал-ансаб*. Из всех частей, на которые распались владения Джучи, во владениях потомков Шибана более всего преобладала кочевая жизнь; тем не менее и здесь в течение более 200 лет власть могла оставаться в руках членов одного и того же ханского рода — явление довольно редкое у кочевников. Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингиз-хана почти везде находилось в полном упадке.

Вместе с некоторыми другими аналогичными фактами этот факт говорит против мнения Радлова, объясняющего продолжительность существования монгольской империи, сравнительно с другими кочевыми государствами, только тем, что в состав этой империи вошло много значительных государств оседлых народов и потому она распалась не на союзы кочевых племен, но на культурные государства, стоявшие под властью потомков Чингиз-хана: Китай, Среднюю Азию, Персию и т. п. На самом деле господство потомков Чингиз-хана оказалось прочнее всего там, где они менее всего могли опираться на государственные традиции домоногольского периода — в кипчакских степях, в бассейне Волги и в Крыму. По-видимому, для прочности государственного порядка созданная гением Чингиз-хана военная организация имела меньше значения, чем те советы в области гражданского управления, которые могли быть получены от представителей оседлой культуры.

Последние были, конечно, склонны преувеличивать то влияние, которое они имели на ханов, и благодетельные последствия этого влияния. В особенности это относится к китайцам, не признававшим культуры, кроме

своей собственной, и представлявшим себе прогресс только в виде усвоения начал китайской культуры. Этим объясняется та роль, которую приписывают китайские известия министру Елюй Чу-цаю, китайцу по образованию, но не по происхождению (он был из кара-китаев). Из китайских источников можно было бы вывести заключение, что Елюй Чу-цай был истинным устройтелем монгольской империи; взгляд китайцев, несмотря на полное отсутствие сведений о Елюй Чу-цае в некитайских источниках, был принят и новейшим европейским издателем Рашид ад-дина Блоше; по его представлению, только Елюй Чу-цай объяснил монгольским ханам, что нельзя ограничиваться избиением и порабощением населения культурных стран. Влиянию Елюй Чу-цай и вообще представителей китайской культуры, по словам Блоше, не подверглось только государство Джучи, и потому оно осталось погруженным в «невыразимое варварство».

На самом деле западная часть владений Джучи, где правил его второй сын Батый (Бату), считавшийся также верховным владыкою всего удела своего отца, достигла при монголах значительной степени культуры. Довольствуясь взиманием дани с русских князей и назначением при них, в первое время, своих представителей, монголы поселились в уничтоженном ими государстве волжских болгар. При возвращении из России к Чингиз-хану в 1223 г. монголы были окружены болгарами и должны были проложить себе путь с большими потерями; за это они отомстили в 1236 г., когда им удалось завоевать государство болгар и разрушить их столицу. Разрушенный город скоро был восстановлен; все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества. Город Болгар был некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей видно, что население еще в начале XIV в. сохраняло свой прежний, домонгольский язык, остатком которого является теперь чувашский; но постепенно оно должно было подвергнуться влиянию турецкого языка кипчаков, постепенно сделавшегося государственным языком и здесь, как в монгольской Средней Азии. Города, основанные в XIV в. на среднем течении Волги при монголах, как Казань, по всей вероятности, с самого начала были чисто турецкими. На нижнем течении Волги

новые города устраивались уже при Батые. Монах Рубрук на пути в Монголию в 1253 г. видел на Волге «новый поселок, который татары устроили вперемешку из русских и сарацинов (мусульман), перевозящих послов как направляющихся ко двору Батыя, так и возвращающихся оттуда». Имеется в виду известный впоследствии Укек близ Саратова. При возвращении из Монголии, в 1254г., Рубрук упоминает «новый город, построенный Батыем на Этиле» (Волге), — Сарай. Сам Рубрук проехал через Сарай, но говорит только, что «Сарай и дворец Батыя находились на восточном берегу»; ни город, ни дворец не описываются. Вблизи тех же мест, на среднем рукаве Волги, был какой-то город домонгольского периода Суммеркент; монголы будто бы осаждали этот город восемь лет.

Город Суммеркент не упоминается ни в каких других источниках; остается неизвестным, какой национальности он принадлежал и можно ли отождествить его, как иногда предлагалось, с Саксином, городом, находившимся, по словам автора XII в. Абу Хамида Гарнати, в руках огузов. Местоположение Саксина также остается спорным, но чаще всего его искали при устье Яика или Волги (Саксин XII в. в таком случае не имеет ничего общего с тем Саксином, который упоминается у Махмуда Кашгарского как болгарский город, тождественный с Суваром), Нигде, впрочем, не говорится, чтобы монголы встретили в Саксине продолжительное сопротивление.

Сарай — персидское слово, рано перешедшее к туркам и встречающееся уже в *Кутадгу билик*. При монголах так обыкновенно назывались ханские дворцы, и это же название переносилось на возникавшие около дворцов города. Так возникли селение Сарай на Аму-Дарье, выше Термеза, Сарай на Волге и Бахчисарай, в Крыму. О местоположении приволжского Сарая в научной литературе были споры; в связи с упоминанием на монетах и в некоторых письменных источниках Нового Сарая обсуждался также вопрос, принадлежало ли название Сарай двум городам или только одному. Судя по данным Рубрука, первоначальный Сарай, построенный Батыем, находился там, где теперь развалины вокруг селения Селитренного; другой Сарай, связывавшийся с именем брата Батыя, Берке, находился на месте Царева (ныне Ленинск) и имел, судя по сохранившимся там

развалинам и по сделанным во время раскопок находкам, гораздо большее значение в истории. Еще в настоящее время делаются попытки доказать, что на месте Селитренного находился не только Сарай Батия, но и Сарай Берке и что Новый Сарай на месте Царева возник только при Узбеке и получил дальнейшее развитие при Джанибеке; между тем в источниках Сараем Берке называется именно Сарай, существовавший при Узбеке. До нас дошла монета, чеканенная в Новом Сарае в 710/1310-11 г. до воцарения Узбека; кроме того, в Константинополе, как мне сообщили, имеется рукопись богословского сочинения, написанного в Новом Сарае в 705/1305-06 г. Эпитет «новый» встречается на монетах в эпоху монгольского владычества в Южной России при таком большом числе городов, что трудно предположить, что во всех этих случаях были два города, старый и новый, носившие одно и то же имя; гораздо более вероятно, что при расширении города новые кварталы рассматривались как «новый» город.

В противоположность восточным областям владений Джучи, в государстве преемников Батия и Берке все более развивалась городская жизнь. Мы видим целый ряд городов, в которых чеканились монеты; особенно замечательно, что каждый город выработал свой тип монеты. Ценность монеты была приблизительно одинакова, и в этом отношении мы видим в монгольский период больше единообразия, чем когда-либо раньше или после. Во всех государствах, образованных монголами, кроме Китая, постепенно установилась серебряная монетная система, причем большие серебряные монеты назывались динарами, мелкие — дирхемами; динар равнялся шести дирхемам. В государстве потомков Джучи для дирхема был установлен вес $1/3$ золотника (мискаль), и этот же вес был потом принят в Средней Азии и в Персии, в чем особенно наглядно проявляется то значение, которое имели в то время для международной торговли области государства потомков Джучи, в особенности Хорезм. Но по отношению к внешнему виду монет, характеру надписей, внешней форме букв, орнаменту и т. п. в каждом городе были свои традиции. В связи с этим возникает вопрос, насколько по культурной жизни отдельных городов можно судить о культурном состоянии государства потомков Джучи в целом. На основании находок, сделанных за последнее время

в Сарае и в других местах, стали говорить о культуре Золотой Орды, как называется государство Батыея в русских летописях (в восточных источниках этого названия, насколько мне известно, нет), и даже о культуре татарского народа. Потребуется, вероятно, еще продолжительные исследования, прежде чем можно будет сказать с уверенностью, какая национальность преобладала в том или другом городе или местности и как произошла культурная эволюция, окончившаяся победой ислама и турецкого языка.

Монгольский элемент не мог быть в Золотой Орде значителен, и преобладание турецкого языка, вероятно, установилось довольно скоро, особенно с тех пор, как прекратилась связь Золотой Орды с Монголией. Батый и при его жизни Берке еще принимали участие в решении всей империи на области влияния Батыея и жившешели в Монголию. Рубрук в 1253 г. говорит о разделении всей империи на области влияния Батыея и жившего в Монголии императора Мункэ; граница между этими областями проходила между реками Талас и Чу. Мусульманские авторы тоже говорят о подчинении власти Батыея и потом Берке городов Мавераннахра; только после 1260 г. в Средней Азии утвердился власть Алгуя, потомка второго сына Чингиз-хана, Чагатая, и даже распространилась на некоторые области, с самого начала входившие в состав Золотой Орды; Алгуй занял Хорезм, через несколько лет также отнял у Берке и разрушил город Отрар. Эти области потом снова вошли в состав Золотой Орды, но дальше к востоку власть золотоординских ханов не простиралась; уже в царствование Берке (1257—1266) золотоординский хан из второго лица в монгольской империи сделался владельцем самостоятельного государства, хотя только следующий хан, Менгу-Тимур (1266—1280), стал чеканить монеты со своим именем. Номинально золотоординскому хану подчинялись все другие ханы из дома Джучи, в том числе потомки Орды и Шибана, но это подчинение не имело действительного значения. Некоторые историки называют Золотую Орду Синей, владения потомков Орды — Белой, причем употребляются не монгольские слова, а турецкие — *көк* и *ак*. Однако в некоторых источниках термин «Синяя орда» прилагается к владениям потомков Орды; один анонимный историк начала XV в. даже утверждает, будто деление на орды Белую (во-

сточную) и Синюю (западную) образовалось только при хане Тохте (1290—1312; настоящая монгольская форма этого имени, как видно из письма монгольского хана Персии французскому королю в 1305 г.,— Тогтага) после борьбы между ним и мятежным царевичем Ногаем (Ногай был убит в 1300 г.); по этому источнику, ханы Белой орды были потомками Ногая, что совершенно не соответствует действительности и показывает, как неверно представляли себе уже в XV в. в Персии (где писал аноним) историю потомков Джучи. Абулгази называет Белой ордой владения Шибана. Если не принимать в расчет владений потомков Орды и Шибана, то Золотая Орда с самого начала была более сплоченным государством, чем владения других потомков Чингиз-хана. В отдельных местах были царевичи, имевшие свои орды и располагавшие особыми военными отрядами, хотя и признававшие над собой власть хана; о торговом городе Судак в Крыму один из египетских авторов говорит, что доходы его делились между четырьмя татарскими царями; но никаких всесильных династий домонгольского происхождения на всем пространстве Золотой Орды от Дуная до Хорезма и низовьев Сыр-Дарьи не было.

Монголы принесли с собой и в Золотую Орду, как везде, уйгурскую письменность, которая до них в стране едва ли была известна. До нас дошли написанные уйгурскими буквами золотоордынские ярлыки конца XIV в.; к этому же периоду относятся последние монеты хана Тохтамыша, где уйгурскими буквами написано имя хана. Употребление уйгурского шрифта мы видим только на монетах, чеканенных в Сарае, притом не всегда. Эти монеты показывают, что имя хана иногда произносилось монголами, вероятно и некоторыми турками, иначе, чем оно писалось арабским шрифтом; так, имя хана Джанибека (1341—1357) писалось уйгурскими буквами *Чамбек*. По словам Абулгази, монгольский язык даже в XV в. еще не вполне вышел из употребления, но доказательств этого нет. Монет с монгольскими подписями в Золотой Орде не было, тогда как встречаются монеты с турецкой надписью *кутлуг болсун*, хотя только анонимные и, вероятно, поздние. Ибн Баттута, посетивший орду хана Узбека, слышал там только турецкие слова; так, среди женщин придворного штата упоминаются *улу хатун* и *күчүк хатун*, т. е. большая и малая *хатун*. Сам же хан называл своего духовного наставника из

сейидов²⁸ турецким словом *ата* 'отец'. Турецкий язык употреблялся и в мусульманском богослужении; в городе Азаке в присутствии Ибн Баттуты проповедник произнес проповедь по-арабски, молясь за султана (т. е. хана Узбека), за эмира (эмир Азака был по происхождению хорезмиец) и за присутствующих, потом он же перевел свою речь на турецкий язык. Правда, это происходило не в мечети, а на пиру; после чтения Корана пели песни, сначала по-арабски, потом по-персидски и по-турецки. Ибн Баттута прибавляет, что арабские песни назывались 'разноцветными', 'пестрыми'; так впоследствии называлась речь, в которой арабские слова смешивались с персидскими и турецкими.

Распространение ислама, может быть, было больше связано с влиянием турок Хорезма и Средней Азии, чем с влиянием волжских болгар. Местные турки, кипчаки, еще в домонгольский период подвергались влиянию христианства с двух сторон, из России и Западной Европы; что эта пропаганда продолжалась и в монгольский период, видно из относящегося к концу XIII в. команского (кипчакского) словаря, где приводятся в переводе на турецкий язык тексты Евангелия и католические гимны (так называемый *Codex Comanicus*). Перевод сделан очень удачно и свидетельствует о хорошем знании языка миссионерами. Еще Ибн Баттута видел кипчаков-христиан в Крыму; между Керчью и Кафой. В Крыму были и местные христиане других национальностей. В начале 1382 г. в Каире умер Анас, отец будущего султана Баркука, черкес, происходивший из Крыма; о нем говорится, что он прежде был христианином, потом принял ислам. Он и в Египте не научился хорошо говорить ни по-арабски, ни по-турецки и говорил только по-черкесски, так что при нем должен был быть переводчик.

Под влиянием культурного превосходства в то время мусульманского мира ислам принимали представители и таких народностей, где традиции христианства были продолжительнее и прочнее, чем среди кипчаков. Аланы, или асы, всегда, в том числе у Рубрука, описываются как христиане; между тем Ибн Баттута видел в Сарае асов-мусульман. Насильственных мер для обраще-

---

²⁸ *Сейид* (сенд, араб.— господин; глава племени)— почетный титул в странах распространения ислама.

ния христиан в мусульманство не принималось; христианское духовенство наравне с мусульманским освобождалось от податей; в самом Сарае в 1261 г., в царствование хана-мусульманина Берке, была основана православная епархия.

О принятии Берке ислама впоследствии приводились разные известия; так, по Абулгази, он был обращен в мусульманство, уже будучи ханом, двумя купцами, прибывшими с караваном из Бухары; по другим известиям, он еще до вступления на престол подвергся влиянию мусульманских шейхов в Ходженде или в Бухаре (называют знаменитого Сейф ад-дина Бахарзи, умершего в 1261 г.); на Берке даже была перенесена легенда, рассказанная у Рашид ад-дина об Огуз-хане, об отказе пить молоко матери-язычницы. Из рассказа Рубрука видно, что Берке был мусульманином еще при жизни Батыея, в 1253 г., и в его орде не употреблялось свиное мясо; известно, что то требование ислама и теперь больше всего проводится в жизнь даже там, где всего труднее его соблюдать, именно в Китае, где свиное мясо составляет главную мясную пищу населения. Орда Берке находилась тогда между Дербентом и Волгой, где, по словам Рубрука, «лежал путь всех сарацинов (мусульман), едущих из Персии и Турции»; направляясь к Батыею, они привозили дары Берке. Рубрук прибавляет, что в 1254 г. Батый велел Берке переселиться в местность к востоку от Волги, не желая, чтобы Берке доставалась часть даров, привозившихся послами. На почве общей вражды с персидскими монголами Берке впоследствии сблизился с египетскими султанами и принимал несколько египетских посольств, которым мы обязаны подробным описанием орды Берке и его наружности. Мусульманином был не только сам хан, но и его жены и приближенные; у каждой из его жен и у каждого эмира были имам и муэzzин²⁹; были школы, где детей учили читать Коран; и в то же время языческие обычаи соблюдались с такой же строгостью, как в Монголии, в том числе и обычаи, более всего находящийся в противоречии с требованиями ислама: не употреблять речной воды для мытья. Египетских послов предупредили, чтобы они «не мыли платья в орде, а если уж случится мыть его,

---

²⁹ *Муэzzин* — мусульманский служитель, возвещающий правоверных с минарета о начале культовой службы.

то делать это тайком». В большей степени должны были усвоить мусульманскую культуру те из современников Берке, которые прибыли из Золотой Орды в Египет. Известно, что Берке выдал свою дочь за султана Бейбарса (1260—1277); от этого брака родился первый преемник Бейбарса, Са'ид-хан Мухаммед, которого называли также Насир ад-дин Берке-хан; очевидно, он, кроме мусульманского имени, носил монгольское. Египетский историк Кутуби, автор *'Уйун ат-таварих* (рукопись этой части сочинения Кутуби имеется в Константинополе) относит его рождение к 658 г. х. (1260 г.), что едва ли возможно; сношения между Берке и египетским правительством начались только в 1262 г. В апреле 1279 г. молодой султан вместе со своей матерью, дочерью Берке-хана, прибыл в Дамаск. Вскоре после этого в Сирии произошло восстание; султан послал свою мать уговаривать мятежников; при ее приближении вельможи вышли ей навстречу, поцеловали землю перед ее носилками и разложили под копытами мулов ткани, согласно обычаю. Переговоры, по вине приближенных царицы, кончились безуспешно; султан отправил свою мать в крепость Карак и потом сам был сослан туда же. По словам Кутуби, он отличался щедростью и милосердием и был чужд жестокости; его щедрость проявилась и в Караке, что вызвало подозрение его тестя Калавуна, к которому перешла власть. В марте 1280 г. султан умер, причем полагали, что он был отравлен по приказу Калавуна; его жена Газия-хатун, дочь Калавуна, не переставала плакать о нем до своей смерти (она прожила до 1288 г.). В 1281 г. мать султана привезла тело своего сына в Дамаск, где оно было похоронено в мавзолее Бейбарса.

Египетские послы, бывшие в орде Берке, вполне определенно говорят, что у хана не было сына, а были только дочери; между тем, по Кутуби, в феврале 1280 г. умер в Каире дядя султана со стороны матери, эмир Бедр ад-дин Мухаммед, сын Берке-хана; говорится, что он писал арабские стихи, составившие два тома; кроме того, ему приписывается целый ряд богословских сочинений, в том числе толкование Корана. Он умер в Каире скоропостижно (упал с высокого места), не достигнув пятидесяти лет.

После смерти Берке в Золотой Орде снова правили

ханы-язычники; окончательное утверждение ислама произошло только при Узбеке (1312 или 1313—1340). По Ибн Баттуте, наставником Узбека был один из сейидов, Абд ал-Хамид. Есть рассказ, по которому Узбек обращал в ислам и дал ему имя Султан Мухаммед Узбек-хан, туркестанский шейх Сейид-Ата (его собственное имя было Ахмед), ученик похороненного близ Ташкента Зенги-Ата; это будто бы произошло в 720 г. х., в год курицы (1321 г.). При этом рассказывается легенда, как святой потом увел народ Узбек-хана в Мавераннахр, где он по имени хана стал называться узбеками, тогда как не послушавшиеся шейха и оставшиеся в Туркестане получили название *калмак* (будто бы от глагола *калмак* 'оставаться'). Эта легенда, конечно, фантастичная, но народное название узбеков производят от имени Узбек-хана и другие источники, в том числе Абулгази; по аналогичным примерам эту этимологию, по-видимому, надо признать правильной, вместо принятого многими учеными, в том числе Радловым, толкования *о́з бе́г* в смысле 'сам себе господин'. Историки XV в. часто называют государство, или улус, потомков Джучи улусом Узбека; в Средней Азии впоследствии слову *узбек*, как народному названию, противопоставалось слово *чагатай*, как, по имени второго сына Чингиз-хана, назывались составлявшие военную силу местных ханов кочевники Туркестана.

Среднеазиатские шейхи оказывали влияние на золотоордынских ханов и после принятия ими ислама. В 1360-х годах в Сарае некоторое время правил Азиз-хан (на монетах Азиз-шейх); хан вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам другого Сейид-Ата, именно сейида Махмуда Ясеви, потомка Ахмеда Ясеви. Хан послушался сейида, выдал за него свою дочь и выразил раскаяние, но через три года вернулся к прежнему образу жизни и был убит.

В первой половине XV в., по-видимому, все воинское население улуса Узбека рассматривалось как один народ; по мере распада Золотой Орды и утраты самостоятельности отдельными ее частями слово *узбек* как народное и государственное название совершенно исчезло из употребления в Южной России и осталось только за теми племенами, которые перешли в Туркестан. Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государ-

ственным языком был монгольский, так и после отуречения всей страны. «Татарскими» были все ханства, с которыми имели дело русские в XV и XVI вв.,— Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское. Из этих ханств дольше всего, как известно, существовало Крымское, и здесь, казалось, прочнее всего установился термин *татары*; так называли крымцев, кроме русских, и турки-османы, подчинившие себе Крым в 1475 г. Известно, что теперь именно крымцы отказываются от названия татар и называют себя турками, тогда как на Волге местная интеллигенция, после некоторых споров, приняла слово *татар* как название своего народа, вследствие чего возникла Татарская республика. Русские некоторое время употребляли название *татары* очень широко; еще Радлов иногда называл татарами узбеков и вообще говорящих по-турецки жителей Средней Азии. С тех пор этому названию старались придать более определенное значение, но и теперь едва ли можно считать установленными этнографические и лингвистические признаки татарской народности среди других турецких народов.

В XV и в особенности XVI в. упоминается, кроме татар, еще народ ногайцы, составлявший не только этнографическую, но и политическую единицу и имевший своих князей; центром ногайцев тогда был город Сарайчик (т. е. Малый Сарай) при устье Яика, место погребения золотоордынских ханов. Начиная с Абулгази, Сарайчик часто смешивали с Сараем; в русской науке тоже была сделана попытка отождествить Сарайчик с Новым Сараем. Политическому значению ногайцев здесь положило конец образование во второй половине XVI в. яицкого казачьего войска, сначала независимого от Москвы, в XVII в. подчинившегося московским царям. Замечательно, что термин *ногайцы* употребляли в то время только русские; в восточных источниках, в том числе у Абулгази, ногайцы называются *мангытами*, по имени одного из отуреченных монгольских народов. Теперь, наоборот, слово *ногай* употребляется в Средней Азии в более широком значении, чем в России, и ногаями там называют и волжских татар. В Южной России теперь, наоборот, слово *ногай* употребляется в Средней Крыму и на Северном Кавказе, причем диалект ногайцев, как народности, образовавшейся уже в монгольский период, отличают от более старых и более близких язы-

ку домонгольских кипчаков диалектов кумыков, карачаевцев и балкарцев.

Еще менее выяснен до сих пор вопрос, как сложилась в XIII и XIV вв. этнографическая и политическая жизнь турок и отуреченных монголов в Средней Азии. К этому вопросу мы обратимся в следующей лекции.

Х

Если золотоордынские ханы, по отдаленности их владений от Монголии, с самого начала были до некоторой степени самостоятельными государями, то гораздо менее определенным было политическое устройство завоеванных монголами областей Туркестана и вообще Средней Азии. Несомненно, что Чингиз-хан хотел предоставить свои завоевания к западу от Монголии своим трем старшим сыновьям и что все три царевича осуществляли свои права еще при жизни своего отца; но совершенно неясен вопрос как о границах владений каждого из них, так и об объеме их прав по сравнению с правами главы империи. Замечательно, что, несмотря на обширность империи, орды всех трех царевичей находились сравнительно близко одна от другой. Орда Джучи находилась на верхнем Иртыше, и там же он, по более ранним источникам, был похоронен, хотя впоследствии его могилу показывали гораздо западнее, на Сары-су, во владениях Шибана, что было бы более согласно с монгольским обычаем, по которому орда отца переходила к младшему сыну; на Иртыше после Джучи жил его старший сын, Орда. Несколько южнее, на берегу реки Эмиль, впадающей в Ала-куль, была орда третьего царевича, впоследствии императора, Угэдэя; место погребения Угэдэя было, по словам Рашид ад-дина, на высокой горе в двух днях пути от Иртыша, откуда вытекал один из притоков этой реки. Китайский отшельник Чанчунь, проезжавший здесь в 1221 г., упоминает о дороге через Алтай, проведенной во время прохода монгольского войска по приказу Угэдэя, из чего можно заключить, что Угэдэй при жизни своего отца считался владельцем и этой местности. Точного определения границ владений Угэдэя мы не находим ни в одном из источников; Джувейни говорит только, что *юрт* Угэдэя при жизни его отца находился «в пределах Эмиля и Кобука»; известно, что эти две реки вытекают приблизительно в одном и том же месте и текут одна на запад, другая на восток.

Гораздо определеннее говорится у того же Джувейни об орде и владениях второго царевича, Чагатая; его орда была «в месте Куяш, по соседству с Алмалыком»; его владения простирались «от границ области уйгуров до Самарканда и Бухары». По словам Чан-чуня, Чагатай первым провел дорогу мимо оз. Сайрам и через перевал Талки; он же в 1222 г. восстановил разрушенные во время войны мосты на Аму-Дарье. О местоположении Куяша и орды Чагатая мы знаем по другим источникам, что они находились в Кульджинском крае, к югу от р. Или; мы видели, что Куяс упоминается уже у Махмуда Кашгарского как город, расположенный «за Барсханом»; в другом месте сказано, что название Каяс, или Куяс, носит вся область тухсийцев и чигилей, причем были три крепости с этим названием: Саблыг-Куяс, Урунг-Куяс, и Кара-Куяс. Орда Чагатая и его ближайших потомков упоминается у Джувейни также под турецким названием Улуг-Ив, т. е. 'Большой дом'; появление турецкого названия для орды монгольского хана в такой ранний период представляет интерес. О месте погребения Чагатая и его потомков нет никаких сведений.

Таким образом, орды трех старших сыновей Чингизхана находились сравнительно на небольшом пространстве от верхнего Иртыша до местности к югу от Или. Уже из этого видно, что на эти орды нельзя смотреть как на столицы трех отдельных государств. Особенно неясным остается положение владений Чагатая и Угэдэя по отношению к Монголии. После смерти Чингизхана Угэдэй был избран императором и переехал в Монголию, где построил город Каракорум и несколько дворцов как в самом городе, так и в его окрестностях и где, очевидно, осуществлял все права государя, не считаясь с правами Тулуя как наследника отцовского юрта, т. е. Монголии. Несмотря на подчинение Чагатаю земель до Самарканда и Бухары, Мавераннахром управлял Махмуд Ялавач, живший в Ходженде и назначенный не Чагатаем, а Угэдэем; таково было положение еще в 636/1238—39 г., во время народного, преимущественно крестьянского восстания против монголов в Бухаре. Вскоре после этого Чагатай, не посоветовавшись с братом, низложил Махмуда и назначил вместо него другого наместника; когда Махмуд пожаловался Угэдэю, Чагатай в ответ на запрос послал брату извинительное письмо; Угэдэй удовлетворился этим, утвердил распоряже-

ние Чагатая и пожаловал ему Мавераннахр во владение (употреблен монгольский термин *инджу*). Можно было бы думать, что после того Мавераннахром будут управлять наместники по назначению Чагатая; между тем еще при Угэдэе, по словам Рашид ад-дина, наместником Кара-Ходжа и Бешбалыка (т. е. Уйгуристана, Хотана, Кашгара, Алмалыка, Каялыка), Самарканда и Бухары до берега Джейхуна был назначен, опять-таки Угэдэем, Мас'уд-бек, сын Махмуда Ялавача (сам Махмуд Ялавач был назначен губернатором Пекина и в этой должности умер в 1254 г.). Персидский историк Джузджани не мог представить себе таких государственных порядков и потому ошибочно называет Мас'уд-бека министром Чагатая. Мы имеем известия, что Мас'уд-бек осуществлял права на всем обширном пространстве своего наместничества, от Бешбалыка до Самарканда и Бухары; особое предпочтение им было оказано Бухаре, где им было построено обширное медресе Мас'удийе; это здание было разрушено в 1273 г. персидскими монголами, но потом восстановлено, и в 1289 г. в нем был похоронен его строитель. Другое Мас'удийе было построено им в Кашгаре, куда в начале XIV в. перенес свое местопребывание третий сын Мас'уд-бека. Замечательно, что мусульманский купец-хорезмиец мог сохранить свою власть при политических переменах, происшедших при его жизни в Средней Азии, и передать ее своим сыновьям.

Одной из причин смут в монгольской империи было отсутствие закона о престолонаследии. После смерти каждого хана подвергался долгому обсуждению вопрос о его преемнике; требовалось признание его всеми членами ханского рода и торжественное возведение его на престол при их участии, для чего созывался курултай; воля предшествующего хана принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей. Между смертью хана и курултаем, на котором происходило восшествие на престол его преемника, проходило несколько лет; правительницей в это время считалась вдова умершего, но ее власть признавалась не всеми, и многие царевичи произвольно распоряжались в своих областях, не считаясь с правами главы империи.

Таким смутным периодом был уже период после смерти Угэдэя (1241 г.) и до возведения на престол (вопреки воле умершего, назначившего другого наслед-

ника) его сына Гуюка (1246 г.). Среди прочих в это время почувствовал себя небезопасным в своем наместничестве Мас'уд-бек и ушел к Батыю; но еще до избрания Гуюка он мог вернуться, и, как наместник, явился на курултай 1246 г. Гуюк утвердил его наместником «Мавераннахра, Туркестана и других областей».

Гуюк умер уже в 1248 г.; после него престол перешел к потомству другого сына Чингиз-хана, Тулуя, и в 1251 г. был провозглашен главой империи старший сын Тулуя, Мункэ. Тотчас после его вступления на престол возникло дело о действительном или мнимом заговоре против него многих царевичей из рода Чагатая и Угэдэя; обвиненные в заговоре царевичи частью были казнены, частью подвергнуты изгнанию; произошел почти полный разгром улусов Чагатая и Угэдэя. Формально эти улусы не были уничтожены; вдова Гуюка осталась в его орде в Эмиле, вдова Кара-Хулагу, внука Чагатая, Эргэнэ-хатун, осталась владельницей орды Чагатая; но в действительности вся власть перешла к домам Тулуя и Джучи, а Мункэ-хан в 1253 г. говорил Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Батыя». По словам Рубрука, граница между сферами влияния Мункэ и Батыя проходила к востоку от Таласа, так что часть земель улуса Джучи входила в сферу влияния Мункэ.

О действиях Мас'уд-бека во время смутного периода и заговора сведений нет; говорится только, что жизнь его подвергалась опасности из-за его привязанности к Мункэ. После установления порядка границы наместничества Мас'уд-бека были еще более расширены: ему были подчинены Мавераннахр, Туркестан, Отрар, область уйгуров, Хотан, Кашгар, Дженд, Хорезм и Фергана. Осенью 1253 г. из Монголии выступил с войском брат Мункэ, Хулагу, которому было суждено завоевать Багдад, уничтожить династию аббасидских халифов и образовать новое монгольское государство в Передней Азии. Войско Хулагу, как прежде Чингиз-хана, двигалось медленно и только в начале 1256 г. переправилось через Аму-Дарью. В 1254 г. его встретила в Алмалыке и Улуг-Иве Эргэнэ-хатун; около 1255 г. оно провело срок дней в окрестностях Самарканда, где его угощал Мас'уд-бек.

После смерти Мункэ-хана (1259 г.) положение снова

изменилось. Произошла борьба за престол между его братьями Хубилаем и Арик-Букой; первый был провозглашен великим ханом в Китае, второй — в Монголии. Вследствие этого прекратился подвоз хлеба из Китая, в котором нуждалась Монголия; Арик-Бука решил отправить на запад чагатайского царевича Алгуя, чтобы устроить подвоз провианта и необходимых товаров, в том числе оружия, из Туркестана. Алгуй быстро подчинил своей власти все бывшие области чагатайского улуса, даже захватил Хорезм, входивший в состав улуса Джучи, но, разумеется, сделал все это для себя и не думал выполнять поручений Арик-Буки. Эргэнэ-хатун отправилась к Арик-Буке с жалобой на Алгуя; туда же, вероятно, уехал и Мас'уд-бек. Арик-Бука потом вступил в борьбу с Алгуем, но после некоторых успехов потерпел поражение. Покидая Туркестан, он послал к Алгую Эргэнэ и Мас'уд-бека; Алгуй женился на Эргэнэ и послал Мас'уд-бека наместником в Самарканд и Бухару. С помощью денег, собранных Мас'уд-беком, Алгуй до своей смерти, последовавшей, вероятно, в 1266 г., успел еще завоевать Отрар, входивший в состав владений Берке.

После смерти Алгуя чагатайским ханом был провозглашен на берегу Ангрена сын Эргэнэ от первого брака, Мубарек-шах, мусульманин; у него потом отнял престол посланный Хубилаем, одержавшим победу в Монголии, другой чагатайский царевич, Борак (Барак); Борак в свою очередь должен был подчиниться Хайду, внуку Угэдэя, сначала находившемуся в войске Арик-Буки, потом, после его ухода, самостоятельно продолжавшему войну против Алгуя и его преемников. Хайду в 1269 г. созвал курултай на берегу Таласа. Между прочим были приняты меры для защиты культурных земель от кочевников; царевичи обязались жить в горах и степях и не выпускать своих стад на пашни. Управление культурными областями было поручено тому же Мас'уд-беку. Он и его два старших сына получили назначение от Хайду, третий сын Мас'уд-бека — от сына и преемника Хайду Чапара, возведенного на престол в местности около Эмиля в 1303 г.

Местопребыванием Хайду и его преемника оставалась местность, с самого начала принадлежавшая Угэдэю, хотя место погребения Хайду находилось в горах между Чу и Или. Несмотря на то что верховная власть принадлежала потомкам Угэдэя, возводились на престол

и чагатайские ханы; дольше всего (1282—1306) ханом был сын Борака, Тува, переживший Хайду. Нет никаких известий о том, были ли установлены границы между улусами Угэдэя и Чагатая.

Даже вопрос о границах в Средней Азии между улусами четырех сыновей Чингиз-хана в это время остается неясным. На севере в состав улуса Тулуя, по-видимому еще в первой половине XIII в., вошли некоторые земли, причислявшиеся прежде к владениям Джучи, в том числе земля киргизов. Об этом ясно говорится в истории Хубилая; кроме того, мы имеем у Абулгази интересный рассказ, правда не подтверждаемый никакими другими источниками, о походе монголов из страны киргизов к устью Енисея, в страну Алакчин. Поход был произведен по распоряжению вдовы Тулуя, царицы Сурхуктани, следовательно, в промежуток времени между смертью Тулуя (год змеи, 1233) и смертью царицы (в феврале 1252 г.). На северо-западе владения Хубилая, по-видимому, доходили до Иртыша. Есть известие, что граница между владениями Хубилая и Хайду проходила близ Каялыка, но с этим трудно было бы привести в согласие известие о возведении на престол Чапара в местности около Эмиля.

При описании областей нынешнего Китайского Туркестана Марко Поло причисляет к владениям Хубилая Хотан и области к востоку от него; но тут же сказано, что земли «от Кашгара досюда и еще далее принадлежат к Великой Турции», как называется у самого Марко Поло государство Хайду. О Яркенде определенно говорится, что он принадлежал племяннику великого хана, как Марко Поло называет по ошибке того же Хайду. Интересно известие Рашид ад-дина, что область уйгуров во время борьбы между Хубилаем и Хайду оставалась нейтральной; уйгуры старались поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами. По-видимому, там правила все еще династия идикутов. Подчинившийся Чингиз-хану в 1209 г. идикут Барчук принимал участие в походе 1218 г. против Кучлука, потом в походе на государство хорезмшаха Мухаммеда и в последнем походе Чингиз-хана, на Тангут. Барчуку, умершему в царствование Угэдэя, наследовали один за другим три его сына; первый умер во время правления вдовы Угэдэя Туракины (1241—1246), второй был казнен в начале царствования Мункэ по обвинению в намерении

убить в одну из пятниц в соборной мечети всех мусульман в Бешбальке; ему отрубил голову его брат, потом назначенный его преемником. Дальнейших сведений о династии идикутов, по-видимому, нет.

Если государство великого хана несколько расширило свои пределы на счет государства Хайду, то государство среднеазиатских монголов при Хайду могло расширить свои пределы на юг и на запад за счет государств потомков Хулагу и потомков Джучи. В государство Хайду входила северная часть Афганистана от Бадахшана до берегов Мургаба, где стоял с войском один из его 24 сыновей, Сарбан. Улус Джучи, по-видимому, постепенно лишился своих восточных окраин, именно областей к востоку от низовьев Сыр-Дарьи, хотя точных сведений о том, где было во второй половине XIII в. местопребывание потомков Орды, мы не имеем. По рассказу Рашид ад-дина, один из среднеазиатских монгольских отрядов на пути в орду Кончи, потомка Орды, проходил через Дженд и Узгенд, из чего можно заключить, что местопребывание Кончи было еще дальше к западу или северо-западу. Марко Поло помещает страну Кончи где-то далеко на север, где люди «живут как звери», где нет никакого хлеба и где в некоторых местностях вместо лошадей ездят на собаках. Кончи умер еще при жизни Хайду; власть перешла к его сыну Баяну, против которого выступил, с помощью Хайду, другой правнук Орды, Куйлюк; борьба между ними еще продолжалась во время составления труда Рашид ад-дина. Арабские историки, писавшие в Египте и Сирии, начиная с Абу-л-Фида, говорят, что Кончи и его потомки правили в Газне и Бамиане; это известие, совершенно не подтвержденное более осведомленными персидскими авторами, вошло и в европейские книги, в том числе в книгу Лэн-Пуля о мусульманских династиях (в русском переводе оно исправлено). Арабские авторы, вероятно, смешали имя Кончи с именем Кули, сына Орды, принимавшего участие в завоевании Персии Хулагу; впоследствии он был казнен в Персии, его отряды во время борьбы между Хулагу и Берке ушли на восток, овладели Газной и Бамианом и там подчинились чагатайским царевичам.

Помимо разделения Средней Азии между членами ханского рода, здесь, в противоположность Золотой Орде, еще в начале XIV в. был целый ряд местных дина-

стей домонгольского происхождения. Сведения о них мы находим частью у писавшего в начале XIV в. Джемаля Карши, частью в надгробных надписях, исключительно на арабском языке. Все правители носят арабский титул *мелик*, как в домонгольский период назывались вассальные князья в Персии и Средней Азии; иногда к этому присоединяются более громкие титулы — *султан* и *хан*. В одном из рассказов Джемаля Карши упоминается, со слов узгендского святого Бурхан ад-дина Кылыча, владатель Ферганы Ильчи Меликшах; в Узгенде сохранилась могила его сына и преемника, Сатылмыш Меликшаха, умершего в 665/1266—67 г. Судя по их именам и титулам, все князья были турецкого происхождения; некоторые имена и титулы производят впечатление глубокой старины; так, в Аулие-Ата похоронен умерший в 1262 г. местный князь Балыг Бүльге Улуг Бильге Икбал-хан. Надписи сочинялись по-арабски учеными; Джемаль Карши приводит сочиненную им самим в Дженде арабскую надпись над могилой турецкого святого Кемаль ад-дина Хорезми Сугнаки, известного у туркмен под именем Шейх-Баба, умершего в Дженде в конце ноября 1273 г. 85 лет от роду. Джемаль Карши приводит персидский перевод, также в стихах, арабского стиха над одной могилой на берегу Сыр-Дарьи недалеко от Ходженда. Кроме того, приводятся персидские стихи в честь хотанского султана (неизвестно, какого времени) Мунмыш-тегина, где сказано: «Живи так долго, шах, чтобы сказал турок: очень старым стал Мунмыш-тегин».

О существовании в XIII в. вассальных династий свидетельствуют и чеканенные в разных городах Средней Азии (например, в Отраре) монеты; обыкновенно они чеканились от имени местного мелика, причем имя его не называется. Нет ни одной монеты, где бы находились имена Хайду, Тувы и других, тогда как в Золотой Орде монету со своим именем чеканил уже хан Менгу-Тимур. Нет никаких указаний, чтобы существовала граница между территорией, которая бы непосредственно управлялась ханами, и территорией, оставленной прежним местным династиям. Ближе всего к чагатайской орде находился город Алмалык, хотя между ними протекала большая река Или; между тем даже в Алмалыке продолжала править династия, основатель которой подчи-

нился Чингиз-хану. С другой стороны, династия карлукского Арслан-хана почему-то рано лишилась Каялыка; уже сын Арслан-хана по неизвестной причине получил от Менгу-хана не Каялык, а Узгенд, тогда главный город Ферганы. Удалось ли его потомству сохранить за собой этот город и был ли потомком карлукского Арслан-хана упомянутый выше Ильчи Меликшах, неизвестно.

Каялык, как известно, был посещен в 1253 г. Рубруком, который провел там двенадцать дней. Рубрук описывает Каялык как большой город с оживленным базаром; интересно, что в этом мусульманском городе было три буддийских храма, принадлежавшие уйгурам. Было бы крайне интересно, если бы удалось найти какие-нибудь остатки города, где были такие разнообразные культурные элементы; но пока даже местоположение Каялыка остается неустановленным. В небольшом расстоянии к северу от Каялыка Рубрук проехал через поселение, где жили исключительно христиане-несториане, у которых там была церковь. Христианских надписей в северной части Джетысуйской области до сих пор найдено не было.

В местности к северу от Или, несколько южнее Каялыка, Рубрук видел еще хороший город с мусульманским населением, но говорившим не по-турецки, а по-персидски; по всей вероятности, это были недавние переселенцы из южной части Мавераннахра. Вообще, однако, городская жизнь в равнине к северу от Или уже тогда находилась в полном упадке. Прежде там было много городов, но татары разрушили большую часть их, чтобы воспользоваться превосходными пастбищами этой местности; тут же сказано, что земля большей частью занята туркменами. Трудно сказать, следует ли понимать эти слова Рубрука и смысле указания на определенный турецкий народ, носивший это имя, или под туркменами понимали и тогда, как теперь на Кавказе, особенно в арабской форме множественного числа, *теракиме*, наиболее отсталые в смысле хозяйства и умственной культуры элементы населения, особенно турецкого. На это указывают и слова Джемаля Карши о *теракиме* близ Барчкенда и Дженда, где тогда едва ли жили туркмены. Слова Рубрука об упадке культуры подтверждаются словами китайского современника Рубрука, Чан Дэ, проехавшего здесь в 1259 г. Чан Дэ гово-

рит, что в местности, где прежде жили кара-китан, было многочисленное население и много каналов, орошавших пашни, и в то же время он видел здесь много развалин.

Нет основания связывать разрушение городов с политикой монгольских ханов или с установлением преобладания турецкой национальности. Мы видели, что ханы, в том числе Хайду, принимали меры для защиты земледельческой культуры от кочевников; кроме того, Хайду и Тува построили новый город в Фергане, Андижан, которому была суждена большая будущность, и этот новый город сделался турецким по преимуществу; в начале XVI в. в Андижане, по словам Бабура, не было никого, ни в городе, ни на базаре, кто бы не знал по-турецки. В противоположность большей части городов монгольского периода, в этом случае ничего не говорится ни о ханских дворцах, ни вообще о местопребывании ханов. Хань, по-видимому, построили этот город исключительно в интересах населения, а не для самих себя.

На интересах торговли и в связи с этим на городской жизни должны были крайне губительно отразиться рано начавшиеся в монгольской империи смуты. Помимо других причин, эти смуты вызывались также разнообразием культурных элементов, оказывавших влияние на монголов; были примеры, что в одной и той же ханской семье одни сыновья получили христианское воспитание, другие — мусульманское. Представители различных культурных народов, покоренных монголами, постоянно интриговали в ханской орде друг против друга; то же самое относится к людям, соперничавшим между собою за власть в какой-нибудь одной стране. Исследователями русской истории доказано, что главной причиной гибели многих русских князей и вельмож в Золотой Орде были интриги против них других князей и вельмож; смертный приговор произносился и приводился в исполнение татарами, но они в этом случае были только орудием в руках врагов осужденных. Тот же самый вывод можно распространить и на другие страны, покоренные монголами. Только первый преемник Чингиз-хана, Угэдэй, умел стоять выше этих интриг и своими беспристрастными решениями восстанавливать мир среди враждовавших между собой царевичей и вельмож. Тотчас после его смерти началась эпоха жестоких казней в орде; десять лет спустя таким казням стали подвергаться в большом числе (единичные случаи были и раньше) чле-

ны ханского рода; еще десять лет спустя начались войны между отдельными монгольскими государствами и случаи избиения в одной стране ни в чем не повинных купцов, прибывших из другой. После своего поражения в 1262 г. на Тереке в битве с войском Берке Хулагу велел перебить всех купцов, прибывших из государства его врага; Берке ответил на это избиением купцов из государства Хулагу.

Во время смут, как всегда, временные и частные интересы должны были получить преимущество перед общими интересами империи. Таковы были, по рассказу историков, уже те действия, к которым прибегал в 1260-х годах Алгуй для утверждения своей власти в Средней Азии; еще более характерно сознательное разорение в 1273 г. персидскими монголами Бухары как опорного пункта для наступления на Персию из Туркестана. Бухара не только быстро оправилась от монгольского нашествия 1220 г., но достигла в первые десятилетия монгольского владычества такого процветания, какого не достигала прежде. Джувейни называет Бухару городом, подобного которому не было в мусульманском мире; Марко Поло (его отец и дядя провели в Бухаре три года, 1262—1265) — лучшим городом по всей Персии, т. е. в странах, где говорили по-персидски. Даже восстание против монгольского владычества в 1238—1239 гг. не отразилось на благосостоянии города; Махмуд Ялавач сумел убедить монголов и в особенности хана Угэдэя, что уничтожать богатый город из-за преступления нескольких мятежников было бы не в интересах правительственной власти. Иначе действовали во время смут отдельные ханы и царевики, для которых были важны не столько доходы, которые мог доставить город за долгий период, сколько возможность немедленно получить в свое распоряжение значительные средства. С 1260-х годов Бухара несколько раз подвергалась поборам и разграблению; даже после события 1273 г. город все еще мог привлекать грабителей, и остатки его доставили большую добычу двум мятежным царевицам, сыновьям Алгуя. После этого Бухара в течение семи лет (вероятно, 1275—1282 гг.) не существовала вовсе, и только со вступлением на престол Тувы могли быть приняты меры для ее восстановления.

То, что говорится в источниках о Бухаре, наверное, повторялось и в других местах, о которых наши сведе-

ния еще более скудны. Много интересных сведений о городах Средней Азии ждали от «Прибавлений» (*Мулхакат ас-Сурах*) Джемаля Карши (начало XIV в.) к переведенному им арабскому словарю X в. Автору XVI в. Мухаммед-Хайдер обвиняет Джемаля Карши в пристрастии к своему родному городу, Баласагуну; перечисляя выдающихся деятелей каждого города, он будто бы называет менее десяти имен самаркандцев, тогда как уроженцев Баласагуна у него названо столько, что даже трудно понять, как в одном городе в одно и то же время могло быть столько замечательных людей. Пока не было известно ни одной рукописи этих «Прибавлений», можно было ожидать, как и было заявлено в печати, что в них найдется ценный историко-литературный материал об умственной жизни Баласагуна, но открытые с тех пор рукописи не оправдали этих ожиданий. Баласагун в них даже не упоминается, из уроженцев его упоминается только шейх автора Шемс ад-дин Эйюб Баласагуни и его сын Руки ад-дин Ахмед Баласагуни. Упоминается город Куз-балык, где в 1259 г. умер один из князей Алмалыка; можно было бы думать, что имеется в виду Баласагун, который по Махмуду Кашгарскому носил также название Куз-орду (это название приводится также в китайской транскрипции XIII в.) и Кузулуш; но странно было бы, если бы автор назвал Баласагун не тем именем, от которого получил свою нисбу его шейх. Кроме того, мы находим у Джемаля Карши еще одно географическое название, которого нет в других источниках,— Иль-Аларгу; так называлась местность, где находилась орда Чагатая. От этого названия получил свою вторую нисбу (Иль-Аларгуви) мусульманский министр Чагатая, купец Кутб ад-дин Хабаш-Амид, умерший в начале царствования Алгуя, в 1260 г., в одном из городов области Алмалыка и похороненный там же, в построенной им ханаке.

Джемаль Карши посвящает отдельные главы различного размера нескольким городам (Алмалык, Кашгар, Хотан, Ходженд, ферганские города, Шаш, т. е. Ташкент, Барчкенд и Дженд) с краткой характеристикой каждого города и кратким перечислением происходивших из него ученых и других замечательных людей. Автор родился в Алмалыке (из Баласагуна происходил его отец), потом переселился в Кашгар, посещал и некоторые другие города. Следы упадка отмечаются в Каш-

гаре, который в то время был разорен, и в Дженде, который «в прежнее время был большим городом», хотя и в то время в нем происходила оживленная торговля. Только о Кашгаре сообщается, что он подвергся нашествию *джута* (*джете*)— термин, который встречается здесь впервые и потом употреблялся в Китайском Туркестане в том же смысле, как в Западном Туркестане слово *казак*, т. е. для обозначения отряда кочевников, отделившихся от своего рода и племени и обратившихся в разбойничьи шайки. Нападение *джута* произошло зимой, год не указывается; было перебито много народа и уведено в плен до 4000 малолетних. В культурно-историческом отношении интересно сообщение, что в Кашгарской области при обработке полей не пользовались ни быками, ни коровами, довольствуясь огородными инструментами (слово, употребленное в тексте, собственно, имеет значение 'топор'). Теперь в Кашгарии, по-видимому, такого недостатка в рабочем скоте нет.

В XIII в. продолжались, хотя и очень медленно, успехи исламизации и отуречения Туркестана. Еще при Чингиз-хане произошло обратное тому, на что рассчитывал Кучлук: те из кара-китаев, которые уцелели во время занятия края монголами, приняли мусульманскую одежду. Положение мусульман теперь было лучше в бывших владениях кара-китаев, чем в бывшем государстве хорезмшаха Мухаммеда, вследствие упорного сопротивления, которое в некоторых городах было оказано монголам. В Самарканде в 1221 г. старшины были поставлены из представителей разных народов; главный начальник был из кара-китаев и был человеком китайской культуры; мусульмане могли владеть садами и пашнями только сообща с китайцами, кара-китаями или другими. Несколько лет спустя, при Угэдэе, наместником Самарканда и Бухары был назначен человек с китайским именем или титулом (Чонсан-тайфу), упоминающийся еще в 1268 г.; этим, вероятно, следует объяснить факт чеканки в Бухаре, единственный раз в истории этого города, медной монеты с китайскими иероглифами. В последующее время мы уже не видим в мусульманских областях правителей из немусульман, хотя говорится о прибытии в мусульманские города переселенцев с востока. По словам Чан Дэ, в Алмалыке вместе с мусульманами жили китайцы и даже постепенно получали преобладание китайские нравы.

Гонение на ислам, происходившее при Кучлуке, при монголах, конечно, не возобновлялось, хотя Чагатай, как ревнитель монгольского обычного права, иногда привлекал мусульман к ответственности за соблюдение обрядов ислама. По поводу смерти Чагатая (1242 г.)

Джувейни приводит персидское стихотворение одного поэта, оканчивающееся стихом: «Тот, из страха перед кем никто не входил в воду, потонул в океане, очень широко» (т. е. в пучине смерти). Но и при Чагатае был врач-мусульманин Меджд ад-дин; кроме того, при нем пользовался влиянием богатый купец (происходивший, по Джемалю Карши, из Кермине; по Рашид ад-дину — из Отрара) Кутб ад-дин Хабаш-Амид; это влияние было так велико, что Хабаш-Амид мог приставить к каждому сыну Чагатая одного из своих сыновей. Правда, Хабаш-Амид, хотя он был мусульманином и даже, как мы видели, строителем ханаки, не пользовался расположением мусульманского духовенства и сам не питал к нему расположения; его даже называли виновником смерти одного из самых известных ученых того времени, Юсуфа Секкаки, по происхождению хорезмийца. От этого ученого сохранилось на арабском языке, кроме необыкновенно популярной в мусульманском мире филологической энциклопедии «Ключ наук» (*Мифтах ал-'улум*), еще послание к одному из его учеников, Мухаммеду Сачаклы-заде, очевидно, западному турку.

О научной деятельности мусульманских ученых этого периода в Туркестане нам мало известно; мы не знаем даже, кто был наставником первых чагатайских ханов, принявших ислам, Мубарек-шаха и Борака; Джемаль Карши называет мусульманкой и мать Мубарек-шаха — Эргэнэ-хатун. Хайду не был мусульманином и был похоронен, по монгольскому обычаю, на высокой горе между Чу и Или; по его распоряжению даже мусульманин Борак-хан был похоронен на горе, т. е. как монгол. Но вражды к исламу и к мусульманам Хайду ничем не проявлял; Джемаль Карши говорит о нем, что он был ханом справедливым, щедрым, милостивым, расположенным к мусульманам. Сам Джемаль Карши видел его два раза, в начале и в конце его царствования, и получил от него милостивую грамоту (неизвестно, на каком языке). Более всего было бы любопытно знать, насколько мусульманские ученые Туркестана в то время

знакомились со знаниями других культурных элементов государства. В этом отношении совершенно одиноко стоит известие об ученом туркестанце Хейбеталлахе, переселившемся потом в Персию и умершем в царствование Газан-хана (1295—1304). Хейбеталлах, по словам Рашид ад-дина, знал языки турецкий и сирийский, имел познания во всех науках и говорил речи «подобно шейхам», но Газан-хан будто бы причислял его к ученым второго сорта и сравнивал его с чиновниками, принимающими участие в государственных делах, но не имеющими доступа в самое помещение царской казны. «Я не удивлюсь,— прибавил Газан-хан,— что он и ему подобные не знают сокровенного, но то, что они знают, мне понравилось, и за это я их ценю». По-видимому, из этого можно заключить, что Хейбеталлах был более светским ученым, чем богословом. К сожалению, до нас не дошло ничего из его трудов.

О значении турецкого языка в то время можно судить по тому, что, например, у Рашид ад-дина даже там, где говорится о семье Чингиз-хана вместе с монгольскими терминами употребляются турецкие. Монгольский термин *нойон* 'князь' (в значении турецкого *бег*) для обозначения военной аристократии употреблялся в Туркестане до времени Тимура; при Чингиз-хане главным *нойоном*, как руководитель военного дела, был его сын Тулуй; это звание обозначается по-монгольски словами *еке нойон* 'великий нойон', но рядом приводится вместо монгольского прилагательного турецкое в том же значении (*улуг нойон*). Мы не видим, однако, со стороны мусульман попытки сделать турецкий язык языком государства. Когда Плано Карпини в 1246 г. уезжал из Монголии, ему дали для папы грамоту, написанную «по-сарацински». В последние годы проф. Пельо удалось установить, что в архиве Ватикана до сих пор сохранилась эта грамота, написанная на персидском языке. Грамота (дата ее — конец джумада II 644 г. х., т. е. <начало> ноября 1246 г.) написана настолько безграмотно, что персидский язык не мог быть родным языком составивших ее. Заглавие грамоты написано по-турецки; замечательно, что имени Гуюк-хана нет и грамота послана от имени «хана великого улуса и вселенной»; встречаются и турецкие слова, и выражения в тексте грамоты. Надо думать, что составителями грамоты были среднеазиатские купцы турецкого происхождения, старавшиеся

ся писать по-персидски, как на принятом в их стране литературном языке.

От политических смут и связанного с ними перерыва торговых сношений среднеазиатские монголы должны были страдать больше других монгольских государств, для которых, не исключая и Золотой Орды, был открыт доступ к морю. Этим, может быть, объясняется, что именно в Средней Азии возник грандиозный план восстановления единства монгольской империи в той форме, в которой это тогда только было возможно,— в форме федерации монгольских государств, с тем чтобы купцы свободно, не подвергаясь никаким поборам, могли переезжать из одного государства в другое. Historики приписывают инициативу в этом деле чагатайскому хану Туве, которому удалось убедить Чапара, после чего были отправлены послы в другие монгольские государства; везде было выражено согласие. Послы из Средней Азии прежде всего прибыли в Китай, к внуку и преемнику Хубилая (умершего в 1294 г.) Тэмуру; в сопровождении посла Тэмура послы Чапара и Тувы прибыли в сентябре 1304 г. в Персию, в Мерагу, где тогда находился вступивший на престол султан Улджэйтү. В 1305 г. Улджэйтү послал письмо на монгольском языке французскому королю Филиппу IV с извещением о достигнутом соглашении; это письмо дошло до нас и является единственным известным нам подлинным монгольским документом, относящимся к этому договору. Прежние войны объясняются в этом письме не злой волей и не корыстолюбием ханов, но клеветническими речами злых подданных (*караджу*); теперь, говорится дальше, мир восстановлен, все члены ханского рода, старшие и младшие, пришли к соглашению, все дороги открыты, и первый, кто бы нарушил договор, будет иметь против себя всех остальных. В письме высказывается наивное мнение, чтобы «франкские султаны», т. е. европейские государи, установили между собой такой же мир и также поднялись бы все вместе против его нарушителя; между тем в Европе в то время происходили такие события, как борьба Филиппа IV с папой и завоевание англичанами Шотландии. По поводу такого же письма, полученного английским королем Эдуардом I (1272—1307), новый король Эдуард II в своем ответе в 1307 г. мог только выразить надежду, что, с помощью божьей, возникшие в разных местах ссоры уступят место согласию и миру.

Пункт договора об общих действиях против всякого нарушителя мира остался, конечно, и в монгольской империи такой же мертвой буквой, каким он был всегда, и раньше, и после. Мы увидим в следующей лекции, что первая половина XIV в. была для Туркестана временем еще более ожесточенных междоусобий и еще большего культурного упадка.

XI

Мы не располагаем, к сожалению, ни одним среднеазиатским источником, где бы говорилось о восстановлении мира между монгольскими государствами и о его нарушении. Джемаль Карши, сведения которого доходят до весны 1303 г., ничего не знает о договоре; им только высказывается убеждение, что «наши хаканы» располагают достаточной военной силой для отражения всех попыток Тэмура (внука Хубилая) и его потомков завоевать города Средней Азии. Тот же автор еще называет Тува 'крепким столпом' державы Чапара; очевидно, эти слова написаны еще до происшедшей в 1305—1306 гг. войны между этими ханами.

Об этой войне и дальнейших событиях, как почти обо всем, что происходило в мусульманской Средней Азии до начала XIV в., мы располагаем только источниками, написанными в Персии. По этим известиям, столкновение произошло между царевичами домов Угэдэя и Чагатая, между Самаркандом и Ходжендом; Тува отправил послов к Чапару, объяснил столкновение «легкомыслием юношей» и предложил прекратить военные действия, а для разбора причин столкновения созвать третейский суд в Ташкенте. Чапар согласился, но чагатайские царевичи скоро нарушили это перемирие, вероятно, не без согласия Тувы, хотя сам он не выступал. Кроме Мавераннахра, были произведены грабежи на Таласе. В это время войско Тэмура напало на пограничные посты Чапара у Иртыша и Алтая; при этом определенно говорится, что эти войска призвал Тува. Покинутый почти всеми, Чапар всего с 300 всадников пришел к Туве и подчинился ему; таким образом восстановилось преобладание в Средней Азии дома Чагатая. Междоусобия продолжались еще некоторое время, до курултая, созванного летом 1309 г. царевичем Кебеком, сыном Тувы (Тува умер еще в 1306 г.). Почти все царевичи дома

Угэдэя частью ушли, частью лишились своих владений; из всех сыновей Хайду только один, Шах, сохранил особую тысячу и особый юрт.

С этим междоусобиями персидский историк Вассаф связывает полный упадок земледелия и торговли в Мавераннахре и Туркестане. В Мавераннахре культурные традиции были настолько продолжительны, что о полном исчезновении городов и земледельческих поселков не могло быть и речи; но в более северных областях постепенно установилось то положение, о котором говорит арабский автор Османи (1301—1348), писавший со слов человека, бывшего в Туркестане: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Курултай 1309 г. не прекратил бедствий Туркестана. Ханом был провозглашен старший брат Кебека, Эсен-Бука (первая часть имени — монгольское слово); при нем Туркестан подвергся нашествию монгольских войск из Китая; местность по Кобуку и притокам верхнего Иртыша тогда была пограничной областью государства великого хана; войска, вторгшиеся оттуда в чагатайские владения, разграбили ставки Эсен-Буки, зимнюю (около Иссык-Куля) и летнюю (около Таласа). Из рассказа анонимного историка начала XV в. можно заключить, что грабежи производились не только войсками врагов, но и войсками самого чагатайского хана. По этому рассказу, Эсен-Бука и Кебек выступили со своими войсками против врагов, вторгшихся со стороны Кара-Ходжа; Эсен-Бука шел из Кашгара, Кебек — из Алмалыка. Первый опустошал все на своем пути, в расчете, что таким образом в случае поражения врагу ничего не достанется, а в случае победы можно будет легко восстановить культуру. Кебек, наоборот, заботился о поддержке благосостояние областей, через которые проходил, чтобы в случае победы население враждебного государства под влиянием слухов о его справедливости легче перешло на его сторону, а в случае поражения его собственные подданные были на его стороне и облегчили ему отступление. Эсен-Бука был разбит, вследствие чего и Кебек

должен был отступить. Во время отступления войско Эсен-Буки терпело большие бедствия и было вынуждено есть своих коней, тогда как войско Кебека везде находило все необходимое.

Преемником Эсен-Буки был Кебек (1318—1326), царствование которого, по-видимому, имеет большое значение в истории постепенного подчинения среднеазиатских монгольских ханов мусульманской культуре. Подобно своим предшественникам, Кебек оставался язычником, но переселился в Мавераннахр, даже в южную часть его, и построил для себя дворец на расстоянии двух с половиной фарсахов, т. е. около 15 верст, от города Нахшеба, по нижнему течению Кашка-Дарьи. В смысле 'дворец' монголами, даже в самой Монголии, употреблялось слово *карши*, и авторы того времени называют это слово монгольским, хотя оно встречается уже в *Кутадгу билик* и у Махмуда Кашгарского, причем последний даже не говорит, употреблялось ли оно только восточными турками, или также западными. Турки, по-видимому, заимствовали его из языка коренного населения Китайского Туркестана. По этому дворцу город Нахшеб получил название Карши, сохраненное им и до сих пор, хотя местоположение нынешнего города не соответствует местоположению ни Нахшеба домонгольского периода, ни города XIV в. Таким образом, и в Туркестане мы видим пример обычного в монгольской империи перенесения названия ханского дворца на город.

Другим нововведением Кебека была чеканка монеты с именем хана; как и в Персии, чеканились серебряные монеты большие и малые, динары и дирхемы, причем динар равнялся шести дирхемам. Монеты по-прежнему чеканились в больших торговых городах Мавераннахра: Бухаре, Самарканде, Отраре, Термезе. По имени Кебека эти монеты и потом назывались кебеки, и с этим словом иногда ошибочно сближали русское *копейка*. Были примеры чеканки, как в Золотой Орде, анонимной монеты с турецкой надписью *кутлуг болсун*, но уйгурскими буквами. Насколько известно, нет примера употребления на монетах чагатайских ханов монгольских слов; тем более удивительно, что впоследствии мы на некоторых монетах Тимура встречаем написанные арабскими буквами монгольские слова *йге ману* 'мое слово' турецкое *сöзүм*).

Переселение в Мавераннахр и постройка дворца не означали отказа от кочевой жизни; западная часть долины Кашка-Дарьи привлекала кочевников, преимущественно в летнее время, еще со времени Чингиз-хана, который провел там лето 1220 г. Еще больше, чем Кебек, усвоил мусульманскую культуру один из его ближайших преемников, его брат Тармаширин (1326—1334), принявший ислам; но и Тармаширин даже зимой принимал путешественника Ибн Баттуту в шатре.

Нет никаких указаний на то, чтобы чагатайские ханы того времени знали монгольский язык. Ибн Баттута представляет себе Кебека говорившим по-турецки; Тармаширин встретил Ибн Баттуту приветствием по-турецки. Духовный руководитель хана, имам Хусам ад-дин ал-Яги, говорил по-персидски, но хан каждый день после ранней утренней молитвы до восхода солнца произносил зикр³⁰ по-турецки. Некоторые турецкие термины, приведенные у Ибн Баттуты, перешли и в монгольский язык из уйгурского и употреблялись во всех монгольских государствах, например, термин *ал тамга* (в Персии иногда сокращенно *ал*) 'алая печать'; хранитель печати заведовал всем письменным делопроизводством и знал, по-видимому, и арабский язык, так как служил для Ибн Баттуты переводчиком. Интересно, что Ибн Баттута употребляет турецкое *той* 'пир' в смысле *курултай*. По словам Ибн Баттуты, *той* был ежегодно устраивавшимся собранием, куда приходили потомки Чингиз-хана, эмиры, знатные женщины и начальники войск. В это время *той* не созывался, что было одним из тех обвинений, которыми оправдывалось восстание против Тармаширина.

По словам Омари, принятие ислама Тармаширином содействовало оживлению торговых сношений между Мавераннахром и другими мусульманскими областями; но тот же факт увеличил отчуждение между Мавераннахром и восточными областями чагатайских владений. По словам Ибн Баттуты, существовал обычай, по которому хан раз в год ездил на восток, в области, пограничные с Китаем, где был Алмалык, все еще считавшийся столичным городом; между тем Тармаширин четыре года кряду оставался в областях, смежных с Хораса-

³⁰ *Зикр* (араб.—упоминание)— ритуал, упоминание имени Аллаха, совершаемое по особой формуле и особым образом, вслух или про себя, сопровождаемое определенными телодвижениями.

ном. Из преданности исламу Тармаширин отнюдь не отказывался от войн с мусульманскими государствами; в самом начале своего царствования, в 1326 г., он совершил неудачный поход на Хорасан, после чего персидские монголы взяли и разграбили Газну; в 1329 г. он вторгся в мусульманскую Индию и дошел почти до Дели. Но во внутреннем управлении он, как видно из приведенных выше слов Ибн Баттуты, был нарушителем монгольского обычного права (*ясака*) даже независимо от принятия им ислама. Нарушителем ясака называет Тармаширина и мусульманский анонимный автор начала XV в., хорошо знавший степные предания.

Вследствие этого в Туркестане возобновились смуты, продолжавшиеся до 1346 или 1347 г. и окончившиеся фактическим уничтожением ханской власти в Мавераннахре и полным отделением Мавераннахра от восточных областей. Как происходили военные действия и отразились ли они на дальнейшем упадке городской жизни, не может быть установлено; рассказ о военных действиях мы находим только у Ибн Баттуты, и этот рассказ как по хронологическим датам, так и в других отношениях находится в полном противоречии с рассказами историков. Несомненно, что в ближайшие годы после низложения и убиения Тармаширина местопребывание хана вновь было перенесено на восток и что вместе с этим на некоторое время уменьшилось влияние ислама. При хане Дженкши (до 1338 г.), монеты которого чеканились и в Мавераннахре, католические миссионеры могли построить около Алмалыка прекрасную церковь. По словам мусульманского анонима, Дженкши «советовался о делах с бахшиями», т. е. буддийскими жрецами. Антимусульманская реакция, однако, не могла иметь прочного успеха, и уже в начале 1340-х годов в Мавераннахре был возведен на престол один из шейхов турецкого происхождения, очевидно считавшийся потомком Чингиз-хана. Этот шейх, потом сделавшийся султаном, был некоторое время наставником известного бухарского святого Беха ад-дина Накшбенда (1318—1389). В биографии этого святого рассказывается, что он видел во сне турецкого святого Хаким-Ата (сам Беха ад-дин, несомненно, был таджиком) и этот сон был истолкован ему в том смысле, что его наставником будет дервиш из турок; когда Беха ад-дин встретил турецкого дервиша Халиля, этот дервиш произвел на него

сильное впечатление, и он понял, что предсказание относилось к нему. Беха ад-дин оставался при Халиледо и после возведения его на престол; после смерти Халиля он понял ничтожность земных благ и стал вести жизнь подвижника.

В исторических сочинениях мы среди имен чагатайских султанов не находим имени Халиля; у Ибн Баттуты упоминается среди правителей смутного времени Халиль, сын чагатайского царевича Ясавура; ему будто бы удалось победить Бузана, первого преемника Тармаширина (ни Дженкши, ни другие ханы, о которых говорят историки, у Ибн Баттуты не упоминаются), взять не только Алмалык, но даже Каракорум и Бешбалык; впоследствии он заключил мир с китайским императором и вернулся в Самарканд и Бухару. Его главным сподвижником был владетель Термеза Ала ал-мульк, сейид, носивший титул Худавенд-заде; впоследствии Халиль по наущению клеветников из турок казнил Ала ал-мулька, и этот поступок был причиной утраты им власти; он был взят в плен гератским владетелем Хусейном и будто бы жил в плену еще весной 1347 г., когда Ибн Баттута покинул Индию.

Несмотря на фантастичность рассказа, существование Халиля доказывается монетами с именем султана Халилаллаха, чеканенными в Бухаре в 742 и 743 гг. х. (1342—1344). Историки знают только одного султана из сыновей Ясавура, Казана (монеты с его именем мы также имеем), жившего, подобно Кебеку и Тармаширину, в долине Кашка-Дарьи и построившего для себя дворец Зенджир-сарай, в двух стоянках (*манзил*) от Карши, и погибшего в 1346 или 1347 г. в борьбе с восставшими главарями кочевников. Можно ли признать имена Казан и Халилаллах двумя именами одного и того же хана, пока не может быть доказано.

Власть в Мавераннахре после смерти Казана перешла к турецким эмирам; так они называются в персидских источниках; в том же значении турками употреблялось слово *бег*, иногда также монгольское *нойон*. Первым из таких эмиров был Казаган; его зимним местопребыванием было место Сали-Сарай на Аму-Дарье (ныне селение Сарай, выше Термеза); вероятно, оно имело такое же значение при чагатайских ханах; по словам анонима начала XV в., там был похоронен хан Казан. Судя по названию, там был ханский дворец; берег

Аму-Дарья издавна был местом зимовки для кочевников, в 1220/21 г. там проводил зиму Чингиз-хан. Летом Қазаган переходил в горную местность около города Мунка, или Бальджуана. Қазаган и его преемники возводили на престол подставных ханов, сначала из рода Чагатая, потом также из рода Угэдэя; монеты с именами этих ханов чеканились только в Мавераннахре, от Термеза до Отрара и Исфиджаба, или Сайрама, включительно. Мы знаем, что власть эмиров Мавераннахра распространялась и на северную часть Афганистана, но нумизматических доказательств этого факта, по-видимому, нет. Восточные области бывшего чагатайского ханства политически совершенно отделились от Мавераннахра; там были свои ханы и свои верховные, или улусные, эмиры, некоторое время возводившие на престол ханов. Дальнейшая история Средней Азии сложилась так, что в Мавераннахре эмиры держали власть в своих руках; из их среды вышла такая исключительная личность, как Тимур, создавший обширную державу, которую наследовали, хотя и в меньшем размере, его потомки, постепенно отказывавшиеся от обычая прикрывать свою власть подставными ханами. С другой стороны, на востоке возникла династия ханов, постепенно лишивших всякой власти эмиров. Первый из этих ханов, Туклук-Тимур, родился в 730/1329—30 г. и сделался ханом 18 лет от роду, т. е. в 748/1347—48 г. Это хронологическое совпадение заставляет предполагать причинную связь между низложением Казан-хана и возведением на престол Туклук-Тимура, хотя в источниках никаких указаний на такую связь нет и вообще время окончательного распада бывшего чагатайского государства не определяется. Нет точных данных о том, когда произошло политическое отделение Алмалыка от Мавераннахра; миссионер Мариньолли, проезжавший через Алмалык в 1341 г., говорит, что он там построил церковь и свободно проповедовал, несмотря на гибель нескольких миссионеров незадолго перед этим, но не приводит имени хана, которому тогда принадлежал Алмалык. После гонителя христиан, царевича из потомков Угэдэя Али-султана (впрочем, его называют жестоким тираном и мусульманские историки), правил Мухаммед-Пулад; есть монета с именем «Мухаммед», чеканенная в Алмалыке в 1345 г. (шабан 746 г. х.). Насколько известно, это последняя монета из Алмалыка. Имена всех этих ханов впоследствии

настолько были забыты монголами, что пользовавшийся монгольскими преданиями в XVI в. Мухаммед-Хайдер, автор *Та'рих-и Рашиди*, называет Туклук-Тимура сыном Эсен-Буки, едва ли бывшего в живых после 1318 г. В более ранних источниках отцом Туклук-Тимура назван другой сын Тувы, Эмиль-ходжа; чтобы примирить разногласие источников, Абулгази предполагает, что Эмиль-ходжа, или, как он пишет, Иль-ходжа, носил также прозвание Эсен-Бука. Как по более ранним, так и более поздним источникам о ханском происхождении Туклук-Тимура ничего не было известно; его мать после смерти своего мужа-царевича или, по другим известиям, еще при его жизни вышла за какого-то эмира; Туклук-Тимур вырос в доме этого эмира и считался его сыном. Очень вероятно, что рассказ о ханском происхождении Туклук-Тимура был придуман тем эмиром из рода дуглат, которым он был возведен на престол, за отсутствием в восточной части чагатайского улуса подлинного отпрыска ханского рода.

По всей вероятности, мы совершенно не могли бы представить себе, даже в самых общих чертах, строй жизни Средней Азии в XIV—XV вв., если бы не такое историческое событие, как образование империи Тимура, вызвавшее, отчасти по почину самого Тимура, обширную историческую литературу. Рассказы о походах Тимура заключают в себе большое число имен его сподвижников, с указанием, из какого рода они происходили, где они жили сами и их предки; известия о словах и действиях самого Тимура, его друзей и врагов также дают ценный материал для характеристики той среды, из которой вышел Тимур. К сожалению, этот материал до сих пор не только еще не исследован, но даже не приведен в известность. Составленная по почину самого Тимура уроженцами Персии на персидском языке история его царствования дошла до нас в трех редакциях; из них первоначальная была издана в 1915 г. в Петрограде Академией наук по единственной рукописи, находящейся в Ташкенте. Вторая редакция, принадлежащая Низам ад-дину Шами, доведенная до 1403 г. и уже носящая придуманное самим Тимуром заглавие *Зафарнаме*, до сих пор полностью не издана; кроме рукописи, находящейся в Лондоне, существует полный список, включенный в историческую компиляцию, составлен-

ную в 1417 г. Хафиз-и Абру, рукопись которой имеется в Константинополе. Более всего известна третья редакция *Зафар-наме*, Шереф ад-дина Йезди, начатая в 1419 г. и законченная в 1425 г.; но и это сочинение доступно до сих пор только в совершенно некритическом индийском издании и совершенно устарелом, сделанном еще в XVIII в. французском переводе. Введение, заключающее в себе краткое изложение мировой истории до выступления Тимура, в том числе историю монгольской империи, до сих пор не издано. Остается в рукописи также целый ряд других трудов, относящихся к истории Тимура, в том числе анонимный труд по всеобщей истории, составленный около 1412 г. для одного из внуков Тимура, султана Искендера. Этот труд, сохранившийся, насколько известно до сих пор, только в двух рукописях, находящихся в Лондоне и Ленинграде, цитруется в моем исследовании об Улугбеке как «Аноним Искендера». Подобно Шереф ад-дину, автор писал в Фарсе, но был лучше знаком со среднеазиатскими преданиями, обычаями и взглядами. Этим сочинением, наравне с трудом Низам ад-дина Шами, пользовался Хафиз-и Абру при составлении своего обширного исторического труда *Зубдат ат-таварих*, начатого в 1423 г. для другого внука Тимура, Байсункара. Полного экземпляра этого труда до сих пор не получено; экземпляров той части, которая относится к царствованию Тимура, пока еще нигде не оказалось, и содержание этой части нам известно преимущественно по сочинению более позднего историка, Абд ар-Раззака Самарканди (1413—1482), доведенному до 1471 г. Сочинение Абд ар-Раззака также не издано, хотя имеется в большом числе хороших списков.

Кроме этих и других сочинений на персидском языке, упоминается еще хроника *Та'рих-и хани*, написанная по распоряжению Тимура уйгурскими бахши уйгурским алфавитом на уйгурском языке. Так говорит узбекский автор начала XVI в., по-видимому еще имевший в руках экземпляр этой книги. Под словом *бахши* в этом случае следует понимать, конечно, не буддийских жрецов, но составляющих документы, написанные уйгурским шрифтом, чиновников; мы знаем, что такие чиновники были не только у чагатайских ханов и Тимура, но также у потомков Тимура во второй половине XV в. По-видимому, в этой книге, как и в тех степных преданиях, которыми

пользовались аноним Искендера и Мухаммед-Хайдер, излагались не столько исторические рассказы, сколько легенды и эпические сказания. Очень вероятно, что уйгурскими секретарями Тимура была придумана легенда о том значении, которое будто бы имели в Средней Азии предки Тимура еще со времени Чингиз-хана и даже раньше.

Европейские ученые часто выражали сожаление об утрате «Истории четырех улусов», будто бы составленной внуком Тимура, Улугбеком, на персидском языке. Ссылки на это сочинение мы находим у Хондемира, историка XVI в.; кроме того, автор, писавший, вероятно также в XVI в., по-персидски в Мавераннахре (две рукописи этого труда находятся в Лондоне, по одной напечатан еще в 1839 г. малоудовлетворительный английский перевод), называет свой труд сокращением труда Улугбека, хотя, несомненно, вносит в него и некоторые добавления. Из слов Хондемира видно, что «История четырех улусов» в действительности была составлена в не Улугбеком, а только от его имени и вообще воспроизводила труд Рашид ад-дина и введение к труду Низам ад-дина Шами с незначительными дополнениями. Утрата этого труда, таким образом, не составляет большой потери для науки.

Вообще нет основания полагать, чтобы среднеазиатская историография эпохи монголов и Тимуридов создала или могла создать такой труд, который мог бы быть поставлен наравне с трудом Рашид ад-дина. Вероятно, и в Средней Азии были известны те сказания монгольской «Золотой книги», которые, кроме Персии, получили литературную обработку в Китае; но сведений об использовании тех же сказаний в Средней Азии мы не имеем. Яркие картины кочевой жизни, казалось бы, должны были обеспечить труду Рашид ад-дина популярность среди турецких народностей, но, по-видимому, эта сторона его труда была оценена среди западных турок, в Малой Азии, раньше, чем в Туркестане. В Туркестане труд Рашид ад-дина, вместе с историей Тимура Шереф ад-дина Йезди был переведен на турецкий язык только в начале XVI в. для узбекского хана Кучкунчи; в Малой Азии уже в XV в. труд Рашид ад-дина был в широкой степени использован для «Истории сельджукского дома», написанной (некоторые части этого труда были только переводом персидских трудов Равенди и

Ибн Биби) для турецкого султана Мурада II (1421—1451). Между прочим, автор воспользовался приведенными у Рашид ад-дина изречениями Чингиз-хана, перевел их на турецкий язык и смело приписал их мифическому предку своего народа Огуз-хану. Одним из турецких ученых было высказано предположение, что в *Огуз-наме* отразилось подлинное турецкое законодательство, которому будто бы подражал Чингиз-хан, но из сопоставления персидского текста с турецким ясно видно, что подлинником является первый, переводом — второй. В одном месте турецкий автор читал в персидской рукописи 'собака' вместо 'камень', вследствие чего в турецком тексте вместо упавшего в воду камня говорится об упавшей в воду собаке.

Сопоставление сведений Рашид ад-дина с тем, что рассказывали в Туркестане в XIV и XV вв. о событиях XIII в., ясно показывает, что эти рассказы не основывались ни на каких действительных происшествиях и только придумывались для того, чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся положение. Это происходило одинаково в государстве Тимура и в отделившихся от Мавераннахра восточных областях. Тимур происходил из отуреченного монгольского племени барлас (по-монгольски барулас), владевшего тогда местностью по Кашка-Дарье. Мы знаем от Рашид ад-дина, что одним из эмиров Чагатая был Карачар из рода барлас, считавшийся потом предком Тимура; но ни о Карачаре, ни о его ближайших потомках не говорится у Рашид ад-дина, чтобы они принимали сколько-нибудь выдающееся участие в управлении государством; между тем предание, как оно сложилось при Тимуре, говорит о Карачаре и его потомках как о таких же полновластных правителях чагатайского государства, каким потом был Тимур. Эта власть будто бы основывалась на письменном договоре, впервые заключенном еще между прадедом Чингиз-хана Кабул-ханом и его братом Качули, предком Карачара, и потом возобновлявшемся несколько раз; говорится даже о письменном документе, будто бы исчезнувшем во время смут XIV в. Таким же образом представители другого отуреченного монгольского племени, дуглатов, владевшие в середине XIV в. обширной областью, заключавшей в себе, кроме Китайского Туркестана, Фергану и южную часть Семиречья до Иссык-Куля, утверждали, что их предок Уртубу получил

эту область еще от Чагатая; между тем Рашид ад-дин говорит о племени дуглат, что среди его представителей вплоть до времени самого Рашид ад-дина не было никого, кто бы достиг почета и славы.

Обращает на себя внимание то значение, которое имели как в западной, так и в восточной части Средней Азии в то время отуреченные монгольские племена. Историки не дают нам перечисления родов, на которые делились кочевники обоих государств, по среди отдельных названий родов почти нет названий прежних турецких народностей. В государстве Тимура упоминается род кипчак, но не упоминается род карлук; уйгуры упоминаются как род или народность, из которой происходили турецкие секретари (*бахши*) Тимура и его потомков; но ничего не говорится о территории, которая была бы занята уйгурами, как некоторыми другими родами. Рашид ад-дин говорит только о четырех тысячах монгольского регулярного войска, данных Чингиз-ханом Чагатаю; большое число названий монгольских народностей, встречающихся среди названий кочевых родов Средней Азии в XIV в., заставляет полагать, что впоследствии в Туркестан пришло более значительное число монголов. По-видимому, представители одной и той же народности поселялись в нескольких местах; часто мы встречаем одно и то же название среди родов, подчиненных Тимуру, и родов, живших в восточных областях. К числу таких родов принадлежит и род дуглат; из этого рода происходил пользовавшийся полным доверием Тимура эмир Давуд, муж его сестры Кутлуг-Туркан (Теркен). Таким же родом в восточных областях был род барлас.

Замечательно, что название *чагатай* сохранилось только за кочевниками государства Тимура, хотя в восточных областях имели гораздо больше значения ханы, считавшиеся потомками Чагатая. Кочевники этих областей назывались монголами, их страна — Моголистаном. Так, без *н*, произносилось народное название монголов в Средней Азии с самого начала, хотя в монгольских текстах всегда писалось *монгол*; единственные из переселившихся на запад монголов, до сих пор сохранивших свой язык (это племя живет в Афганистане), тоже называют себя могол. Считая себя чистыми представителями среднеазиатских кочевых традиций, моголы с презрением называли чагатаев людьми смешанного

происхождения, метисами (*караунас*); с другой стороны, чагатаи, как представители традиций среднеазиатской монгольской государственности, называли моголов разбойниками (*джете*). Это название, которое в европейской науке иногда пытались толковать в смысле названия древних гетов, в действительности употреблялось, как мы видели, в том же смысле, как в XV в. в турецкой Средней Азии слово *казак* — в смысле отрядов кочевников, отделившихся от того государства, к которому они принадлежали, и находившихся с ним в состоянии войны.

Не вполне ясно, в какой степени моголы XIV-XV вв. еще были монголами по языку и можно ли считать вражду между монголами и чагатаями национальной враждой между монголами и турками. Есть некоторые указания, что язык моголов был монгольским; еще в начале XVI в. Бабур говорит, что его дядя Ахмед-хан могольский носил прозвание *алачи* и что это слово «на языке моголов и калмыков» значит 'убийца'. С другой стороны, Мухаммед-Хайдер считал моголов и киргизов одним и тем же народом и видел всю разницу между ними в том, то моголы приняли ислам, тогда как киргизы оставались в то время язычниками. Потомки Ахмед-хана, во всяком случае, были по языку турками; уже сын Ахмед-хана, Са'ид-хан, умерший в 1533 г., писал стихи по-персидски и по-турецки. Мухаммед-Хайдер отличает моголов от коренного населения Восточного Туркестана и понимает под Моголистаном преимущественно степи от Балхаша, составлявшего границу между Моголистаном и Узбекистаном, на западе и до страны калмыков на востоке; на севере границу составляли Эмиль и Иртыш, на юге — Фергана и области Восточного Туркестана от Кашгара до Баркуля (собственно, Барс-куль). В XVI в. моголы были вытеснены оттуда калмыками и киргизами, но оставались в Кашгарии, где их, по словам Мухаммед-Хайдера, считалось около 30 000. Условия в Кашгарии неблагоприятны для сохранения кочевой жизни, и после исчезновения, в конце XVII в., ханской династии моголы должны были скоро слиться с местным оседлым населением и утратить свое название. По языку в Кашгарии, по-видимому, давно уже не было разницы между кочевниками и оседлыми поселенцами; название *кенджек*, существовавшее в XI в. при Махмуде Кашгарском, по-видимому, давно было забыто. В стране

моголов поэтому с самого начала не было, как в стране чагатаев, противоположности между турками и таджиками, или сартами, хотя бытовые отличия на востоке, где кочевники меньше подчинились влиянию мусульманской культуры, были еще больше. У моголов особенным уважением пользовались воины, проводившие в молодости некоторое время в полном одиночестве в пустынях, горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от ближайшего жилья, питаясь мясом и одеваясь в шкуры убитых ими животных. У чагатаев такою обычая, конечно, не могло быть.

Чагатаи при Тимуре считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и по своему военному устройству оставались верны традициям Чингизхана. Связанное с именем Чингизхана обычное право кочевников обозначалось старотурецким словом *тору*, переделанным в *тура*, может быть под влиянием известного еврейского слова, находящегося и в Коране. Тимур и чагатаев обвинили даже в том, что для них *тура* Чингизхана стояла выше шариата; на этом основании сирийскими богословскими авторитетами была издана фетва³¹, по которой Тимур и его подданные не признавались мусульманами. В 1372 г. послу Тимура было сказано в Хорезме: «Ваше царство — область войны (дар ал-харб), и долг мусульман — сражаться с вами». Резким внешним отличием Тимура и его воинов от прочих мусульман были сохраненные ими, по монгольскому обычаю, косы, что подтверждается и некоторыми среднеазиатскими иллюстрированными рукописями того времени. Когда войско Тимура осаждало Дамаск (1400—1401 гг.), его внук Султан-Хусейн изменил своему деду и перешел на сторону осажденных; ему прежде всего отрезали косу и заставили его переменить одежду.

Понимание подробностей деления чагатаев на племена и роды несколько затрудняется неясностью терминологии; в одном и том же значении употребляются термины *улус*, имевший, как мы видели, и гораздо более обширное значение (говорится об улусе Джучи или улусе Чагатая), *иль* и *тюмень*, по-видимому, также монгольское *аймак*. Слово *тюмень* в значении 'множество,

---

³¹ *Фетва* (араб.— мнение, решение)— в странах Бл. и Ср. Востока решение высшего мусульманского духовного лица (муфтия) о допустимости того или иного явления с т. зр. Корана и шариата.

десять тысяч' перешло в турецкий язык из языка коренного населения Кашгарии; впоследствии термин *тюмень* чаще, чем к кочевникам и войску, применялся к массе оседлого населения. Мухаммед-Хайдер различает в Кашгарии (по его выражению, в Кашгаре и Хотане) четыре класса: *тюмень* — крестьянство, *каучин* — войско, *аймак* — кочевников, имевших право на определенное количество хлеба, тканей и т. п., и класс чиновников и духовенства. Вероятно, второй и третий класс вместе составляли моголов. Термин *тюмень* в новейшее время в Бухаре употреблялся для обозначения жителей равнин, в противоположность горцам — *кухистани*. Положение чагатаев в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением яснее, чем у восточных авторов, определяется у испанского посла Клавихо, видевшего их в августе 1404 г.: «Они могут ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить где хотят, и зимой и летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призывает».

Особенным значением среди чагатаев пользовались четыре рода: арлат, джалаир, каучин и барлас. Слово *каучин*, как мы видели, первоначально не было названием отдельного рода или племени, но названием привилегированной части войска; по словам Шереф ад-дина Йезди, так называлась собственная тысяча хана. Очень вероятно, что из каучинов происходил первый правитель Мавераннахра из чагатайских эмиров Казаган (1346—1358), внук которого впоследствии был побежден и убит Тимуром. Названия трех остальных родов были первоначально названиями монгольских национальностей; в чагатайском государстве каждый из этих родов владел определенной территорией; арлаты жили в северной части Афганистана, джалаиры — на Сыр-Дарье около Ходженда, барласы — в местности по Кашка-Дарье. Наравне с родовыми единицами упоминаются, как отдельные части чагатаев, имевшие своих предводителей и свою территорию, отряды, образовавшиеся в свое время вокруг отдельных ханов или царевичей и после их смерти сохранившие их имя. Так, около Балха упоминается «кебекский тюмень»; по словам анонима Искендера, Кебек в царствование своего брата Эсен-Буки получил право собрать вокруг себя богатых людей (очевидно, кочевников, владевших наибольшим количеством стад) из каждого улуса; от этих людей, по словам

историка, происходили те, «которые теперь с гордостью называют себя собственными людьми Кебека». По словам того же источника, к Кебеку присоединился потом улус его побежденного врага царевича Ясавура; но при Тимуре *ясавури* упоминаются отдельно как род, живший около Самарканда; глава ясавуриев, эмир Хизр, владел Самаркандом и по словам анонима Искендера.

Самая тесная связь была, конечно, между Тимуром и родом барлас, к которому он сам принадлежал; отдельные представители этого рода часто называются «братьями» Тимура. С эмирами арлатов и джалаириев Тимур долго боролся за власть, даже после своего провозглашения главой чагатайского государства; улус джалаириев даже был объявлен в 1376 г. уничтоженным, и его остатки были распределены по отрядам других эмиров. Среди особенно близких Тимуров эмиров упоминаются, однако, не только барласы, но и представители других родов; одним из них был Акбуга из рода найман, подобно многим другим сподвижникам Тимура, заранее определивший для себя место погребения около предполагавшегося (в Шахрисябзе) места погребения самого Тимура. Замечательно, что эти местные кладбища называются тем же словом (*мурчал*), как место отряда или отдельного воина во время битвы.

Этот рассказ и многие другие свидетельствуют о популярности Тимура среди чагатаев вообще, особенно среди их главарей. К военному элементу своей страны Тимур, несомненно, чувствовал себя гораздо ближе, чем к городскому и сельскому населению, хотя и Тимур совершил поступок, который в глазах кочевников обоих среднеазиатских государств, чагатайского и могольского, был особенным преступлением: сделал если не своим постоянным местопребыванием, то своей столицей большой город и стал воздвигать в нем постройки. Переход кочевников, их царевичей и главарей в города считался нарушением ясака Чингиз-хана. Предписание «всегда кочевать, никогда не становиться оседлыми» приписывалось и малоазиатскими турками Огуз-хану, причем в этом случае употреблен термин *отурак*, этимологически ближе стоящий к современным европейским словам с этим значением (русск. «оседлый», франц. «*sédentaire*», нем. «*seßhaft*»), чем употребляемое теперь в Средней Азии слово *джатак*. Ненависть к городам была в Моголистане, конечно, упорнее, чем на западе. Еще во вто-

рой половине XV в., когда потомки Тимура давно успели прославиться своими постройками в Самарканде и Герате, могольский Юнус-хан из-за неудовольствия своих моголов должен был отказаться от своего намерения поселиться в Аксу, хотя этот пункт тогда «только по сравнению с Моголистаном мог считаться городом». Когда Юнус-хан несколько лет спустя занял Сайрам и тотом Ташкент и поселился там (в Ташкенте, как известно, и теперь находится его могила), часть моголов ушла от него вместе с сыном самого хана, Ахмедом, оставшимся и впоследствии, в противоположность своему отцу и старшему брату, настоящим степным воином по привычкам и наружности. Таковым видел его еще в 1502 г. его племянник Бабур.

В чагатайском государстве о возмущении на этой почве кочевников против своего властителя говорится только в рассказах о событиях XIV в. Историки хвалят Казагана за то, что он оставался верен кочевой жизни, зимовал на берегу Аму-Дарьи, проводил лето в горах около Бальджуана, не трогал земель оседлого населения. Его сын Абдулла, не спросив позволения у отца, совершил набег на Хорезм; хорезмийцы откупились от него за 200 томанов (2 000 000 серебряных динаров); Казаган, узнав об этом, выразил сыну резкое порицание за беспричинное нападение на земли мусульман. О правлении Казагана говорится, что при нем и турки, и таджики пользовались полным благодеянием. Абдулла после отца тоже правил хорошо, но вызвал неудовольствие некоторыми действиями, как, например, решением сделать своим местопребыванием Самарканд; поэтому он был низложен эмирами меньше чем через год после смерти Казагана. После нескольких лет смуты власть перешла к внуку Казагана, эмиру Хусейну. Он задумал сделать своей столицей Балх; Тимур уговаривал его не делать этого, указывая на судьбу его дяди; Хусейн не послушался; произошло восстание, в котором принял участие сам Тимур. Хусейн был убит; власть перешла к Тимуру, который тотчас сделал сам то, за что упрекал Абдулла и Хусейна: избрал своей столицей большой город, именно Самарканд, и построил в нем стены и цитадель. Из всего этого можно заключить, что, помимо нежелания самих кочевников переменить свою жизнь на жизнь оседлых поселенцев и помимо предписаний Чингиз-хана в интересах коренного населения, таджиков,

также признавалось желательным, чтобы кочевники оставались в степи. Ханы и эмиры переходили в города, конечно, не одни, но с некоторым числом своих соплеменников; трудно было примирить интересы пришельцев с интересами прежних жителей, на которых, несомненно, и без того вредно отражалось управление главнейших кочевников и происходившие среди них междоусобия. Об основании при Хайду и Туве города Андижана аноним Искендера говорит, что ханы привели туда много народа из всех своих владений; еще в эпоху автора представители каждого народа, т. е., вероятно, каждого рода бывших кочевников, имели в этом городе свой квартал.

Тимур, кроме турецкого языка, знал персидский, имел некоторое понятие не только об исламе как религии, но также о мусульманской науке и искусстве; привлекал отовсюду в Самарканд ученых и художников, проводил новые каналы, строил в Самарканде великолепные здания, вообще старался производить на современников своей созидательной деятельностью не менее сильное впечатление, чем разрушительной. К этой стороне его деятельности турецкие элементы его государства не имели почти никакого отношения. Наиболее турецкой страной из покоренных Тимуром культурных стран был Хорезм; мастера из Хорезма выстроили для Тимура великолепный дворец Ак-сарай в Шахрисябзе; но в этом здании, кроме названия, по-видимому, не было ничего турецкого; среди надписей на стенах есть много персидских стихов, но ни одного турецкого. Сам Тимур, по-видимому, не интересовался поэзией, ни турецкой, ни даже персидской; нет никаких указаний на то, чтобы он знал персидских поэтов, если не считать анекдотического рассказа о встрече его с Хафизом, может быть в 1387 г. Заботу о духовных интересах своих турецких подданных Тимур проявил только постройкой великолепного здания над могилой главного турецко-мусульманского святого, Ахмеда Ясеви (других построек Тимура вне Самарканда и его окрестностей не было); но грамота о вакфе в пользу этого здания, дошедшая до нас, составлена по-персидски.

В следующей лекции я постараюсь собрать данные об экономическом и культурном уровне среднеазиатских турок при Тимуре, при его потомках и при узбекских ханах.

Тимур при образовании своей империи не имел в виду, конечно, турецких национальных целей. Целью Тимура было подчинить своей власти как можно большее число стран, по возможности весь мир. Нет указаний на то, чтобы Тимур знал историю Александра Македонского; но его историк приписывает ему те же слова, которые приписывались Александру и завоевателям его типа, в том числе самому могущественному представителю иранской династии Буидов в X в. Адуд ад-дауля: «Весь мир не стоит того, чтобы иметь двух царей». Как завершение своей завоевательной деятельности Тимур представлял себе завоевание Китая, как до него хорезмшах Мухаммед, а после него Надир-шах, с той разницей, что для этих завоевателей поход на Китай был только отдаленной мечтой, тогда как Тимур успел собрать войско для похода, который был остановлен только его смертью; в Китае знали о военных приготовлениях Тимура и принимали меры для отражения нашествия. Есть даже известие, что начальники войска после смерти Тимура сперва хотели продолжать поход и только вследствие наступивших в царстве Тимура смут отказались от своего намерения.

Из всего этого видно, какое значение придавалось и в то время мусульманскими турками Китаю. Бабур говорит в своих записках, что всегда мечтал о путешествии в Китай, и некоторое время, когда ему казалось, что военные неудачи освободили его от всяких политических обязанностей, думал осуществить свою мечту, хотя он, конечно, мог бы быть в Китае только гостем, а не завоевателем, как Тимур. Самарканд оставался при Тимуре и его преемниках крупным торговым центром, куда проникали и китайские товары, хотя, насколько известно, в Туркестане в монгольский период не было таких научных сведений о Китае, какие мы находим в этот период в Персии, особенно в трудах Рашид ад-дина. Подробный рассказ о посольстве в Китай Шахруха в 1419—1422 гг., в котором принимали участие и послы из Самарканда, принадлежит одному из персидских участников посольства.

Предметом завоевательных стремлений Тимура были прежде всего области иранской культуры, раньше других, по географическим причинам, Хорезм, область ту-

реция по составу населения, но в то время едва ли сколько-нибудь уступавшая в культурном отношении чисто иранским областям. Тимур вывез из Хорезма в Самарканд большое число ученых и художников; хорезмийские мастера построили для Тимура дворец в Шах-рисябзе, Ак-сарай, остатки которого до сих пор производят сильное впечатление в художественном отношении, особенно по подбору изразцов; это здание стоит едва ли не выше самаркандских построек Тимура. Обстоятельства сложились так, что от войн Тимура больше всего пришлось пострадать Хорезму. Незадолго перед этим Хорезм освободился от подчинения Золотой Орде и находился под властью собственной династии, происходившей, как и династия Тимура, от отуреченных монголов; тем не менее хорезмийский владетель Хусейн Суфи не допускал никакого сравнения между вполне усвоившими мусульманскую культуру хорезмийцами и походившими по внешности и нравам на язычников чагатаями. Когда в 1372 г. в Хорезм прибыл для переговоров посол Тимура, Хусейн Суфи отказался от всяких переговоров и резко сказал послу: «Ваше царство — область войны (т. е. владение неверных), и долг мусульман — сражаться с вами». После покорения чагатаями в 1379 г. Хорезм несколько раз поднимал восстание; во время борьбы между Тимуром и золотоордынским ханом Тохтамышем Хорезм несколько раз переходил на сторону Тохтамыша и чеканил монеты с его именем. Поэтому Хорезм и в особенности его столица Ургенч подверглись более тяжелой участи, чем другие завоеванные Тимуром области. Во время походов Тимура было много случаев избиения в большом числе жителей городов, но никаких мер не принималось к тому, чтобы эти города оставались пустыми и после. Те же города, где было перебито несколько десятков тысяч людей, потом снова имели большое число жителей и были местопребыванием сыновей и внуков Тимура. Только один Ургенч был совершенно уничтожен как город, и на его месте, чтобы выразить внешним образом уничтожение города, был посеян ячмень. Через три года было разрешено восстановить Ургенч, но только в размерах одного квартала. Хорезм после Тимура так и не вернул себе своего прежнего торгового и культурного значения, тем более что хорезмийская область, по своему географическому положению, более всего страдала от продолжительных войн

между узбеками, т. е. турками Золотой Орды, и чагатаями.

Сам Тимур, как мы видели, был воином чагатайского типа, и его турки-чагатаи были ему, конечно, гораздо ближе, чем его иранские подданные — таджики. В войске Тимура рядом с турками были иранцы; историк-хорасанец Хафиз-и Аbru даже утверждает, что Тимур из всех отрядов своего войска более всего доверял хорасанцам; но в то же время Тимуру приписываются изречения, в которых военные качества признаются только за турками. Когда Тимур в 1404 г., незадолго до своей смерти, давал наставления своим сыновьям и внукам, он говорил им, что владевший прежде Западной Персией Султан-Ахмед, Джалаир (и эта династия вышла из отуреченных монголов), не внушает беспокойства, как человек «с характером таджика». Но в то же время Тимур, как все турки, должен был подчиниться влиянию иранской культуры. Тимур был неграмотен, но не был чужд культуре, хорошо играл в шахматы, находился в в постоянном общении с учеными и из бесед с ними вынес основательные познания в нескольких науках; своими познаниями в истории он удивил одного из величайших арабских историков того времени — Ибн Халдуна. Тимур заботился не только о военных успехах, но и о привлечении в свое государство и в свою столицу ученых, об увековечении своей славы грандиозными постройками и оросительными работами; во всем этом он находился в зависимости от людей иранской культуры и, по крайней мере большею частью, иранского происхождения.

Только в последние годы жизни Тимура, в связи с задуманным походом на Китай, мы видим с его стороны те действия, к которым правитель нашего времени приступил бы с самого начала. Принимаются меры к прочному подчинению тех турецко-монгольских народностей, против которых до тех пор предпринимались только набеги; в степи строятся крепости, причем передовым пунктом была крепость на Иссык-Куле, вообще проявляется забота о восстановлении земледелия и городской жизни. Все, что в этих отношениях было достигнуто перед походом Тимура на Китай, было утрачено тотчас после смерти Тимура, и попытки его преемников вновь подчинить кочевников не имели почти никакого успеха.

Тимур не был так счастлив в своих сыновьях и вну-

ках, как Чингиз-хан, и после его смерти не могло быть и речи о сохранении границ империи, не говоря уже о дальнейшем расширении их. Очень скоро после смерти Тимура его династия лишилась всех своих владений, кроме Туркестана и восточных и частью южных областей Ирана; но на этом ограниченном пространстве, благодаря установлению сравнительного спокойствия и уменьшению размеров военных предприятий, могла происходить более оживленная культурная работа, чем при Тимуре. Главным городом империи вместо Самарканда сделался Герат, местопребывание того сына Тимура, Шахруха, к которому после некоторых междоусобий перешла верховная власть над всеми областями, оставшимися под властью династии Тимура; но и Самарканд, где сорок лет (1409—1449) правил старший сын Шахруха Улугбек оставался блестящим городом, и постройки Улугбека по технической прочности, размерам и внешнему великолепию даже превзошли постройки его деда. Ни в гератских, ни в самаркандских постройках не было ничего национально-турецкого. Кроме мечетей и медресе, строились также здания общепользовательного назначения, как бани, караван-сарай и т. п., но и среди них, по видимому, не было ничего подобного единственной из построек Тимура, имевшей национальное значение, именно зданию над гробницей Ахмеда Ясеви с его огромным котлом для угощения местных дервишей и приезжих гостей. Эта принадлежность здания соответствовала мусульманским понятиям о назначении обители дервишей, *ханегаха* (в документах встречается выражение «ханегах — убежище странников»), и вместе с тем турецким представлениям об обязанности начальника заботиться о щедром угощении своих подчиненных. Зато при потомках Тимура получила значительное развитие турецкая литература, о которой в истории самого Тимура почти ничего не говорится. Турецкая поэзия была в чагатайском государстве и раньше; дервиш Кабул-шах, провозглашенный ханом в 1366 г. и скоро после этого низложенный, писал стихи, пользовавшиеся известностью еще в XV в.; как хан, он должен был считаться потомком Чингиз-хана; очевидно, что его язык был турецким; на этом же языке им, по всей вероятности, сочинялись стихи. Один из сподвижников Тимура, эмир Сейф ад-дин, барлас, писал стихи персидские и турецкие. Но после смерти Тимура появляются более популярные поэты

Секкаки и Лутфи; за последним признавал поэтические достоинства и классический поэт Мир Али-Шир Неваи, со времени рождения которого в нынешнем году прошло 500 лет по мусульманскому счету. Секкаки прославлял в своих стихах уже внука и ближайшего преемника Тимура в Самарканде Халиль-Султана (1405—1409), впоследствии еще более прославлял Улугбека; в стихах, посвященных Улугбеку, автор говорит также о себе как турецком поэте: «Небо еще много лет должно совершать свой кругооборот, прежде чем оно вновь создаст такого турецкого поэта, как я, и такого ученого царя, как ты». Лутфи также говорит, что Улугбеку известны достоинства его стихов, не уступавших, по его мнению, популярным в то время стихам персидского поэта XIV в. Сельмана из Савы. Был также, уже при Шахрухе и Улугбеке, турецкий поэт из представителей династии Тимуридов, Сиди-Ахмед б. Мираншах; написанное им в 839/1435—36 г. для Шахруха *Та'ашшук-наме* в некоторых отношениях представляет, как видно из заглавия, подражание Мухаббат-наме золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми. В самом конце эпохи Тимуридов, в конце XV и в начале XVI в., писал сочинения на турецком языке другой потомок Миран-шаха, Бабура; из слов Бабура мы знаем, что популярным поэтом был также его двоюродный брат, Байсункар, владевший некоторое время Самаркандом. Всех других чагатайских поэтов затмил во второй половине XV в. Мир Али-Шир Неваи. Только произведения Неваи пережили своего автора и получили широкую известность далеко за пределами владений Тимуридов; даже произведения Бабура, несмотря на их несомненные достоинства, сохранились только в небольшом числе списков и были настолько забыты, что должны были быть вновь открыты европейскими учеными. Мир Али-Шир был человеком персидской культуры, вводил в турецкую поэзию персидские сюжеты, даже написал историю древнеперсидских царей. Нет известий, чтобы он интересовался, например, сочинением Рашид ад-дина, вообще историей турок и монголов. В то же время он, однако, придавал значение турецкой поэзии и турецкому языку; в одном из своих сочинений, написанных в самом конце его жизни, он даже старается доказать преимущества турецкого языка перед персидским, на что не решался, насколько изве-

стно, ни один из других турецких писателей, по крайней мере в Средней Азии.

Турецкие поэты писали преимущественно в Самарканде и Герате, т. е. в городах, где огромное большинство населения составляли таджики и где турецкий элемент был представлен династией и войском. Политическое господство турок должно было придать некоторое значение их языку; мы знаем, что даже в Египте, где турок, вне военного элемента, вероятно, не было совсем, в эпоху мамлюков образовалась некоторая турецкая литература, преимущественно переводная. Разумеется, не все представители династии чувствовали себя турками и дорожили традициями своего народа; к тому же чисто турецкие традиции были вытеснены турецко-монгольскими. Турецкое военное устройство того времени было наследием империи Чингиз-хана, и кроме турецких военных терминов употреблялись монгольские, впоследствии забытые, например, слово *хошун* в смысле 'военный отряд'. Степень преданности государя турецким национальным традициям определялась тем значением, которое придавалось законам Чингиз-хана по сравнению с нормами мусульманского права — шариата. Шахрух в Герате хотел быть только мусульманским султаном и халифом и решительно отказывался признавать законы Чингиз-хана, тогда как в то же самое время Улугбек в Самарканде старался соблюдать, по крайней мере в военных делах, все законы, связывавшиеся с именем Чингиз-хана, назначая, по примеру Тимура, подставных ханов, вообще старался править в духе своего деда.

В противоположность Тимуру, Улугбек при жизни своего отца не мог совершать походов на Переднюю Азию; оттого при нем походы на Золотую Орду и Моголистан должны были получить больше значения, чем при Тимуре. Улугбек, однако, не имел возможности вернуться к тем планам, которые были у Тимура в последние годы его жизни; мечты Улугбека, как и прежние планы Тимура, не шли дальше возведения на престол своих ставленников из местных царевичей. Эта цель не была достигнута Тимуром и не могла быть достигнута Улугбеком, не унаследовавшим, по-видимому, военных талантов своего деда и не обладавшим темпераментом завоевателя; даже самое крупное из военных предприятий Улугбека, его поход в Моголистан в 1425 г., осталось без всяких результатов. Владения Улугбека к концу его

правления были менее обширны, чем в начале; моголы отняли у него области к востоку от Сайрама, узбеки — области по Сыр-Дарье ниже Туркестана. Могущество узбеков в то время усилилось под властью хана Абулхайра, сыновьям и внукам которого было суждено впоследствии положить конец государству Тимуридов. Абулхайр зимой 1430/31 г. захватил на некоторое время северную часть Хорезма с городом Ургенчем; осенью 1448 г., когда Улугбек после смерти Шахруха старался подчинить своей власти Хорезм, Абулхайр совершил набег на Мавераннахр и разграбил окрестности Самарканды; в 1451 г. Абулхайр вмешался в происходившие в Мавераннахре междоусобия среди Тимуридов; с его помощью потомок Мираншаха Абу Са'ид победил потомка Шахруха Абдуллу, племянника Улугбека. Победа Абу Са'ида была в то же время победой ходжи Ахра-ра, стоявшего во главе среднеазиатского дервишизма и религиозной оппозиции против Улугбека и его системы управления. Почитатель своего деда Тимура, Улугбек в то же время был приверженцем турецко-монгольских военных традиций и до некоторой степени турецким патриотом. На это указывают монеты, чеканенные им в Герате и Самарканде в течение тех двух лет (1447—1449), когда он стоял во главе государства Тимуридов (до 1447 г. монеты и в Самарканде, где фактически управлял Улугбек, чеканились с именем Шахруха). Улугбек едва ли не единственный из Тимуридов (среди монет самого Тимура такие монеты есть), чеканивший монеты и надписи на турецком языке. Надпись монет Улугбека: *Эмир Тимур гурган химметидин Улугбек гурган сөзүмүз*, т. е. «По духовному благословию эмира Тимура гургана слово наше Улугбека гургана» (формула *сөзүм*, или *сөзүмүз*, употреблялась, как известно, в ханских ярлыках до последнего времени и представляет перевод монгольского *йге ману*, встречающегося на монетах Тимура; *гурган* — монгольское слово 'зять', как называл себя Тимур и некоторые из его потомков, породнившиеся, по его примеру, с домом Чингиз-хана).

Турецкий патриотизм не мешал Улугбеку усвоить еще в большей степени, чем Тимур, иранскую культуру. Улугбек не только беседовал, как Тимур, с учеными, но сам занимался наукой, особенно астрономией, и представлял редкий в истории ислама пример ученого на престоле; современники сравнивают Улугбека в этом от-

ношении только с Александром, учеником Аристотеля, очевидно не находя подходящего примера в мусульманской истории. Астрономические труды Улугбека и его ближайших преемников признаются последним словом мусульманской астрономической науки.

Отношение Улугбека к науке наглядно показывает, какой прогресс представлял Самарканд Улугбека по сравнению с Самаркандом Тимура. Среди приближенных Тимура были как ученые, так и представители турецкого военного сословия, но между теми и другими не было ничего общего; не было примера, чтобы турецкий приближенный Тимура сделался ученым. Улугбек не только сам сделался ученым-астрономом, но создал себе ученика и преемника среди своих приближенных турок — Али Кушчи. Прозвание *Кушчи* показывает, что он занимал должность, соответствующую сокольничьему русских царей; на этой почве, вероятно, произошло первоначально его сближение с Улугбеком, который был большим любителем охоты, так что Бабур называет его *кушчи падишах*. По примеру своего государя Али увлекся астрономией и принимал участие в трудах по сооружению самаркандской обсерватории Улугбека и составлению астрономических таблиц.

Помимо влияния иранской науки, Тимур, несмотря на свою близость к турецким военным кругам, стоял и к своим иранским подданным настолько близко, что даже придумал для своего царствования персидский девиз — *расти русти* 'в справедливости сила'. Улугбек, по видимому, несмотря на свою ученость, был еще более турком, чем его дед, но, конечно, владел и персидским языком и, вероятно, на этом языке говорил с представителями местной богословской науки, среди которых были и наследственные шейх ал-исламы Самарканда, потомки жившего в XII в. автора *Хидай*, Бурхан ад-дина Маргинани. Замечательно, что этих шейх ал-исламов, наравне с самим Улугбеком (при жизни Тимура такие обвинения против государя громко не могли высказываться), обвиняли в нарушении предписаний ислама и в увлечении запрещенными религией удовольствиями. Действительно, такой факт, как устройство шейх ал-исламом пира с приглашением певиц, с точки зрения ислама представлялся совершенно необычным и недопустимым; в то же время этот факт наглядно показывает, как мало жизнь Самарканда при Тимуре и Улугбеке стесня-

лась предписаниями религии. Разумеется, возможностями, открывавшимися этой свободой и культурным прогрессом, преимущественно пользовались представители правящего и богатого класса, но и народные массы не были устранены от участия в этой жизни. Из рассказа Клавихо о пирах Тимура видно, что во время этих пиров заботились также об угощении народа. По свидетельству историка Ибн Арабшаха, дворцы Тимура с их обширными садами в то время, когда сам Тимур там не жил, были доступны всем жителям Самарканда, богатым и бедным. Замечателен также обычай по случаю больших праздников в царской семье объявлять жителей столицы *тарханами*, т. е. освобождать их от податей и повинностей. Для кочевых завоевателей масса населения была податным сословием, обязанным платить деньги и работать в пользу кочевников, как в мусульманском государстве податным сословием были иноверцы. Эти условия не могли измениться и после принятия кочевниками ислама, несмотря на противоречие с мусульманскими традициями; во время народного движения в Самарканде в 1365 г. против турецких владетелей высказывалось обвинение, что они берут подушную подать (*джизью*) с мусульман. Тем не менее освобождение от этой незаконной с точки зрения ислама подати происходило не на почве подчинения мусульманскому праву, но на почве применения к оседлым жителям другой нормы кочевого права — тарханства. Пожалование отдельному лицу тарханства было исключением данного лица из податного сословия и возведением его в дворянство; такие тарханные грамоты сохранились в числе документов, издававшихся от имени хана в государствах, на которые распались монгольские государства; в Поволжье возведение в тарханство продолжалось и при русской власти, до времени Александра II. Массовое тарханство жителей целого города, конечно, первоначально не имелось в виду кочевым правом; но этот способ освобождения жителей столицы от податей и повинностей применялся и впоследствии, даже при узбеках. В конце XVIII в. Шах-Мурад, или эмир Ма'сум, ревностный приверженец шариата, в начале своего царствования для освобождения жителей Бухары от податей и повинностей объявил их тарханами, т. е. прибег в этом случае не к норме шариата, а к норме кочевого права. Эта привилегия ставила жителей столицы в выгодное

положение по сравнению с жителями других городов и в особенности по сравнению с крестьянским сословием, положение которого под властью кочевников было особенно тяжело.

Государству Тимуридов, как и другим государственным образованиям в Средней Азии, не было предоставлено достаточно времени, чтобы на прочных основаниях создать культурную жизнь на национальной почве; смуты переходного периода вызвали кризис, которым воспользовались иноземные завоеватели. Торжество ходжи Ахрара и дервишизма не было связано с национальной борьбой иранцев против турок. Сам ходжа Ахрар был из горных таджиков и среди его ближайших приверженцев, насколько известно, не было турок; но дервишизм всегда имел успех и среди турецких кочевников, и Абу Са'ид своим союзом с ходжей Ахраром не порывал с национальными традициями. На это указывает и легенда, что Абу Са'ид видел во сне Ахмеда Ясеви и ходжу Ахрара, причем первый указывал ему на второго. Как правитель Абу Са'ид продолжал традиции Тимуридов; на монетах изображался герб Тимура — три кружка.

Тимуриды погибли в борьбе с другими турками, вышедшими из степи, — узбеками. Узбеки гораздо менее чагатаев были затронуты иранской городской культурой и потому в большей степени сохраняли кочевые нравы. Узбецким ханам не приходилось, как Тимуру и Улугбеку, искусственно возбуждать среди своих кочевников турецкий военный патриотизм; легенды о военных подвигах богатырей слагались в степи совершенно независимо от ханов, часто против них. Легенды о военных событиях XIV—XV вв. в узбекском освещении включались даже в сочинения тимуридских историков и отличались гораздо большей жизненностью, чем придуманные для Тимура легенды о его предках. В Мавераннахре о Тимуре рядом с историческим повествованием сложилась и легенда, но на персидском языке; как видно и из монет Улугбека, воспоминания о Тимуре рано обратились в полурелигиозный культ «духа великого эмира». Более живой образ «Аксак-Тимура» как воина и полководца мы находим в татарских и ногайских легендах, чем в туркестанских.

Национальным турецким патриотом был и для узбеков, как для турок государства Тимуридов, Ахмед Ясеви. Город, где был похоронен Ахмед Ясеви и где на некоторое время утвердили свою столицу узбеки, получил

название Туркестана, чем особенно красноречиво доказывается значение культа Ахмеда Ясеви для турок и значение турецкой национальной идеи для узбеков. В здании, построенном Тимуром над могилой Ахмеда Ясеви, находятся могилы многих узбецких ханов и ханш. Сюда же, в город Туркестан, удалились узбеки, когда они на короткое время, после поражения и смерти Шейбани в войне с персами (1510 г.), лишились Самарканда, Бухары и прочих своих завоеваний.

Шейбани, внук Абулхайра, завоеватель государства Тимуридов, был и чувствовал себя турком, но именно в своих завоевательных стремлениях руководился не турецкими национальными целями. Как все кочевые завоеватели, он овладевал одной областью после другой, останавливаясь только перед непреодолимыми препятствиями. По словам одного из своих персидских историков, он прославился военными подвигами и в Туране, и в Иране; он завоевал Хорасан и, конечно, не ограничился бы одной этой иранской областью, если бы не его поражение в войне с Исма'илом Сефевидом, основателем новоперсидского государства. Незадолго до этого Шейбани потерпел поражение в северных степях от части узбецкого народа, отделившейся от главной массы узбеков при Абулхайре и за это получившей название казак, как называли среди кочевников людей, отделившихся от своего государства и находившихся с ним в состоянии войны. В первое время употреблялся термин *узбек-казак*. Существование такой группы показывает, что узбеки так же мало, как прежние кочевые народы, были склонны добровольно объединиться под властью своих ханов для завоевательных целей.

Факт завоевания Мавераннахра новым турецким народом, притом почти совсем не затронутым персидской культурой, должен был способствовать дальнейшему развитию литературы на турецком языке, особенно переводной; говорится о целом ряде таких трудов, написанных для первых узбецких ханов. Еще около 1530 г. о самаркандском хане Абу Са'иде, двоюродном брате Шейбани, говорится как о турке, совершенно не знавшем по-персидски. Но такое отчуждение завоевателей от покоренного населения не могло долго продолжаться. Умерший в 1539 г. племянник Шейбани бухарский хан Убейдулла считался идеальным правителем не с точки зрения кочевых традиций, но с точки зрения мусульман-

ского права — шариата. В таком же духе старался править самый знаменитый из узбецких ханов XVI в. бухарский хан Абдулла, умерший в 1598 г., объединивший под своей властью, кроме Мавераннахра, Хорезм и Хорасан. При провозглашении Абдуллы ханом в 1583 г. (фактически вся власть была в его руках и раньше) был совершен старый монгольский обряд поднятия хана на куске белого войлока, но за четыре угла этого куска держались не главари кочевых родов, как требовалось кочевыми традициями, а главы бухарских дервишских орденов; в этом мы видим любопытный пример, как старались примирить чисто языческий обряд с духом мусульманской государственности.

Абдулла достиг своих целей такими же средствами, как другие монгольские и турецкие государи в Средней Азии. Его правление было благодетельным преимущественно в глазах оседлого населения, для которого было выгодно существование сильной власти; его имя до сих пор прославляется в Туркестане как насадителя порядка и культуры; ему приписываются все общепользные сооружения: проведение новых каналов, постройка в степи караван-сараев и т. п. Но кочевники так же мало, как прежде, нуждались в объединении под сильной властью, и победы Абдуллы были куплены кровавым истреблением всех его противников. Истреблялись не только члены враждебных владетельных родов, до грудных младенцев включительно, но и народные массы, особенно во время походов Абдуллы на север, в степь. Рассказывают, что во время одного из таких избиений нарочно погнали толпу избиваемых мимо хана, чтобы этим вызвать его жалость и побудить его остановить избиение, но хан остался неумолим и избиение было доведено до конца. К тому же это кровопролитие оказалось бесцельным. Несмотря на понесенные потери, казаки еще до смерти Абдуллы снова произвели нашествие на Мавераннахр и дошли до Самарканда. После смерти Абдуллы и его сына Абд ал-Мумина государство, основанное Абдуллой, быстро распалось, все завоевания были утрачены, в самой Бухаре власть перешла к новой династии, под властью которой находилась только часть бывших владений хана. Ни один из последующих ханов не объединял под своей властью такого числа областей, как Абдулла.

Отсутствие среди узбеков политического единства и

стремления к нему особенно ясно сказались в судьбе Хорезма. Хорезм при последних Тимуридах входил в число владений султана, правившего в Герате, совершенно независимого от султана, правившего в Самарканде. Шейбани завоевал Хорезм уже после Самарканда, почти одновременно со своим походом на Хорасан, и при жизни Шейбани Хорезм вошел в состав того же узбекского ханства, как Самарканд и Бухара. Но после битвы 1510 г. победитель, персидский шах Исма'ил, предоставил Самарканд и Бухару последнему Тимуриду, Бабур, а в Хорезм послал наместников от себя. Бабур был вытеснен из Мавераннахра родственниками Шейбани; персидских наместников вытеснили из Хорезма другие узбеки, тоже вышедшие из потомков Шибана, но из другой ветви, чем Абулхайр. В XVI в. Хорезм два раза, при Убейдулле и Абдулле, на короткое время подчинялся бухарским ханам; но в конце концов династия потомков Шибана в Хорезме оказалась долговечнее, чем узбекская династия в Самарканде и Бухаре, и правила почти до конца XVII в., тогда как господство дома Абулхайра прекратилось уже в конце XVI в. Хорезмийский историк хан Абулгази (ум. в 1663 г.) склонен считать гибель дома Абулхайра наказанием за произведенное Абдуллой избиение представителей хорезмийской династии; вообще он видит в действиях Абдуллы в Хорезме признаки «недомыслия», хотя в общем высоко ставил Абдуллу как правителя, упоминает и о высокой ценности на международном денежном рынке чеканившейся при Абдулле монеты. Между тем сам Абулгази первым из хорезмийских ханов стал производить набеги на Бухару; при сыне и преемнике Абулгази Ануше Бухара находилась короткое время во власти хорезмийцев.

С тех пор начались кровавые междоусобия среди турецких народов Средней Азии, продолжавшиеся до завоевания Туркестана русскими и китайцами. Борьба происходила не только между отдельными государствами, но и между отдельными элементами каждого государства. В XVI—XVII вв. под властью турок находилось огромное пространство от Каспийского моря на западе до Хами на востоке, от Гиндукуша и Куэнь-Луна на юге до границ русских владений в Сибири на севере. Все эти области находились в состоянии, указывающем на упадок культуры по сравнению с недавним прошлым.

При объяснении этого явления историк, как во многих

других случаях, находится в затруднении, что признавать причиной и что следствием. Завоевание значительной части Средней Азии таким отсталым в культурном отношении народом, как узбеки, должно было уменьшить значение Средней Азии для международной торговли; деятельность купцов еще более затруднялась отсутствием в отдельных государствах единства политической власти; так, в Хорезме каждый представитель династии старался взимать с товаров пошлину в свою пользу. Вместе с тем, однако, эти затруднения, вероятно, были бы преодолены легче и быстрее, если бы караванный путь через Среднюю Азию сохранял то значение, которое он имел еще в первой половине XV в., при Тимуре и Улугбеке, и которое он постепенно утрачивал со второй половины XV в. — со времени открытия европейцами Америки и морского пути в Индию, когда преобладающее значение перешло к морской торговле, находившейся в руках европейцев. Кроме того, утверждение русской власти в Сибири создало и на суше новый торговый путь из Европы на Дальний Восток. Еще во второй половине XVII в. сибирские купцы принимали участие в караванной торговле с Китаем через Среднюю Азию и пограничный китайский город Сучжоу; в первой половине XVIII в. договорами между Россией и Китаем была создана кяхтинская торговля; образовался новый путь в Китай — сибирский тракт, в начале XX в. закрепленный железной дорогой, и значение Туркестана для мировой торговли еще более уменьшилось. Если господство в Средней Азии культурно отсталого народа — узбеков — могло способствовать изменению торговых путей, то еще более изменение торговых путей способствовало культурной отсталости и неблагоприятно отражалось на культурном прогрессе. Нет никакого основания утверждать, чтобы узбеки и другие среднеазиатские турки XVI и XVII вв. были менее способны к усвоению культуры, чем средневековые турки.

Самым западным из турецких владений в Средней Азии был Хорезм. Население его состояло, кроме узбеков, из сартов и туркмен. При узбеках слово *сарт* уже не употреблялось, как при Тимуридах, в значении 'иранец', в противоположность слову 'турок'; в Хорезме в это время сартами называли городских жителей, говоривших, как и узбеки, на турецком языке, но резко отличавшихся от них в бытовом и культурном отношении. Уз-

беки, например у Абулгази, противопоставляются сартам не употреблялось, как при Тимуридах, в значении 'ирадовой строй, но и как сельские жители, земледельцы. В военной и политической истории Хорезма сарты в это время не играли роли; зато между туркменами и узбеками много раз, с XVI в. до событий последних лет, возобновлялась кровавая борьба; несколько раз сами хорезмийские ханы борьбе с узбецкой родовой аристократией призывали туркмен и с помощью их устраивали кровавое избиение среди узбеков. Какое значение придавалось туркменам, видно из того, что хорезмийский историк хан Абулгази, кроме сочинения по истории турок, в котором главное место было отведено истории узбеков, написал также особое сочинение по истории туркмен. Туркмены в большей степени, чем узбеки, сохраняли свой воинственный быт и свою поэзию; из всех турецких народностей только туркмены имели соего национального поэта, Махтум-Кули. В глазах туркмен хорезмийские узбеки были не турками, а татами, как еще при Махмуде Кашгарском называли культурное население в противоположность турецким кочевникам. Туркмены жили в это время в том же состоянии политической анархии, как на всем протяжении своей истории; характерно, что народ, из среды которого вышли основатели самых могущественных турецких империй, сельджукской и османской, никогда не имел собственной государственности. С XVI в. отдельные части туркмен подчинялись то хорезмийским узбекам, то бухарским, то персам; во время войн между этими государствами присоединялись то к одной, то к другой стороне, боролись и между собой и тем не менее одерживали победы над своими врагами; даже русские встретили со сторон туркмен более упорное сопротивление, чем со стороны всех других, и только в борьбе с туркменами были случаи потери русскими войсками знамен и пушек.

Узбеки Хорезма сохраняли свою государственность, несмотря на крайне неблагоприятные условия. Во второй половине XVI в. Хорезм был постигнут стихийным бедствием: река Аму-Дарья на некоторое время совершенно перестала питать свой левый рукав, орошавший главный город области, Ургенч, и все течение ее направилось к Аральскому морю. Образовалась новая столица, Хива, и новые города в дельте Аму-Дарьи, где некоторое время даже существовала особая, независимая от Хивы по-

литическая власть. Менее подвергаясь влиянию персидской культуры, хорезмийцы более дорожили своим языком и преданиями, чем бухарские ханы; в XVI в. для одного из ханов, Дост-хана, был составлен свод народных преданий; в XVII в. хан Абулгази написал свой замечательный исторический труд, в котором старался писать так, чтобы его мог понять и пятилетний мальчик, и избегать не только арабских и персидских выражений, но и чагатайских. Абулгази провел десять лет в Персии и потому был гораздо образованнее своих соплеменников; он высоко ставил ханскую власть и для оправдания идеи деспотизма проводил такую же теорию, как его английский современник Гоббс: для сохранения порядка в обществе необходимо, чтобы все члены общества отказались от своей воли в пользу одного лица. Но невозможно, что в Персии в то время были англичане, разделявшие взгляды Гоббса, и что таким образом эта теория, через третьи руки, дошла до Абулгази. Преемник Абулгази, Ануша, увлекся идеей персидского деспотизма и после завоеваний Мешхеда принял титул *шах*; проведенному им новому большому каналу хан дал название Шахабад, из чего видно, как он дорожил своим новым титулом. Для создания блестящего престола в небольшом Хорезме, однако, не было подходящих условий; вскоре после смерти Ануши династия прекратилась, вся власть перешла в руки главарей кочевых родов, причем, однако, сохранялся принцип, что право на престол имеют только потомки Чингиз-хана; возводились на престол подставные ханы, чаще всего призывавшиеся из казакских степей; историки говорят об этом обычае как об «игре в ханы». Хорезмийские узбеки в глазах бухарских были своевольными людьми, не склонными подчиняться произвольным распоряжениям своих властей. Анархия достигла высшего предела во второй половине XVIII в., и даже город Хива совершенно опустел. С 1770 г. порядок постепенно был восстановлен под властью новой. Кунградской, династии, представители которой потом приняли и ханский титул и с успехом старались установить в своей стране сильную власть. Еще около 1840 г. хивинский хан владел обширным государством от Мургаба до низовьев Сыр-Дарьи; впоследствии пределы этого государства значительно уменьшились под влиянием восстаний туркмен и казаков (казахов). После завоевания Хивы русскими (1873 г.) хивинскому хану был ос-

тавлен Хорезм, хотя и в значительно уменьшенных пределах; при национальном размежевании 1924 г. Хорезм как государство был совершенно уничтожен, большая часть его вошла в состав Узбекистана, остальная — в состав Туркменистана. Насколько было желательным такое последовательное проведение национального принципа, об этом можно спорить; Хорезм не имел уже с XI в. своей национальности, но по своим историческим традициям, бытовым и экономическим особенностям оставался вполне жизненным и своеобразным организмом, и уничтожение этого организма, существовавшего с древнейших времен, может быть, не пройдет бесследно.

Менее сложной была жизнь других государств. Во владениях бухарского хана различались, по-видимому, только узбеки и таджики; политическое господство находилось в руках узбеков; во время ослабления ханской власти во второй половине XVII в. отдельные местности перешли во власть главарей отдельных узбецких родов, и установилась та удельная система, которая была в Туркестане в XIV в. в конце монгольского периода, до установления власти Тимура. Кроме того, приходилось отражать нашествия казаков, совершенно разоривших Самарканд, на некоторое время переставший существовать, тогда как Бухара, в противоположность Хиве, не подвергалась вражескому нашествию, и даже в эпоху величайших неудач в борьбе с внешними и внутренними врагами власть бухарских ханов в конце XVIII в. при новой династии Мангытов, принявших титул эмиров, в их столице не подвергалась колебаниям. Эмиры из династии Мангытов вступили в беспощадную борьбу с узбецкой родовой аристократией, или, по выражению ученого Ханыкова, с бухарским феодализмом; борьба не привела к полному успеху, но власть бухарского эмира значительно усилилась; некоторым эмирам удавалось на короткое время подчинить себе даже Коканд. Эмирами производились оросительные работы для восстановления пришедшего в упадок земледелия; вновь орошенные земли в равнинной части долины Зеравшана были заняты перешедшими к оседлости узбеками; в руках таджиков оставались, за немногими исключениями, только горные селения. Тем не менее население главных городов, Самарканда и Бухары, оставалось таджицким и сами эмиры были более таджиками, чем узбеками; хивинские историки называли даже бухарское войско тад-

жицким, хотя военным элементом и в Бухарском ханстве оставались узбеки.

В Фергане, где турецкий элемент еще в монгольскую эпоху проник и в города, в эпоху кокандских ханов таджики также были оттеснены в горы. Зато здесь, как в Хорезме, от узбеков и таджиков отличались сарты, как, по-видимому, называли и там в это время говорившее по-турецки городское население. Сарты в Фергане представляли даже политическую силу и вели вооруженную борьбу с узбеками, особенно с захватившим на некоторое время власть родом кипчак. В ином значении, вероятно, употреблялось слово *сарт* казаками; в их поговорках постоянно сопоставляются слова *казак* в смысле 'кочевник' и *сарт* в смысле 'оседлый житель' городской и сельский, на каком бы языке он ни говорил. Кокандские ханы XIX в. увеличили культурную площадь Ферганы грандиозными оросительными работами, содействовавшими развитию городской жизни; кроме того, они вели войну с Бухарой и с успехом распространяли свои владения на северо-запад, вниз по Сыр-Дарье, и на северо-восток в Жетысуйской области. Для этого они старались подчинить себе кочевников — казахов и киргизов.

В русской литературе эти два народа, совершенно отличные один от другого, получили одно и то же название — киргизы; настоящих киргизов, чтобы отличить их от казаков, стали называть кара-киргизами. Мы видели, что казакский народ образовался только в XV в. из части узбеков, ушедших из-под власти хана Абулхайра; киргизы упоминаются издавна, хотя нельзя установить, когда и как они заняли южную часть Жетысуйской и восточную часть Сыр-Дарьинской области, где мы находим их теперь. В известиях о походах Тимура и Улугбека нет ни слова о киргизах; они впервые упоминаются в Жетысуйской области в начале XVI в., когда во главе их стал Халиль-Султан, один из сыновей монгольского хана Ахмеда; ничего не сказано о том, откуда они пришли. В XVI в. киргизы часто находились под властью казакских ханов и вместе с ними вели борьбу с монгольскими ханами, в то время уже отуреченными, владевшими Кашгарией; в XVII—XVIII вв. они одновременно с казаками, но отдельно от них вели войны с новыми монгольскими пришельцами — калмыками, на некоторое время подчинившими себе Среднюю Азию. Ими в XVIII в. были завоеваны принадлежавшие тогда казакам города Таш-

кент, Сайрам и Туркестан, и в зависимости от них находился даже бухарский хан. Среди калмыков прочно утвердился буддизм, и потому калмыки не могли, подобно потомкам монголов Чингиз-хана, принять ислам; мусульманами сделались только немногие калмыки, потомки которых известны теперь под названием *сарт-калмак*. Могущество калмыкской державы было сокрушено скоро после 1758 г. китайцами, причем благодаря жестокому способу ведения войны погибла и значительная часть калмыцкого народа; новый удар был нанесен этому народу казаками во время ухода части калмыков, против воли русского правительства, из бассейна Волги на восток. После уничтожения калмыцкого государства китайцы старались подчинить себе казаков и киргизов; против китайских притязаний выступила Россия, в конце концов одержавшая верх в этом споре.

В первой половине XIX в. русскими была уничтожена среди казаков ханская власть; у киргизов своих ханов не было, и, как мы видели, сами киргизы не обращали внимания на эту сторону своего быта. Киргизы позже, чем казаки, подчинились русским и потому дольше сохраняли свое военное устройство; борьба с калмыками оставила след в киргизском народном эпосе, особенно в цикле сказаний о Манасе. Борьба в этом эпосе изображается как религиозная война, хотя киргизы и в XIX в., как в XVI, почти совершенно не были знакомы с догматами и обрядами ислама. Подобно казакам, и киргизы получили возможность образовать свою национальную республику. По разным причинам судьба киргизов в XIX в. сложилась гораздо хуже, чем судьба казаков, и теперь состояние киргизского народа, как культурное, так и в особенности санитарное, крайне печально.

Турки Алтая и верхнего Енисея не имели своей государственной жизни и вошли в состав калмыкской державы; турки Алтая даже теперь, после образования своей национальной республики, приняли название *ойрат*, собственно принадлежащее калмыкам. Еще в XVII в. калмыки завоевали и Восточный Туркестан, где в то время господствовали ханы отуреченных монголов, называвших себя *могол*. Мы видели, что это название, как название *чагатай* в государстве Тимура и Тимуридов, относилось не ко всему населению страны, но только к военному сословию; после изменения политических условий и это название, как слово *чагатай* в Западном Тур-

кестане, постепенно вышло из употребления. Под властью калмыков и потом под властью китайцев турки Восточного Туркестана не имели своего народного названия и не нуждались в нем; отдельные части народа называли себя по городам и местностям, где они жили (*кашгарлык*, *турфанлык* и т. дп.) Местные мусульманские князья часто носили китайский титул ван³², кроме того, политическое значение, начиная с эпохи монгольских ханов, имели духовные вожди, ходжи, происходившие из Ферганы, именно из ее северной, таджицкой части. В Западном Туркестане некоторое движения ходжей, может быть, носили национально-таджицкий характер, направляясь против узбеков и казаков; в Восточном Туркестане, где отуречение было более полным, ходжи примыкали к туркам и носили турецкие названия. Ходжей иногда называли распространителями ислама в Восточном Туркестане; в источниках на это указания нет; напротив, господство ислама вполне установилось еще в XV в., и монгольские ханы усердно распространяли его, даже насильно; ханы насильно заставляли своих монголов носить чалму, непослушным вбивали в голову гвозди; говорится тоже, что монголы должны были срезать себе волосы — вероятно, косы. Ходжи для укрепления своего влияния боролись с культом местных святых, также считавшихся мусульманскими, хотя очень вероятно, что, как бывало везде, эти места были предметом культа еще до ислама и потом были искусственно присвоены мусульманским святым, как в Европе христианские святые почитаются в местах языческого культа.

Культурное состояние Восточного Туркестана было еще печальнее, чем состояние государства узбеков. Сюда еще менее проникало влияние Европы и Передней Азии, хотя и тут языком культуры отчасти был персидский язык; на персидском языке написан и исторический труд Мухаммед-Хайдера (в середине XVI в.), по отзыву европейских ученых единственный замечательный литературный труд, написанный в Кашгарии; потом этот труд был несколько раз переведен на турецкий язык. С XVIII в. литературным языком был исключительно турецкий, но замечательных произведений больше не появлялось. Картину крайней дикости представ-

---

³² Ван — китайский княжеский титул.

ляет и политическое движение 1860-х годов, благодаря которому Восточный Туркестан именно в то время, когда Западный Туркестан был завоеван русскими, на короткое время вернул себе свою политическую самостоятельность. Все движение представляет картину кровопролитной и часто бессмысленной борьбы местного населения не только с китайцами, но и между собой; по признанию местного мусульманского историка, мусульманское население могло только радоваться восстановлению китайской власти.

Восточный Туркестан остался под властью Китая и после свержения маньчжурских императоров и учреждения Китайской республики; но, под влиянием событий в России, должна была явиться потребность в национальной автономии, по крайней мере культурной, и в народном названии. Интеллигенция Восточного Туркестана теперь склонна называть свой народ уйгурами, хотя владения уйгуров никогда не заходили до западной части Кашгарии и хотя еще теперь гораздо дальше на восток, уже в пределах собственного Китая, существуют остатки уйгуров, до сих пор сохраняющие верность буддизму, пользовавшиеся уйгурским шрифтом, окончательно забытым мусульманскими турками после XV в., и имевшие религиозную литературу, по крайней мере переводную, на своем языке; теперь уйгурская грамотность среди них совершенно вытеснена тибетской.

Будущность среднеазиатских турок, как всякого другого народа, в значительной степени зависит от их участия в мировом культурном общении. Нет основания ожидать проведения железной дороги через Восточный Туркестан и восстановления таким образом средневекового торгового пути из Передней Азии в Китай, хотя об этом проекте и говорилось в печати; при существовании железнодорожного пути в Китай через Сибирь маловероятно создание второго, к тому же связанного с большими техническими трудностями. Гораздо более вероятно, что для Туркестана, особенно Западного, будет иметь значение европейско-индийский железнодорожный путь, когда вопрос о нем, давно уже поставленный, будет наконец решен. Известно, что русские уже в XVII в. через Туркестан искали пути в Индию.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Василий Владимирович Бартольд

ТЮРКИ

**Двенадцать лекций
по истории турецких
народов Средней Азии**

Редактор Р. Соболева

Художник С. Майоров

Художественный редактор С. Макаренко

Технический редактор Р. Винокурова

ИБ № 4808

Сдано в набор 18.11.93. Подписано в печать 5.05.98. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип № 2. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл.кр.-отт. 10,5. Усл. п.л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,78. Тираж 3000 экз. Заказ 1571. Цена договорная.
ТОО «Жалын баспасы» Министерство информации и общественного согласия Республики Казахстан. 480009, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Республиканское производственное объединение «Кітап» Министерства информации и общественного согласия Республики Казахстан. 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.